

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Советская Арктика

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ
ПРИ СНК СССР
И ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ
ГУСМП

154327

10-11 ОКТЯБРЬ—НОЯБРЬ
1938

И з д а т е л ь с т в о Г л а в с е в м о р п у т и

СОДЕРЖАНИЕ

Ленинскому комсомолу (Приветствие ЦК ВКП(б))	3
Славное двадцатилетие Ленинско-Сталинского комсомола	4
Во имя бессмертного народа	8
И. Д. Папанин. Решение Совнаркома — большевистская программа работы Главсевморпути	11
Молодым полярникам	20
Гордым соколам Сталинской эпохи	20
В. Мещерин. Молодые моряки арктического флота	21
А. Смирнов. Молодежь острова Диксона овладевает военным делом	25
Иван Воблов. Комсомол Чукотки	27
Я. Либин. Комсомольцы на острове Рудольфа	31
А. Дамешек. С честью выполнить сталинское задание	33
А. Вдовин. Партийные кадры Заполярья	35
Подарки комсомольцев Арктики к двадцатилетию ВЛКСМ	38
А. Фейгин. В Ленинградской комсомольской организации Главсевморпути	44

ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ

К. и Е. Званцевы. Комсомольская зимовка на 75° северной широты	45
М. Черненко. Зимовка отважных	71
Ан. Климов и Вл. Смирнов. На конце земли	80
С. Маценко. По новой дороге	90
Макс Зингер. Два товарища	91

У НАРОДОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Среди тундры город вымахал	98
В. Сенкевич. Хантэйский поэт	103
Е. Винокурова. Это возможно только в нашей стране	106
И. А. Усилим борьбу против шаманства	107

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Вл. Попов-Штарк. Говорящая карта Арктики	112
--	-----

ЗАРУБЕЖНАЯ АРКТИКА

Борис Рихтер. Гренландия	124
--------------------------	-----

НАМ ПИШУТ

Ф. Щепетов. О некоторых вопросах в науке и практике по оденеводству	141
Н. Георгиевский. Возглавить инициативу полярников	148
А. Вольский. По московским музеям	151

И. В. СТАЛИН

«Интернационализм является основной идеей, проникающей работу Комсомола. В этом его сила. В этом его мощь. Нужно, чтобы дух интернационализма витал всегда над Комсомолом. Нужно, чтобы успехи и неудачи в борьбе пролетариата нашей страны связывались в сознании комсомольцев с успехами и неудачами международного революционного движения. Нужно, чтобы нашу революцию научились рассматривать комсомольцы не как самоцель, а как средство и подспорье для победы пролетарской революции во всех странах».

Ленин — Сталин, Избранные произведения, стр. 689, Партиздат, 1936.

Ленинскому Комсомолу

Приветствие

в день двадцатилетнего юбилея ВЛКСМ.

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) приветствует Ленинский Комсомол в день его двадцатилетия.

За двадцать лет Комсомол прошел славный путь борьбы и побед. Комсомол воспитал десятки и сотни тысяч замечательных советских людей, мужественных, бесстрашных бойцов Советского народа, лучших представителей молодого поколения рабочих, колхозников, советской интеллигенции, не покладая рук работающих во всех отраслях социалистического строительства — в армии и в школе, на стройках и на заводах, в совхозах и колхозах, в области науки, техники и искусства, в Советах, в профсоюзах, в кооперации.

Этих успехов Комсомол добился потому, что он всегда боролся под руководством большевистской партии, высоко держал знамя Ленина—Сталина, объединяя вокруг него миллионы трудящейся молодежи, всегда являлся верным помощником партии, ее боевым резервом.

Эти успехи были бы более значительными и всесторонними, если бы ЦК ВЛКСМ не допустил в последнее время ряд серьезных ошибок в деле идейного воспитания молодежи, очищения Комсомола от враждебных элементов и выдвижения новых кадров комсомольских работников на руководящую работу.

ЦК ВКП(б) желает Ленинскому Комсомолу успехов в деле воспитания нашей молодежи в духе марксизма-ленинизма, в духе непримиримой борьбы с врагами народов СССР, в духе дальнейшего укрепления братских уз солидарности между трудящимися всего мира.

ЦК ВКП(б) уверен, что вооруженный учением марксизма-ленинизма, Комсомол проявит еще больше инициативы и дисциплинированности во всех областях социалистического хозяйства и культуры, в деле усиления обороноспособности нашей страны, укрепления нашей армии, нашего флота, нашей авиации.

ЦК надеется, что Комсомол и впредь будет самоотверженно выполнять свой долг перед Советской родиной и международным пролетариатом.

Да здравствует советская молодежь!

Да здравствует Ленинский Комсомол!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков).

СЛАВНОЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ ЛЕНИНСКО-СТАЛИНСКОГО КОМСОМОЛА

29 октября народы нашей страны отмечают знаменательную дату — двадцатилетие Ленинско-Сталинского комсомола, ближайшего помощника, могучего резерва большевистской партии, боевого авангарда революционной молодежи всего мира.

Партия большевиков, великие гении человечества Ленин и Сталин создали и выпестовали комсомол. На протяжении 20 лет героической борьбы советского народа за социализм Ленинско-Сталинский комсомол с честью оправдывает свое высокое звание.

По зову большевистской партии десятки тысяч юношей и девушек шли на штурм капитализма в октябрьские дни 1917 года. В годы гражданской войны и интервенции комсомол мобилизовал своих лучших сынов на фронт для защиты молодой советской республики от посягательств белогвардейских банд и интервентов. За боевые заслуги на фронтах гражданской войны советское правительство наградило Ленинский комсомол орденом Боевого Красного Знамени.

Вместе со всем советским народом комсомол после гражданской войны бросил свои силы на восстановление народного хозяйства. В годы сталинских пятилеток 200 тысяч лучших комсомольцев, не покладая рук, работали на различных стройках-гигантах социалистической индустрии, 36 тысяч комсомольцев помогали партии возрождать Донецкий угольный бассейн, 20 тысяч осваивали леса Советского Севера, 10 тысяч комсомольцев самоотверженно строили Московский метрополитен имени Лазаря Моисеевича Кагановича. В освоении Сибири, Дальнего Востока, Арктики, в борьбе за колхозный строй — везде и всюду комсомольцы показывали и показывают высокие образцы самоотверженной работы на благо своей родины. За проявленную инициативу в ударничестве, в разворачивании социалистического соревнования советское правительство наградило комсомол орденом Трудового Красного Знамени.

Наша молодежь пользуется всеми правами, закрепленными великой Сталинской Конституцией. Советская молодежь живет и работает в условиях, о которых даже не мечтает трудящаяся молодежь самых демократических буржуазных стран. Наша молодежь представляет собой поколение мужественных, волевых, свободных, подлинных энтузиастов и патриотов своей родины.

Враги народа, проникшие в ряде мест к руководству комсомольскими организациями, всячески пытались принизить роль комсомола, пытались оторвать его от внесоюзной молодежи. Но Ленинско-Сталинский комсомол под руководством большевистской партии разоблачил их вражеские махинации и изгнал их из своих рядов. Разгром троц-

кистско-бухаринских и буржуазно-националистических банд очистил для молодежи путь в ряды ВЛКСМ. За первое полугодие этого года в комсомол было принято около полутора миллионов передовой советской молодежи.

XX годовщина Ленинско-Сталинского комсомола проходит в очень сложной международной обстановке. Фашизм бешено готовится к войне, к захвату чужих территорий. Германо-итальянские интервенты разрушают города и села республиканской Испании, они хотят поработить свободолюбивый испанский народ, героически защищающий свою независимость. Банды японской военщины разоряют мирный труд великого китайского народа, самоотверженно борющегося против фашистских извергов. Фашистская Германия захватила Австрию, поработила Чехословакию. Фашизм готовится к военному нападению на Советский Союз.

Трудящиеся капиталистических стран, вдохновляемые победой социализма в СССР, объединяются для борьбы с фашизмом. Растет и ширится движение единого фронта. Миллионы людей поднимаются на борьбу со своими поработителями. В этой борьбе трудящиеся капиталистических стран с любовью и надеждой смотрят на Советский Союз — оплот мира.

Комсомол, вся трудящаяся молодежь нашей страны проникнута глубоким чувством пролетарского интернационализма. „Интернационализм является основной идеей, проникающей работу комсомола. В этом его сила. В этом его мощь. Нужно, чтобы дух интернационализма витал всегда над комсомолом. Нужно, чтобы успехи и неудачи в борьбе пролетариата нашей страны связывались в сознании комсомольцев с успехами и неудачами международного революционного движения. Нужно, чтобы нашу революцию научились рассматривать комсомольцы не как самоцель, а как средство и подспорье для победы пролетарской революции во всех странах“. (Сталин.)

Наша страна сильна и могущественна. Укрепляя свою обороноспособность и независимость, народы нашей страны создали непобедимую Красную армию, Военно-морской флот, авиацию. И если вздумают зарвавшиеся фашистские псы напасть на нашу родину, они будут биты там, откуда придут.

Наша Красная армия — подлинно народная армия. Лучшие сыны народа крепят ее мощь. В рядах Рабоче-Крестьянской Красной армии и флота комсомольцы являются передовиками боевой и политической подготовки.

В укреплении обороноспособности нашей страны большую роль играют советские полярники.

Партия и правительство поставили перед советскими полярниками почетную и ответственную задачу — освоить Великий Северный морской путь, богатства Арктики, заставить их служить делу социализма. И сюда, на боевой участок, направились сотни молодых патриотов и энтузиастов, готовых отдать все свои силы покорению Арктики.

С каждым годом увеличивается армия комсомольцев, работающих в Арктике и на Крайнем Севере. Комсомольская организация Севморпути насчитывает в своих рядах 6213 членов и кандидатов ВЛКСМ. Партия большевиков воспитала в армии полярников много талантливых и мужественных советских патриотов.

Благодаря повседневной заботе, помощи и руководству партии и правительства, славные сталинские питомцы — герои-летчики, герои-папа-

нинцы, моряки—завоевали Северный полюс, обогатив мировую науку новым огромным вкладом.

Советское правительство оценило работу многих комсомольцев-полярников, отметив их высшими наградами—орденами Союза. Вся страна знает участника экспедиции на Северный полюс, депутата Верховного Совета СССР, Героя Советского Союза—комсомольца Е. К. Федорова, пилота-штурмана, участника полета на Северный полюс, дважды орденноносца—т. Шмандина, начальника самой северной полярной станции острова Рудольфа—комсомольца т. Либина.

Комсомолец Федя Миронов, заведующий разъездным торгом Воронцовского сельмага Таймырского округа, несмотря на труднейшие условия передвижения с товарами по тундре, организовал своевременную доставку их национальному населению.

Кочегар I класса ледокола „И. Сталин“—секретарь комитета ВЛКСМ т. Баранов является одним из лучших стахановцев судна.

Молодой пилот Енисейской авиалинии Василий Смирнов также хорошо известен по своим истинно героическим перелетам.

Можно привести еще много примеров, характеризующих комсомольцев как подлинных энтузиастов освоения Арктики.

Враги народа всячески пытались сорвать освоение Северного морского пути. Комсомольцы под руководством партийных организаций и вместе с ними провели и проводят большую работу по разоблачению и выкорчевыванию вражеских элементов, по выявлению всякого рода проходимцев и сомнительных людей. Комсомольская организация пришла к славному двадцатилетнему юбилею ВЛКСМ окрепшей, сплоченной, безгранично преданной своей великой родине, партии большевиков, вождю и учителю, лучшему другу молодежи великому Сталину.

Комсомольская организация Севморпути за последнее время значительно выросла. За первые три квартала этого года в комсомол принято около 1300 человек молодежи. Особенно следует отметить рост ВЛКСМ за счет молодежи национального населения. Из среды национального населения выдвинулось немало молодых талантливых людей—среди них педагоги, врачи, радисты, шоферы, механики, руководители советских и хозяйственных учреждений.

Комсомольцы-ненцы Маточкина Шара Кирилл Вылко, Василий и Егор Ледковы беспрерывно повышают свой общеобразовательный и политический уровень. Они успешно овладевают техникой, изучают двигатель внутреннего сгорания, приобретают специальность механиков.

Тов. Иванов—якут, стахановец Пеледуйской судоверфи, активный общественник, агитатор. Он учится на судового мастера.

Комсомольцы-ненцы с Югорского Шара тт. Вылко, Тарборей, Вынику-Хан за короткое время изучили автомашину и сейчас работают шоферами. Вынику-Хан из отсталого в прошлом юноши стал хорошим масовиком и организатором.

В системе Главсевморпути и в районах его деятельности насчитывается около 33 тысяч молодежи, из них молодежи национального населения—21 500 человек. Это—богатейший резерв для пополнения рядов комсомола. Однако многие комсомольские организации растут еще медленно. Это объясняется далеко еще недостаточной массовой работой на предприятиях, плохим знанием интересов и запросов молодежи, оторванностью от нее. Комсомольские руководители должны коренным образом улучшить работу с внесоюзной молодежью.

Комсомольские организации провели значительную работу по передаче своих лучших комсомольцев в партию Ленина—Сталина. За текущий год рекомендовано в партию 237 человек, среди них немало комсомольцев-орденоносцев: т. Шмандин, награжденный двумя орденами, т. Мартюшин—молодой боцман ледокола „Ермак“, награжденный орденом Трудового Красного Знамени, т. Ерохов—машинист ледокола „Ермак“ и многие другие. Однако многие партийные и комсомольские организации к этому большому участку работы подходят подчас формально, не ведут систематической работы с комсомольцами, которые достойны быть в рядах партии.

Среди комсомольцев и внесоюзной молодежи выросло много ударников и стахановцев, систематически перевыполняющих свои производственные задания. По инициативе комсомольцев-моряков, работающих на борту флагманского ледокола „И. Сталин“, в арктическом флоте развернулось социалистическое соревнование. В соревнование включились комсомольцы ледоколов „Л. Каганович“, „Красин“, „Ермак“, „Садко“, „Ленин“, „Малыгин“, „Русанов“ и др.

1900 человек комсомольцев, прибывших на строительство Мурманского судоремонтного завода, с первых же дней дают высокие показатели производительности труда. Бригада землекопов 3-го участка (бригадир т. Вакулин) выполняет дневное задание на 333%; бригада т. Черногорода—на 291%; бригада землекопов (бригадир т. Солодкин)—на 294%; бригада плотников (бригадир т. Абакумов)—на 237%.

Комсомольская бригада девушек-строгалец Пеледуйской судовой верфи в составе тт. Матюшиной, Орловой, Нечаевой, Стреловой, Таракановой выполняет месячную норму до 200%.

Тов. Кобылин—стахановец-бурильщик полярного рудника Амдермы—выполняет план на 400%. Он выдвинут сейчас сменным десятником шахты.

Разумеется, комсомольские организации не должны останавливаться на достигнутом. Сделано еще мало. Решение Совета Народных Комиссаров СССР от 29 августа с. г. „Об улучшении работы Главсевморпути“ обязывает по-боевому взяться за ликвидацию всех имеющихся недостатков, за успешное разрешение основной нашей задачи—освоения Северного морского пути и скорейшего превращения его в нормально-действующую транспортную магистраль. Решение Совнаркома дает нам в руки большевистскую программу работ. Комсомольские организации, ведя за собой всю молодежь нашей системы, должны по-боевому взяться за выполнение решения правительства.

Надо закрепить инициативу передовых комсомольцев и всю работу вести на высоком боевом уровне. Комсомольские организации Арктики обязаны помогать партийным и хозяйственным организациям в установлении железной дисциплины на всех участках работы, в борьбе за ликвидацию последних вредительств.

Комсомольцы должны неустанно совершенствоваться, повышать свою квалификацию, овладевать техникой своего дела.

Комсомольцы никогда не должны забывать, что решающим условием их работы является овладение большевизмом. Комсомольцы должны упорно овладевать великим учением Ленина—Сталина, систематически поднимать свой политический уровень. Сейчас мы имеем подлинно научную историю большевизма—Краткий курс истории ВКП(б), одобренный Центральным Комитетом нашей партии. Опубликование Краткого курса истории ВКП(б) встречено молодежью с величайшим интересом. Комсомольцы должны глубоко изучать историю большевистской партии.

Коммунистическое воспитание комсомольцев, систематическое повышение их идейно-политического уровня — важнейшая политическая задача комсомольских организаций.

Совет Народных Комиссаров СССР в целях лучшей организации и поощрения социалистического соревнования учредил нам переходящие Красные знамена. Знамена победителей социалистического соревнования — почетная революционная награда. Добиться получения ее — великая честь для каждой комсомольской организации и каждого комсомольца.

Правительством утвержден также знак „Почетный полярник“ и „Похвальные грамоты“ для награждения лучших ударников и стахановцев, отличившихся в социалистическом соревновании. Комсомольцы и комсомолки должны завоевать эти награды самоотверженной и честной работой.

Тружущиеся нашей страны празднуют двадцатилетие Ленинско-Сталинского комсомола накануне двадцать первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Эти всенародные праздники отмечаются новым подъемом социалистического соревнования, стахановского движения, новыми победами социалистического труда.

Перед комсомолом, перед всей молодежью нашей системы стоит важнейшая задача — подхватить передовой опыт предоктябрьского социалистического соревнования и добиться общего подъема стахановского движения на всех наших предприятиях.

Празднуя свое славное двадцатилетие, Коммунистический союз молодежи всегда верен указаниям товарища Сталина, высказанным в день пятнадцатилетия ВЛКСМ: „... Ленинский комсомол смело нес вперед великое знамя Ленина, успешно собирая вокруг него миллионы молодых рабочих и крестьян, миллионы молодых работниц и крестьянок. Будем надеяться, что Ленинский комсомол будет и впредь держать высоко знамя Ленина и с честью донесет его до победного конца нашей великой борьбы, до полной победы социализма“.

ВО ИМЯ БЕССМЕРТНОГО НАРОДА

(К XXI годовщине Великой Октябрьской социалистической революции)

Год тому назад народы Советского Союза с огромным подъемом и всеобщим ликованием отпраздновали двадцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции. Рабочий класс, колхозное крестьянство, советская интеллигенция, объединившись вокруг великого и непобедимого ленинско-сталинского знамени, вступили в третье десятилетие социалистической революции.

За минувший год наша великая страна далеко шагнула вперед, достигнув к XXI годовщине Октябрьской революции дальнейших всемирноисторических побед.

С небывалым подъемом политической активности широких трудящихся масс прошли самые демократические выборы в мире — выборы депутатов в Верховный Совет СССР по Сталинской Конституции.

Еще и еще раз народы нашей страны показали свое нерушимое морально-политическое единство на выборах Верховных Советов союзных и автономных республик.

На выборах одержана блестящая победа Сталинского блока коммунистов и беспартийных. Своим всенародным голосованием советский народ избрал в верховные органы управления лучших сынов и дочерей родины, до конца преданных делу Ленина—Сталина. Советские избиратели голосовали за великую партию большевиков, за советское правительство, за социализм.

С глубоким удовлетворением встретили народы нашей страны решения первой Сессии Верховного Совета СССР, а также союзных и автономных республик.

В конце августа этого года закончила свою работу вторая Сессия Верховного Совета СССР. Утвержденные этой Сессией законы встречены советским народом с глубоким удовлетворением.

Шаг за шагом идут вперед народы СССР, достигая под руководством партии большевиков все большего и большего расцвета социализма во всей хозяйственной и культурной жизни нашей социалистической страны.

За этот год партия Ленина—Сталина провела огромную работу по дальнейшему разгрому и выкорчевыванию троцкистско-бухаринской, буржуазно-националистической нечисти. Нет и не будет жителя предателям родины на священной советской земле.

Трудящиеся нашей страны с величайшим интересом встретили опубликование одобренного Центральным Комитетом нашей большевистской партии Краткого курса истории ВКП(б). Партийные, хозяйственные и советские работники, советская интеллигенция, служащие и учащаяся молодежь, изучая историю партии по Краткому курсу истории ВКП(б), высоко поднимут свой идейно-политический уровень, во много раз умножат свою боеспособность в разоблачении всех происков врагов народа.

Рабочие, крестьяне, интеллигенция, стахановцы, города и деревни показывают новые образцы социалистической производительности труда. Начало Третьей Сталинской пятилетки ознаменовано новым небывалым подъемом политической и производственной активности масс. В октябре—ноябре этого года трудящиеся нашей страны отмечают две знаменательные даты—двадцатилетие Ленинско-Сталинского комсомола и XXI годовщину Октябрьской социалистической революции. Эти всенародные праздники отмечаются новыми победами в социалистическом производстве города и деревни. Везде и всюду развернулось социалистическое соревнование в честь этих величайших дат в истории нашей страны. Стахановское движение находится на новом подъеме, оно становится еще более массовым, охватывая новые и новые слои рабочих, колхозников, интеллигенции.

В ногу со всей страной идут и советские полярники. Стойко и самоотверженно несут они свою почетную вахту на полярных станциях, кораблях и судах арктического флота. Советские полярники вооружены сейчас новым решением правительства „Об улучшении работы Главсевморпути“. Это постановление дает полярникам все возможности к тому, чтобы успешно решить основную и главную задачу—превращение Северного морского пути в надежно действующую магистраль.

Для стимулирования социалистического соревнования и стахановского движения на судах, авиалиниях, полярных станциях и предприятиях Главсевморпути Совнарком СССР учредил нам переходящие Красные знамена. Для награждения лучших, наиболее отличившихся работников Главсевморпути правительство разрешило нам выпустить также

значок „Почетного полярника“ и „Похвальные грамоты“. Добиться получения этих наград самоотверженным трудом—величайшая честь для каждого работника Главсевморпути.

Каждая годовщина Октябрьской революции, празднуемая с величайшим подъемом всеми народами СССР и трудящимися капиталистических стран, поднимает народные массы к новым и новым победам в социалистическом строительстве. Отмечая эту величайшую дату, советский народ в каждый такой праздник подводит исторический итог пройденному этапу и смело смотрит в свое будущее. И с каждым годом мы убеждаемся в необычайном подъеме хозяйства, культуры, творчества, науки, в укреплении обороноспособности нашей родины. Рабоче-крестьянская Красная армия, Военно-морской и Воздушный флот, когда это потребует, смогут ответить сокрушительным ударом на удар поджигателей войны. В этом наглядно убедилась зарвавшаяся японская военщина, как только сунула свое свиное рыло в наш советский огород.

Наша страна, в прошлом зависевшая от капиталистических хищников, превратилась в могучую и непобедимую социалистическую державу. Социализм влил невиданную творческую энергию в сердца миллионов советских тружеников. Партия большевиков, величайшие гении революции Ленин и Сталин привели рабочих, крестьян и интеллигенцию к огромным победам, имеющим всемирноисторическое значение.

Через огонь трех революций, через окопы гражданской войны, через годы величайших строительных работ в городе и деревне вела партия большевиков трудящиеся массы к торжеству социалистического порядка. „Идя по этой дороге,—говорил Сергей Миронович Киров,—мы уже водрузили знамя свободы на одной шестой части земной суши. И тем в большей лихорадке, в большей агонии бьются пять шестых земли, оскверняемых эксплуататорами и поработителями. И недалеко то время, когда мы прекратим эту затянувшуюся агонию капитализма и империализма и знамя Ленина поднимем над всей землей“.¹

Как неприступный утес стоит наша страна среди капиталистического мира. Великие завоевания советского народа, записанные золотыми буквами в Сталинской Конституции, служат огромной революционизирующей силой для всего международного пролетариата. Страна победившего социализма вдохновляет народы мира на борьбу с капиталом, на борьбу с фашизмом.

Много жертв понесли трудящиеся нашей страны в боях за свободу во имя завоевания новой жизни без тунеядцев и эксплуататоров. „Приятно и радостно знать,—говорил товарищ Сталин,—что кровь, пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свой результат“. И теперь народы нашей родины навсегда избавлены от кабалы старого мира. Вместо безработицы и нищеты, вместо разорительных кризисов и вековой нужды рабочие и крестьяне СССР завоевали под руководством большевиков новый общественный строй—социализм.

Человек в нашей стране получил все возможности для своего роста. Все во имя нашего бессмертного народа, все для человека!—вот основной закон советского строя.

Во имя народа партия Ленина—Сталина подняла знамя освобождения от оков капитализма и гордо пронесла его через годы смертельных схваток с силами внутренней и международной контрреволюции.

¹ Из доклада С. М. Кирова на IV Ленинградской областной конференции в январе 1932 года.

Во имя народа партия большевиков возглавила миллионные массы трудящихся в строительстве социализма, в борьбе за осуществление великих сталинских пятилеток.

Во имя народа подняла партия массы на борьбу с врагами народа, троцкистско-бухаринскими, буржуазно-националистическими бандитами и прочими шпионами и вредителями — слугами фашизма. Наймиты японо-германской разведки пытаются проникнуть к нам и всеми способами пакостить и вредить в угоду своим фашистским хозяевам. Но крепок советский народ и его славная советская разведка. Органы Наркомвнудела во главе со сталинским наркомом т. Ежовым при поддержке широчайших масс трудящихся в корне пресекают все махинации врага. И нет пощады тому, кто попытается посягнуть на счастливую радостную жизнь советского народа.

И. Д. ПАПАНИН

Герой Советского Союза
Заместитель начальника Главсевморпути

РЕШЕНИЕ СОВНАРКОМА — БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПРОГРАММА РАБОТЫ ГЛАВСЕВМОРПУТИ

I

Решение Совнаркома СССР от 29 августа с. г. „Об улучшении работы Главсевморпути“ является развернутой большевистской программой дальнейшей борьбы за освоение Арктики. Работа, которую ведут советские полярники, — это важнейший участок, ему уделяют огромное внимание партия и правительство и весь советский народ.

Главное управление Севморпути популярно в массах, о его деятельности знает вся страна, нам оказывается колоссальная поддержка всей страны. Поэтому наш коллектив, все малые и большие работники не имеют права работать плохо. Однако работали мы не всегда удовлетворительно. В своем решении от 28 марта с. г. „О работе Главсевморпути“ Совнарком СССР признал деятельность Главсевморпути за 1937 год неудовлетворительной.

Это решение Совнаркома обязывало всех нас по-большевистски взяться за перестройку работы на всех участках нашей деятельности, за очищение аппарата от сомнительных и чуждых элементов, за решительное исправление допущенных ошибок.

Как могло случиться, что в центральный аппарат и в наши периферийные организации пролезли враги народа и творили свое подлое дело? Это могло случиться только потому, что в работе Главсевморпути имели место плохая организованность, зазнайство, благодушие и самодовольство по поводу некоторых успехов, достигнутых в области освоения Северного морского пути за 1934, 1935 и 1936 годы, и успехов нашей полярной авиации, ее отдельных героических полетов.

Товарищ Сталин, выступая на пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года, сказал:

„Успехи и достижения — дело, конечно, великое. Наши успехи в области социалистического строительства действительно огромны. Но успехи, как и все на свете, имеют и свои теневые стороны. У людей, мало искушенных в политике, большие успехи и большие достижения нередко порождают беспечность, благодушие, самодовольство, чрезмер-

ную самоуверенность, зазнайство, хвастовство. Вы же можете отрицать, что за последнее время хвастунов у нас развелось видимо-невидимо. Неудивительно, что в этой обстановке больших и серьезных успехов в области социалистического строительства создаются настроения бахвальства, настроения парадных манифестаций наших успехов, создаются настроения недооценки сил наших врагов, настроения переоценки своих сил и, как следствие всего этого, — появляется политическая слепота“.

Эти замечательные слова нашего великого друга и учителя товарища Сталина относятся непосредственно и к нам. Мы допустили в своей работе благодушие, политическую слепоту и не разглядели вражеской деятельности врагов народа, создававших в нашей работе колоссальные затруднения. Руководство работой мы доверяли людям, политически не проверенным, часто врагам народа.

И надо прямо сказать, что после мартовского решения Совнаркома мы не принимали достаточно энергичных мер для исправления ошибок, не взялись по-настоящему, по-большевистски за очистку нашего аппарата от чуждых людей.

Благодаря замечательной работе нашего славного Наркомвнудела во главе с всенародным любимцем т. Ежовым мы в значительной степени освободились от врагов. Но в этой области сделано еще не все.

Известно, что не только на море, но и нашу деятельность на территории Крайнего Севера за 1937 год Совнарком признал также неудовлетворительной. Это подтверждается анализом наших финансовых итогов за 1937 год, когда имели место большие убытки. На общем фоне этих убытков особое место занимало Якутское теруправление, давшее почти половину общего убытка, полученного всей системой Главсевморпути.

Спрашивается, почему Главное управление Севморпути пришло к таким итогам? Этого можно было не допустить, если бы мы были бдительными, если бы мы тщательно проверяли каждого работника. Только бесконтрольность, политическая беспечность, зазнайство, отсутствие правильного планирования и учета могли привести к таким позорным итогам нашей деятельности.

Возьмем нашу бухгалтерию. На этом участке явно неблагополучно. Главный бухгалтер т. Черепенин, принимая годовые балансы, не анализировал до конца деятельность теруправлений, не интересовался состоянием учета и отчетности на местах, не проверял и не вникал в существо работы управлений. Между тем бухгалтерия должна быть, наконец, хозяином в области учета и отчетности, она должна как в зеркале видеть всю хозяйственную деятельность нашей системы и во-время сигнализировать о безобразиях, творящихся на местах, с тем, чтобы пресечь в корне все злоупотребления и помочь наладить работу. До настоящего времени наша центральная бухгалтерия еще не представляет собой такой организации, которая бы знала, что делается на периферии, а пора уже знать, ибо так дальше работать мы не можем. Главная бухгалтерия, финансовый и плановый отделы, к сожалению, относятся совершенно пассивно к этой области работы и не видят главного и необходимого звена, за которое следовало бы ухватиться и вытащить всю цепь.

Ныне разоблаченные враги народа, орудовавшие и в финансовом отделе Главсевморпути, не мало принесли вреда финансовой работе. Они творили свое гнусное вражеское дело, наносили ущерб государству, социалистическому строительству. Извлекая этот урок, финансовый

отдел обязан был в течение первого же полугодия 1938 года коренным образом перестроить свою работу и вместе с бухгалтерией держать дела наших хозяйственных организаций и предприятий в состоянии полного порядка, ликвидировать последствия вражеской деятельности. Однако этого, к сожалению, не произошло, финансовое хозяйство, особенно хозрасчетных организаций, продолжает оставаться в крайне запущенном состоянии: отчеты запаздывают и представляются часто в неудовлетворительном виде, анализ балансов и отчетов производится недостаточный, внутрисистемные расчеты не регулировались в течение целого ряда лет, ревизорское дело совершенно запущено и наличный состав ревизоров не обеспечивает этого дела. У нас нет еще действительного контроля над расходованием средств. Центральный финансовый отдел не ведет никакой почти работы по мобилизации внутренних ресурсов.

Так продолжаться дальше не может. Мы обязаны резко оздоровить финансовое состояние Главсевморпути, и мы этого добьемся.

II

Совнарком СССР рассмотрел итоги нашей деятельности за 1937 год и, как известно, 29 августа с. г. вынес новое решение „Об улучшении работы Главсевморпути“, в котором, отметив прошлые наши достижения в области освоения Северного морского пути, успех героической дрейфующей станции на Северном полюсе, известные достижения советской авиации в полярных районах и некоторую положительную работу по содействию хозяйственному и культурному строительству народов Севера, вместе с тем указал нам на то, что в работе Главсевморпути имеются существенные недостатки. Расширив свои функции и распылив внимание на различные отрасли хозяйства, Главное управление Севморпути не обеспечило хозяйственной постановки этих отраслей, а главное совершенно недостаточно занималось решением своей основной задачи — превращения Северного морского пути в надежно действующую транспортную магистраль.

На организационную сторону работы, как отмечает в своем решении Совнарком, не обращалось должного внимания. Имеется ряд фактов бесхозяйственности и прямых хищений, нет должной финансовой дисциплины. Подбору и проверке работы руководящих кадров в системе Главсевморпути не придавалось нужного значения и не было принято серьезных мер к очищению своих органов от авантюристических, чуждых элементов.

Все это облегчило враждебную работу пробравшихся в органы Главсевморпути вредителей, тем более, что до последнего времени должной борьбы с последствиями вредительства не велось.

В целях устранения отмеченных недостатков и сосредоточения Главсевморпути на его основной задаче — на задаче освоения Северного морского пути и скорейшего превращения его в нормально действующую транспортную магистраль — Совнарком дал развернутую большевистскую программу работ, которую мы должны выполнить точно в установленные сроки.

Чтобы ясно представить себе объем задач, вытекающих из решения Совнаркома, уместно будет остановиться на некоторых итогах деятельности Главсевморпути за первое полугодие 1938 года.

Известно, что в навигацию 1937 года зазимовали в Арктике почти весь ледокольный флот и почти половина транспортных судов. В течение зимнего периода наши славные летчики вывели с судов лишний состав людей. В настоящее время суда выведены из льдов Полярного бассейна. Но надо по-честному сказать, что нашу работу в области морских операций за 1938 год мы должны были поставить лучше, несомненно лучше прошлых лет и ликвидировать на этом участке все последствия вредительства. Однако наше Морское управление и после решения Совнаркома от 28 марта не перестроило своей работы и допустило повторение ошибок. При погрузке кораблей отсутствовали каргопланы, не были организованы погрузочные работы. Как и в 1937 году, имели место большие простои и выход кораблей с опозданием; например, в Архангельском порту простояли: п/х „Уралмаш“—4 суток, „Сталинград“—6 суток, „Пушкин“—9 суток; по Владивостоку—п/х „Анадырь“—12 суток, „Беломорканал“—5 суток, „Красин“—15 суток, „Красный партизан“—9 суток, „Искра“—10 суток. И все это происходит тогда, когда навигация в Арктике очень коротка и каждый день буквально решает судьбу плавания не одного корабля. Надо прямо сказать, что Морское управление не изменило ни методов, ни стиля руководства: такое же случайное решение вопросов, отсутствие оперативного руководства, плана, самотек.

Все это говорит о том, что и в 1938 году мы еще весьма мало и весьма плохо работаем. А ведь работа на море—это наше основное дело. Партия и правительство предложили нам держать Северный морской путь в состоянии полного порядка и готовности, но этого нужного порядка прежде всего в нашем Морском управлении мы еще не видим. Отсюда надо сделать все необходимые выводы и при помощи честных, самоотверженных людей, которых у нас в системе немало, обеспечить четкую работу Морского управления.

Наш речной транспорт, несмотря на то, что навигация в этом году открылась значительно раньше, работает также неудовлетворительно. Выполнение плана перевозок речным флотом Главсевморпути на 1 сентября характеризуется следующими данными: по Омской водной конторе план тонно-километров выполнен на 78%, по Красноярской—74%, по Якутской—54%. В целом все водные конторы выполнили план по тонно-километрам лишь на 70,5%.

В этом году в речном флоте имели место аварии. Так, например, в начале навигации случаи аварий имели место и по Красноярской водной конторе, и по Якутской, и по Омской. Почему это происходит? Потому что отсутствует контроль со стороны контор за постановкой ремонта флота. Флот скверно подготавливается к периоду ледохода, дисциплина на судах совершенно неудовлетворительная, и борьбы, настоящей, подлинной борьбы за наведение порядка на нашем речном транспорте до последнего времени не велось.

Наш отдел речного транспорта принимает кое-какие меры к исправлению ошибок, но еще совершенно недостаточно. Начальнику этого отдела т. Сидорову следует учесть, что налаживание речного транспорта требует огромных усилий и не только его личной инициативы, но и всего его аппарата. Тов. Сидорову пора уже подобрать настоящих большевиков для работы как в центральном аппарате, так и на периферии и ликвидировать последствия вредительской деятельности до конца.

Мы не выполнили плана и по постройке деревянных судов. Так, на 1 августа имелось следующее выполнение программы: по Тобольской судовой верфи на 33,9%, по Придивненской—55,9%, по Пеледуйской—78,6%. Наши верфи работают крайне плохо, и надо прямо сказать, что этому делу до настоящего времени не уделялось серьезного внимания, а наш Плановый отдел составлял совершенно нереальную программу для работы верфей, не обеспеченную капитальными ассигнованиями. Например, по Тобольской и Пеледуйской судовой верфям дали программу, которая не обеспечена наполовину ассигнованиями по капитальному строительству, рассчитывая на какие-то совершенно нереальные заказы со стороны.

Произошло это потому, что в Плановом отделе никто по-серьезному не желает заниматься планом, а просто штампуют то, что представляют места. С этим надо покончить. На верфях должен быть наведен большевистский порядок.

Вредительство, имевшее место на многих участках нашей работы, не в меньшей мере имело место и в горно-геологической отрасли. Надо прямо сказать, что положение по сравнению с 1937 годом не выправилось; как и в 1937 году, программа добычи угля на Шпицбергене не выполняется. Не лучше обстоит дело с добычей угля и на Сангарских коях. На этих очень важных для нас угольных коях отсутствует всякая механизация как по добыче, так и погрузке угля на суда.

Добыча шпата на рудниках Амдермы также поставлена из рук вон плохо. План не выполняется. Техническое оснащение рудника находится в неудовлетворительном состоянии, планово-предупредительный ремонт не осуществляется и значительная доля механизмов работает на износ. Необходимых запасных частей не завозится, а ненужных материалов на рудниках скопилось на сотни тысяч рублей. Бесплановость, бесхозяйственность, незнание истинного положения дела на рудниках и их нужд привели предприятия к крайне тяжелому финансовому положению, убытки уже в текущем году превышают 8 миллионов рублей.

Горно-геологическому управлению были отпущены большие средства на капитальное строительство. Но эти средства используются безобразно. Так, из 3445 тыс. руб., отпущенных в первом полугодии, было использовано всего лишь 1374 тыс. руб., или 38%. Наряду с этим производятся незаконные траты оборотных средств на капитальное строительство. Так, в 1938 году по Шпицбергену и Амдерме незаконно израсходовано 1732 тыс. руб. За допущение же нарушения закона никто к ответственности не привлечен.

Горно-геологическое управление должно было тщательно разработать все мероприятия по ликвидации последствий вредительства в этом деле и развернуть добычу углей, но такой работы, к сожалению, не проделано.

Еще в 1936 году начал свою работу Нордвикстрой в области изучения возможности эксплуатации Нордвикского месторождения соли и других полезных ископаемых. Вложены миллионы рублей, а в итоге изыскания не закончены и по сей день. В Нордвикстрое царит бесконтрольность, за которую целиком и полностью несут ответственность руководители Нордвикстроя (Лавров, Прокофьев). Надо крепко взяться за Нордвикстрой и перейти от слов к делу. Нордвикстроевцы должны сказать, куда же они в конечном счете закончат изыскания и по-настоящему начнут освоение.

Надо сказать, что наше Горно-геологическое управление крайне было поражено вредительством, а достаточных мер борьбы по ликвидации последствий вредительства новое руководство этого управления (т. Демидов) не принимает.

Наша полярная авиация работала также неудовлетворительно. В работе ее мало улучшений. Как и во все прошедшие годы, план работы авиацией не выполняется: за 7 месяцев 1938 года выполнено лишь 71% всех заданий, которые были даны на этот срок. Такое положение в полярной авиации является не случайным. Это, с одной стороны, объясняется засоренностью личного состава всякого рода сомнительными элементами, а с другой — отсутствием должных мер борьбы с последствиями вредительства.

Было бы неправильно сказать, что в полярной авиации все плохо. Мы имеем целую группу людей, проделывающих большую „незаметную“ работу, как, например, Ленский авиаотряд, состоящий из молодых пилотов, снявший на двух машинах с дрейфующих судов 153 человека. За последнее время наша полярная авиация в значительной мере пополняется молодыми летчиками. Во главе нашей полярной авиации поставлен Герой Советского Союза т. Мазурук, которого знает страна по его полетам на Северный полюс, и он крепко взялся за исправление работы полярной авиации, за ликвидацию последствий вредительства. При нашей помощи, при решительном выдвижении молодых наших людей на руководящую работу — мы дело полярной авиации двинем вперед.

Если взять наше Торговое управление, то и здесь мы видим большое отставание в работе и большие убытки. И вправе мы спросить начальника этого управления т. Мазо, что же изменилось в деятельности наших торговых контор? Есть ли какой-либо перелом в их работе в первом полугодии? За первое полугодие и третий квартал 1938 года план товарооборота выполнен по Омской конторе на 100,5%, по Красноярской — на 93,5%, по Якутской — на 92,5%, по Чукотке — на 76,3%, на островах — на 50%, по Арктикуглю — на 99% и по Амдерме — на 95%. Из всех контор выполнила план только одна контора, а все остальные не выполнили плана товарооборота и работают плохо. Наше Торговое управление совершенно не знает, что делается на местах, не овладело делом торговли, несмотря на то, что развитию торговли помогают и областные, и окружные, и районные, и низовые советские общественные организации.

В нашей торговле нет правильного, налаженного бухгалтерского учета, он запущен. Отсутствует финансовая дисциплина, и отсутствует борьба за советский рубль. В торговой системе большое количество растрат, должной борьбы с растратчиками не ведется. Ведь факт, что торговая система крайне засорена всякими проходимцами и жуликами. Действительной борьбы за очищение торгового аппарата от врагов, сомнительных людей Торговое управление не организовало.

Дальше так продолжаться не может. Дело торговли нужно и должно взять под особый контроль. На участок советской торговли надо дать хороших, проверенных людей.

Работники Торгового управления должны понять, что в связи с реорганизацией и предоставлением права Торговому управлению самостоятельно руководить делом торговли, не на кого больше сваливать и ссылаться, они несут полную ответственность за налаживание настоящей, подлинно советской торговли, за ликвидацию всех последствий вреди-

На Дальнем Востоке

фото Д. Деббоза

тельства. Торговое управление должно организовать борьбу за выполнение государственных планов, за безубыточную работу.

Наш Сельскохозяйственный отдел, руководимый в течение долгого времени большим путанником Богомолкиным, также не справляется с поставленными перед ним задачами. Вместо того чтобы выполнять одну из основных задач — создание продовольственной базы для своих предприятий, Богомолкин под шумок „оброс“ различными учреждениями и ни одной из задач, естественно, не выполнил.

Деятельность нашего Отдела сельского хозяйства за 1937 год также сведена с колоссальными убытками. Этот урок должен был бы кое-чему научить Отдел сельского хозяйства. Однако за первое полугодие 1938 года этот отдел совершенно не принимал никаких мер для борьбы с последствиями вредительства, работы своих предприятий не выправил. План посева овощей (что является главным) выполнен только на 84,5%. По животноводческим совхозам имел место падеж молодняка. Особенно высокие потери скота имели место в сельском хозяйстве Красноярского теруправления. Неудовлетворительно выполнен план по мясу. При задании в 2463 центнера получено на 1 сентября только 520 центнеров.

Позволил ли спросить: что же делал Сельхозотдел? Если бы своевременно контролировал деятельность этих организаций и наблюдал за их работой — разве он мог бы допустить такое безобразие? Вместо делового подхода к работе, вместо оперативного руководства, постоянного наблюдения за деятельностью мест, наш Сельскохозяйственный отдел носился с различными прожектерскими планами и предал забвению свою основную задачу.

Оленеводческие совхозы в первом полугодии также работали плохо. Непроизводительный отход составляет по совхозам 3,6%. Это характеризует совершенно неудовлетворительную работу совхозов по сохранению основного поголовья. И еще хуже: непроизводительный отход молодняка составляет 7,3%, а деловой выход молодняка вместо 85% составляет 82%.

Неудовлетворительную работу оленеводческих совхозов характеризует и высокий процент яловости маток — почти 8%. Совхозы, как правило, не были укомплектованы специалистами и особенно ветеринарными врачами и фельдшерами. Неудовлетворителен состав пастухов, а ведь от их умения правильно организовать работу зависит сохранение молодняка, поголовья стада. Никакой работы Отдел сельского хозяйства по подбору этих кадров, по их обучению, по оказанию им повседневной практической помощи, по выдвижению их на руководящую работу не ведет, а в этом гвоздь вопроса. Это нужно знать работникам Сельхозотдела. Они должны взяться за дело воспитания местных национальных кадров, знающих местные условия, ягельные угодья и территорию как свои пять пальцев.

Недостатков у нас не мало и на других участках. Все эти недостатки и ошибки, допущенные в работе за первое полугодие 1938 года, говорят о том, что у нас еще имеют место недисциплинированность, возмутительное отношение к порученной работе, отсутствие настоящего, подлинного отношения к людям, заботы о лучших людях. У нас еще не развернута как следует борьба с последствиями вредительства, с вредительством. И сейчас надо по-большевистски взяться за исправление всех допущенных ошибок.

Но было бы неправильным огульно говорить, что у нас все плохо. Наша система имеет много замечательных людей. На наших предприятиях советские люди делают большое дело. Мы имеем огромные кадры людей, преданных делу партии Ленина—Сталина, делу советского народа, работающих с большим энтузиазмом. Можно назвать ряд таких людей, стахановцев наших предприятий, которые дают замечательные образцы работы:

Шемяков Николай Васильевич — эвенки, Жиганского района, Хатинского наслега, имеет 15-летний стаж охотника, один из первых инициаторов стахановского движения в пушных промыслах Якутии. Он выполняет нормы добычи пушнины на 420—430%. Шемяков избран членом Совета Национальностей Верховного Совета СССР и выдвинут Пушным отделом на работу инструктора стахановских методов работы.

Карякин Прокопий Николаевич — якут, охотник Сельхозартели им. Кирова. Систематически перевыполняет договор контрактации. По постановлению президиума ВЦИК Якутской АССР награжден грамотой и винтовкой „ТОЗ“. Стахановка Винокурова Екатерина Васильевна. Она премирована 8 раз, договор контрактации перевыполняет на 180—200%.

Строитель Мурманского судоремонтного завода т. Катраков, работающий на втором участке, перевыполняет нормы выработки на 300%; т. Микачев, чернорабочий, перевыполняет норму выработки на 234%; т. Москаленко, шофер, перевыполняет норму на 233%; т. Мухин, шофер Транспортного отдела, перевыполняет норму на 220%.

Бригада строителя Ивишкина по Мурманскому судоремонтному заводу выполняет норму на 220%; бригада Вихрачева и Русанова — на 215%; т. Новиков поставил рекорд на пиле, дав 406%, и т. д.

По Амдерме бурильщик т. Кобылин выполняет норму на 198%; т. Сперанский, проходчик, выполняет норму на 265%; т. Кисьяков на той же работе дает 230% нормы.

На постройке Дома полярника т. Буринов, плотник, выполняет 210% нормы, т. Микачев, камнебой, — 240%, т. Глушков, камнебой, — на 260%.

Можно перечислить еще десятки и сотни людей, беззаветно преданных делу нашей партии, делу построения коммунистического общества. И с такими людьми большевистских темпов работы, несомненно, программу, определенную нам Совнаркомом СССР, мы выполним с честью.

Постановлением Совнаркома СССР от 29 августа с. г. „Об улучшении работы Главсевморпути“ намечена большевистская программа работы, даны совершенно конкретные задания.

В целях устранения отмеченных недостатков и сосредоточения Главсевморпути на его основной задаче — превращения Северного морского пути в надежно действующую транспортную магистраль — Совнарком СССР наметил ряд конкретных мероприятий.

Как отмечено в решении Совнаркома, осуществлению этой основной задачи мы должны подчинить научно-исследовательскую деятельность и работу по созданию надежной материально-технической базы Северного морского пути. Необходимо провести ряд мероприятий по развертыванию судостроения, портостроения, по созданию топливных и судоремонтных баз, надежной обстановки пути, по укреплению полярной авиации и полярных станций, а также по культурно-хозяйственному

развитию районов, прилегающих к Северному морскому пути. Необходимо развернуть жилищное строительство, создать местную продовольственную базу для всех наших предприятий на местах.

Совнарком СССР отметил, что „Образование за последние годы ряда новых областей в северных районах, с достигнутым уже здесь укреплением советского аппарата, позволяет организовать хозяйственное и культурное обслуживание населения этих районов с освобождением Главсевморпути от этих задач“. В связи с этим все предприятия Главсевморпути, находящиеся в освоенных районах или не связанные с основными нашими задачами, решено передать другим ведомствам и организациям.

Вместе с тем Совнарком СССР решил „Для обеспечения большей оперативности в работе Главсевморпути и усиления ответственности его местных органов за порученное дело — подчинить местные хозрасчетные конторы (морские, речные и торговые) и гидрографические отделы непосредственно соответствующим отраслевым управлениям Главсевморпути“. Теруправления Главсевморпути решено упразднить, оставив в Игарке, Якутске и Анадыре уполномоченных.

Постановление Совнаркома СССР вооружает и мобилизует нас на решение важнейших вопросов освоения Северного морского пути.

Большая доля этой работы падает, в частности, на гидрографию. Этот участок является у нас одним из отстающих, в то время как только при наличии развернутой работы гидрографии возможно обеспечить нормальное судоходство по Северному морскому пути.

Работа Гидрографического управления, аппарат которого вплоть до судоходства был засорен классово-враждебными элементами, ориентировалась исключительно на районы в западной части Советской Арктики, наиболее изученной и обследованной, или устремлялась на второстепенные участки, не имеющие актуального значения для практического плавания Северным морским путем.

Решение Совнаркома ясно и точно указывает, что надо делать сейчас гидрографии, равно как и всем другим нашим участкам.

Работа Главсевморпути еще отстает в общем победоносном ходе социалистического строительства. И в этом позорном отставании виноваты только мы сами.

Нам помогают партия и правительство. Нас окружили заботой и вниманием. Мы живем в стране, где нам созданы все условия для хорошей работы. От нас партия, правительство и весь народ нашей замечательной родины требует идти вместе со всеми строителями коммунистического общества в одной шеренге и ликвидировать наше отставание в самый короткий срок.

Мы клянемся вождю, другу и учителю великому Сталину в том, что коллектив полярников выполнит его указания — будет держать Северный морской путь в состоянии порядка и полной боевой готовности.

МОЛОДЫМ ПОЛЯРНИКАМ

Горячий привет комсомольцам, комсомолкам и всем молодым полярникам в день двадцатилетнего юбилея Ленинско-Сталинского комсомола!

Сегодня вам, дорогие друзья, двадцать лет. Вы прошли славный путь. Ваши успехи вам обеспечили великая партия большевиков и Сталинская Конституция.

Нигде в мире нет таких замечательных условий для молодежи, как в нашей стране.

Большое будущее раскрывается перед каждым молодым человеком Советской страны. Мы не знаем „несчастья быть молодым“, мы все работаем, строим, учимся, развивая свои таланты и способности.

Арктика привлекает советскую молодежь. Приятно одолевать суровую природу Севера, интересно работать в экспедициях, прокладывающих новые пути, изучающих неприступные ранее места.

Полярники пользуются уважением всего советского народа, — много внимания, много средств уделяет наша родина освоению Севера. Быть полярником в наше время почетно и гордо.

Отвечая на все эти заботы и любовь партии и правительства, мы все свои силы должны вложить в дело дальнейшего подъема работы Северного морского пути.

Ленинский комсомол немало помог освоению Арктики — много комсомольцев откликлось на призыв работать на Севере — на заводах, зимовках, в экспедициях. Пусть же отличная работа молодежи полярников, активная роль в перестройке и налаживании работы Севморпути будут подарком к славной двадцатилетней годовщине ВЛКСМ.

Желаем успехов вам, товарищи!

Герои Советского Союза
ПАПАНИН
КРЕНКЕЛЬ
ШИРШОВ
ФЕДОРОВ

ГОРДЫМ СОКОЛАМ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

Пламенный привет комсомольцам и комсомолкам Арктики, отмечающим славный двадцатилетний юбилей Ленинско-Сталинского комсомола!

Нам, летчикам, особенно радостно вместе с вами праздновать этот юбилей, потому что славная история Сталинской авиации целиком связана с орденоносным комсомолом, из которого вышли лучшие гордые соколы Сталинской эпохи.

Поздравляя вас, желаю вам лучших успехов в трудном деле освоения Арктики.

Герой Советского Союза **МАЗУРУК**

МОЛОДЫЕ МОРЯКИ АРКТИЧЕСКОГО ФЛОТА

В челюскинской эпопее почетное место занимали комсомольцы и молодые моряки легендарного „Челюскина“. Это они, вместе с коммунистами и под руководством партийной организации, явились цементом, скрепившим коллектив полярников, очутившихся в суровых условиях борьбы со стихией и вышедших из этой борьбы с честью, еще больше прославив свою любимую родину.

После челюскинской эпопеи в 1934 году на призыв ЦК ВЛКСМ об отборе лучших комсомольцев на корабли арктического флота откликнулись больше трех тысяч молодых советских людей, изъявивших свое горячее желание работать в Арктике.

В 1935 году при комплектовании комсомольского ледокола „Красин“, на который нужно было отобрать 120 человек, в ЦК ВЛКСМ было подано 1600 заявлений.

В прошлом году, когда укомплектовывались команды флагманских ледоколов „И. Сталин“ и „Л. Каганович“, тысячи молодых людей стремились попасть в состав этих экипажей.

Когда ЦК ВЛКСМ, одоблив предложение Главсевморпути, принял решение укомплектовать комсомольцами команды новых, вступающих в 1939 году в строй полярного флота ледоколов „В. Молотов“ и „О. Шмидт“, то на другой же день в адрес председателя комиссии ЦК ВЛКСМ Героя Советского Союза т. Папанина посыпались сотни писем и заявлений от молодых моряков и желающих стать моряками, в которых они просят зачислить их в состав комсомольских экипажей новых ледоколов.

Такое бурное стремление молодежи работать на кораблях арктического флота объясняется желанием советских молодых людей отдать свои силы работе на самых боевых участках социалистического строительства.

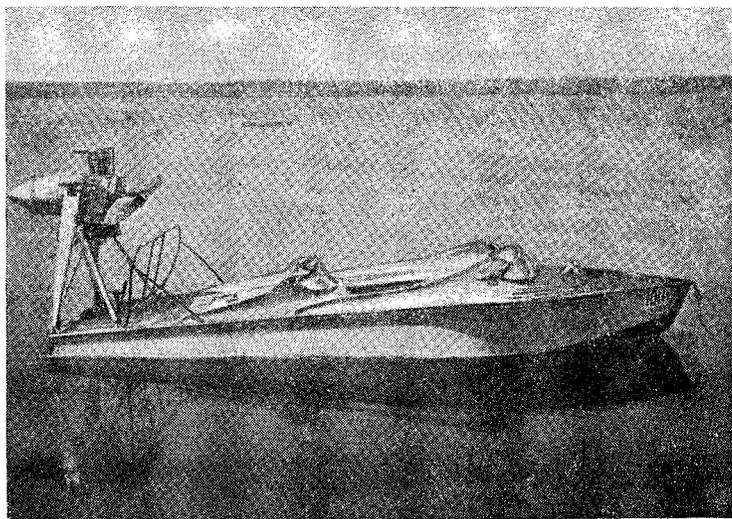
Величайшей любовью и преданностью к своей родине, партии и правительству объясняется героическая работа молодых моряков в Арктике. На кораблях полярного флота Главсевморпути сейчас работают сотни молодых людей.

В комсомольском экипаже ледокола „Красин“ работает 100 молодых моряков, из них 64 комсомолец. В составе экипажа флагманского ледокола „И. Сталин“ 110 человек молодежи в возрасте до 27 лет, из них 60 комсомольцев. На ледоколе „Л. Каганович“ 96 человек молодежи. Основным ядром команды ледокола „Ермак“ является молодежь и комсомольцы. Команда гидрографического судна „Минин“ почти полностью является молодежной.

На ледоколах „Литке“, „Русанов“, „Ленин“, „Малыгин“, „Садко“, „Седов“, „Дежнев“ и других ледокольных пароходах Севморпути у котлов в кочегарке, у механизмов машинного отделения, в рулевой рубке на мостике, у сложнейших приборов в штурманской рубке и на радиостанции несут свою почетную вахту молодые полярные моряки.

Враги народа, орудовавшие ранее в Морском управлении Главсевморпути, всячески старались затормозить выдвижение молодежи.

Но, несмотря на это, молодежь выдвинула и выдвигает из своих рядов хороших, энергичных командиров арктического флота.

Глиссер, сделанный в подарок к двадцатилетию ВЛКСМ отличниками - комсомольцами школы морских летчиков

На ледоколе „И. Сталин“ помощником капитана работает комсомолец Николай Степанов, механиком—комсомолец Александр Шатуров, который выдвинут из машинистов комсомольского „Красина“.

На „Красине“ в качестве механиков работают комсомольцы стахановцы Павел Чукур и Александр Румянцев, которые недавно пришли на „Красин“ машинистами 1-го класса.

Из матросов „Красина“ выдвинут на пост капитана ледокола „Седов“ комсомолец Константин Бадигин.

В порту острова Диксона буксиром „Молоков“ командует молодой капитан Анатолий Качарава, помощником капитана работает комсомолец Рожнятовский, а механиками—молодые моряки тт. Грак и Поляков.

Борясь за выполнение решения Совнаркома СССР „Об улучшении работы Главсевморпути“, ликвидируя последствия вредительства, комсомольские организации вместе с командованием судов организуют учебу и выдвижение лучших молодых моряков на работу в качестве капитанов, штурманов и механиков.

По технической и общеобразовательной учебе примером могут служить комсомольские организации ледоколов „Красина“ и „Литке“.

Красинцы организовали постоянно действующий своеобразный „морской техникум“ без отрыва от производства. В этом техникуме учатся больше 60 человек, которые объединены в различные группы соответственно своим знаниям и наклонностям. Основная цель техникума—подготовка штурманов и механиков и повышение общеобразовательных знаний. Всю учебную работу организует заведующий учебной частью штатный педагог т. Никольский. Он же преподает математику, физику и русский язык. Специальные предметы преподают командиры „Красина“ тт. Готский, Бондик, Василенко и др. В июле этого года были проведены гостехэкзамены. Отличниками учебы являются тт. Гапов, Ермилов, Троян, Ткаченко, Анфимов и др. Аналогичную учебную работу провели во время зимовки моряки ледокола „Литке“.

Учитывая оправдавший себя опыт такой учебы на ледоколах „Красин“ и „Литке“, начальник Главсевморпути т. Шмидт обязал командование

новых ледоколов „И. Сталин“ и „Л. Каганович“ и ледокольного парохода „Дежнев“ также организовать на этих судах учебу. Задача комсомольских организаций данных судов заключается в том, чтобы активно включиться в это большое дело и помочь командованию укомплектовать учебные группы и наладить их практическую работу. Другим кораблям нашего флота тоже следует перенять этот хороший почин в деле организации технической и общеобразовательной учебы молодежи, тем более, что почти по всем судам не израсходовано больше половины средств, отпущенных на учебу, и особенно плохо поставлено дело сдачи технического минимума.

Практика показала, что на тех судах, где лучше была организована техническая учеба,—лучше развивались стахановское движение и ударничество.

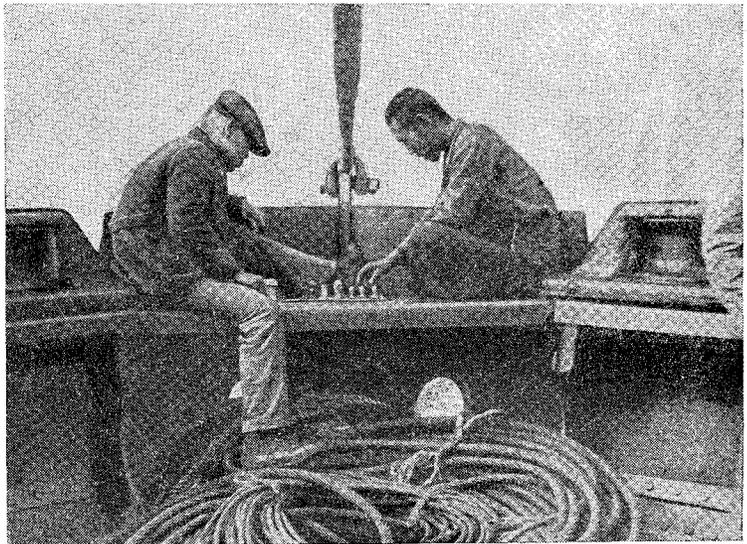
Именно отличник учебы комсомолец-орденоносец т. Гапов явился инициатором стахановского движения машинистов ледокола „Красин“. Его метод заключается в повышении культуры работы машинистов. Раньше у каждой машины „Красина“ на вахте стояло одновременно три машиниста: старший, машинист 1-го класса и машинист 2-го класса. Гапов, пересмотрев распределение обязанностей между тремя машинистами, организовал работу при наличии только двух: старшего и машиниста 1-го класса. При этом 1) достигнуто сокращение штата машинистов; это очень важно для ледоколов, где содержание лишнего штата команды сопряжено с дополнительными трудностями в длительном плавании; 2) ликвидирована избыточность; 3) достигнута экономия смазочных и обтирочных материалов.

В результате применения метода т. Гапова машины стали работать лучше, дефекты резко сократились. Достигнут наименьший износ механизмов.

Отличник технической учебы комсомолец Иван Чураков вместе с другими кочегарами, активно учившимися в кружках „Красина“, организовал стахановскую работу кочегаров при шахматной чистке топков. Это повысило парообразование.

Молодые эскимосы, окончившие спортшколу и возвращающиеся на Чукотку, играют в шахматы на борту „Свердловска“

Фото М. Рождина и М. Молдавского

Отличник учебы комсомолец Оржеховский внес ряд рационализаторских предложений, улучшающих бункеровку ледокола углем.

Слушатели красинского морского техникума матросы-комсомольцы Скворцов и Москаленко освоили новые, стахановские методы покраски ледокола.

Как правило, инициаторами стахановского движения на ледоколах „Ермак“ и „Литке“ являются комсомольцы. Но в этом важном деле комсомольские и особенно профсоюзные организации часто остаются в позе посторонних наблюдателей. Зачастую молодой моряк, действительно работающий по-стахановски, не знает, как же все-таки он выполняет свою работу.

Почти на всех судах до сих пор нет никаких показателей для кочегаров, машинистов, матросов, не говоря уже о командном составе. Действительно, очень трудно установить, какой кочегар на вахте работал лучше, какой хуже, потому что у всех десяти котлов манометр один, так что по давлению пара определить работу персонально каждого кочегара невозможно. Отстающий может прикрываться хорошей работой стахановца-соседа. Видимо, профорганизациям на судах вместе с командованием нужно тщательно продумать, какие установить показатели, определяющие работу кочегаров, матросов. ЦК Союза работников Севморпути должен возглавить эту работу по-настоящему.

Комсомольцы и молодежь арктического флота отмечают славный юбилей Ленинско-Сталинского комсомола новым подъемом политической активности. На всех кораблях проведена большая работа по подготовке подарков своей матери-родине.

Комсомольцы ледоколов „Малыгин“, „Садко“, встречая юбилей, развернули большую массовую работу. Комсомолец Чернышев изучает двигатели внутреннего сгорания, готовясь сдать гостехэкзамен на моториста. Комсомолец-механик т. Розов обучает молодых кочегаров Алферова и Шалынова техминимуму машинистов. Капитан „Седова“ комсомолец Бадигин обучает комсомольца Коркина работе на гирокомпасах.

Большую работу по выполнению своих обязательств провели комсомольцы и молодые моряки гидрографического судна „Минин“. Еще в августе они закончили большую часть промеров.

Комсомольцы ледоколов „И. Сталин“ и „Л. Каганович“ уже в первых плаваниях на деле доказали выполнение взятых на себя обязательств.

Хорошая работа ледоколов „Красин“ и „Ермак“ в навигацию 1938 года, особенно по выводу зимовавших в прошлом году судов, проделана при активном участии комсомольцев, успешно выполняющих свои обязательства.

29 августа Совнарком СССР вынес решение „Об улучшении работы Главсевморпути“. Это лишний раз говорит о том, что партия и правительство огромное внимание уделяют работе полярников. Доверие партии и правительства мы должны повседневно оправдывать большевистскими делами. Решение Совнаркома вооружает нас на дальнейшую борьбу за освоение Северного морского пути.

Преданные своей любимой родине, великой партии большевиков и мудрому учителю товарищу Сталину, молодые моряки арктического флота отмечают юбилей Ленинско-Сталинского комсомола полной готовностью к дальнейшей борьбе за освоение арктических морей.

МОЛОДЕЖЬ ОСТРОВА ДИКСОНА ОВЛАДЕВАЕТ ВОЕННЫМ ДЕЛОМ

Мы, патриоты своей родины, знаем, что наша цветущая страна окружена капиталистическими странами. Передел мира, захват чужих территорий — вот мечта фашистских хищников. События в Испании, Китае, Чехословакии ярко это доказывают.

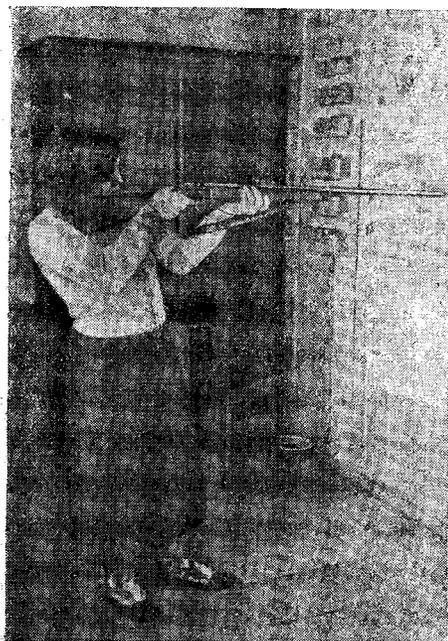
События на нашей дальневосточной границе показали, что японская военщина хочет втянуть Советский Союз в войну с Японией. Но героическая армия советского народа дает сокрушительный удар кровавым японским псам. Каждый из нас по первому зову партии и правительства готов стать в ряды РККА.

Несмотря на тяжелые арктические условия, каждый из нас овладевает военным делом. Диксоновцы провели стрелковые соревнования по стрельбе из малокалиберной винтовки на дистанции 50 метров. В соревновании принимало участие большинство зимовщиков. Девять человек сдали норму на значок ГСО. Радиотехник т. Быков, член ОСО, проводил занятия по освоению противогаса и др. Тов. Круглова, секретарь комитета ОСО, тоже принимала активное участие в работе, успешно провела подписку на двенадцатую лотерею ОСО.

Во всеарктическом стрелковом соревновании по стрельбе из малока-

Жены постоянного состава школы морских летчиков на занятиях по стрельбе

Студентка Хапга-Мансийского педагогического училища Кáртина изучает боевую винтовку

либерной винтовки на дистанцию 25 метров зимовщики также приняли активное участие. На острове этот день был большим праздником, почти все зимовщики приняли участие в соревнованиях. Наша зимовка заняла второе место. От ЦК Союза работников Севморпути за отличную стрельбу команда получила премию — пятьсот рублей. В индивидуальном соревновании т. Гончаров получил премию — именную малокалиберную винтовку. В этот день товарищи показали хорошие результаты лишь потому, что на протяжении всей зимы они упорно тренировались. Замечательные результаты показали тт. Акуленков, Гончаров, Фолленвейдер, Демина, Гурин и много других.

Хорошо был подготовлен переход на лыжах вокруг острова. Тренировку проводили неоднократно на дистанции 5—10 километров. Гидролог т. Субботин провел несколько занятий по ориентировке в арктических условиях: езда по курсу, проложенному на карте, умение пользоваться компасом, ориентировка по

звездам, застругам, переход на лыжах по пересеченной местности на расстоянии 40 километров. Лучшее время показали тт. Чуканин, Субботин, Неверов, Акуленков: эту дистанцию они прошли за 4 часа 55 минут в тяжелых условиях.

В Антивоенный день комсомольская организация и комитет ОСО провели стрелковые соревнования и игры. Был организован поход в противогазах на расстоянии 10 километров. Исключительно отличную выносливость в этом походе показали все товарищи, несмотря на сильный шторм и дождь. После этого десятикилометрового марша товарищи заявили: „Если надо будет, то пройдем пятьдесят километров и больше“.

К двадцатилетию Ленинско-Сталинского комсомола комсомольцы острова Диксона обязались сдать нормы ворошиловского стрелка. Полярники знают, что от качества военной подготовки зависит успех в будущей войне с фашистскими захватчиками.

Перед армией полярников поставлены огромные задачи. Решение Совнаркома СССР „Об улучшении работы Главсевморпути“ мобилизует нас на борьбу за дальнейшее освоение Северного морского пути, чтобы превратить этот путь в надежно действующую трассу. И мы приложим все усилия к тому, чтобы по-большевистски выполнить это решение правительства.

КОМСОМОЛ ЧУКОТКИ

1934 год. Началась короткая северная осень. После недавних штормов в заливе Лаврентия наступило затишье, лишь слабые волны удаляются о берег и откатываются назад, неся с собой береговую гальку.

Со стороны залива доносится равномерный стук дизеля. Это приближается судно. Вот оно вынырнуло из-за мыса, развернулось на 90° и направилось к культбазе.

На берег высыпали все зимовщики: здесь и врач, и учитель, и краевед, и зоотехник, и культпросветработник, слесарь, повар и кооператор. Каждому хотелось скорей увидеть то, что привезло с собой это крошечное суденышко, прошедшее сотни километров по беспокойным водам Тихого океана. С глубоким волнением ожидали они прибытия своих будущих питомцев—первых учеников первой неполной средней школы-интерната при Чукотской культбазе Главсевморпути.

Со шхуны сбросили концы для пришвартовки к берегу. На берег сошел коренастый эскимос, капитан колхозной шхуны „Чукотка“, и представил начальнику базы своих юных пассажиров.

Перед нами стояли двенадцать эскимосских подростков, среди них три девушки. В руках каждый держал дорожный сундучок.

... Много трудностей и неполадок перенесли эти первые питомцы национальной неполной средней школы. Но ни один комсомолец не отступил перед трудностями. Напротив, они были неизменно бодры, веселы и довольны. Они знали, что это — временные невзгоды, что впереди их ждет лучшая жизнь. К концу учебного года в школе было уже 56 учеников, из них 20 комсомольцев и 30 пионеров.

* * *

Прошло четыре года с момента открытия на Чукотском полуострове НСШ, но за это сравнительно короткое время чукчи и эскимосы продвинулись далеко вперед. Бывшие ученики-комсомольцы в настоящее время занимают ответственные посты в Чукотском национальном районе.

Пионеры в заливе Лаврентия

Они многому научились в школе и теперь все свои силы и знания отдают на благо своего народа, на благо социализма.

Вот комсомолец—эскимос Талеко. Он плавает помощником капитана на той самой шхуне, которая привезла его в 1934 году в школу. Сбылась давнишняя мечта Талеко: он уже самостоятельно водит шхуну по Тихому океану.

Комсомолец—эскимос Касыга долго лелеял мечту окончить семилетку и поступить в Ленинградский Институт народов Севера. Сейчас его мечта осуществилась. Вот что он пишет из Ленинграда своему бывшему учителю:

„Здравствуйте, дорогой товарищ... Мы приехали (в Ленинград) очень поздно — 17 января 1938 года. Выехали из культбазы 26 октября на снабженческом пароходе „Охотск“. Были в пути 72 дня. Теперь моя мечта — попасть на материк (в Институт народов Севера) — осуществилась. Я теперь сдаю зачеты на „хорошо“, а математику сдал на „отлично“. Скоро буду сдавать русский язык — думаю сдать на „хорошо“... Я и сейчас выполняю то, чему вы нас учили — не бояться трудностей... Привет вам от вашего ученика Касыги, которого вы учили по-социализму, по-новому. Привет вам от человека, перешедшего от отсталой к новой радостной жизни“.

Комсомолец Ктуге мечтал окончить семилетку, выехать в Институт народов Севера, а потом сделаться писателем. Будучи в 6 классе, Ктуге уже писал стихи и рассказы. Болезнь помешала Ктуге выехать в Ленинград, но он не отказался от своих намерений. Пока Ктуге работает пионервожатым в райкоме комсомола в Уэлене.

Чукчи и эскимосы выдвинули из своей среды немало видных и талантливых людей.

Бывший батрак-пастух, чукча т. Тывлянто в настоящее время работает председателем окрисполкома Чукотского национального округа. Народы Чукотки избрали его, как верного своего сына, депутатом Верховного Совета СССР.

Вот комсомолец-чукча т. Тукай. Он был секретарем райкома комсомола в Уэлене, а сейчас — председатель райисполкома. Правительство наградило т. Тукай орденом Трудового Красного Знамени за ту работу, которую он выполнил в дни спасения челюскинцев.

При царизме трудовая молодежь Чукотки знала одно — учиться у стариков, как добывать средства к существованию и как вести „торговлю“ с купцами. Сейчас молодежь Севера, как и всего СССР, учится управлять государством рабочих и крестьян.

В эскимосском селении Чаплино выдвинулся замечательный работник, комсомолец-эскимос т. Майна. Он окончил Чаплинскую начальную школу. Учитель этой школы т. Минзер, заметив, что Майна интересуется педагогической работой, выдвинул его своим помощником. Результаты получились прекрасные. Тов. Майна сейчас работает самостоятельно и считается лучшим учителем-националом в Чукотском районе.

Тов. Майна обнаружил большие организаторские способности и является прекрасным общественником. Каждый вечер в селе Чаплино около школы собирается вся колхозная молодежь. Здесь под руководством т. Майны организуются игры, пение, танцы, играет струнный оркестр. Но не только молодежь бывает по вечерам у стен школы, здесь всегда можно видеть много стариков, которые радуются веселью молодежи и частенько сами поют и пускаются в пляс с ребятами. Майна и его друзья сочиняют новые колхозные песни и придумывают новые:

современные игры и развлечения; все это тут же разучивается. Летом во время каникул т. Майну можно встретить и среди детей пионерского лагеря, где ребята развлекаются и веселятся под его руководством. За образцовую организацию досуга молодежи, за тот авторитет, который т. Майна завоевал среди эскимосов и чукчей, райсовет и окрисполком неоднократно премировали его ценными подарками, а также поездкой в дом отдыха.

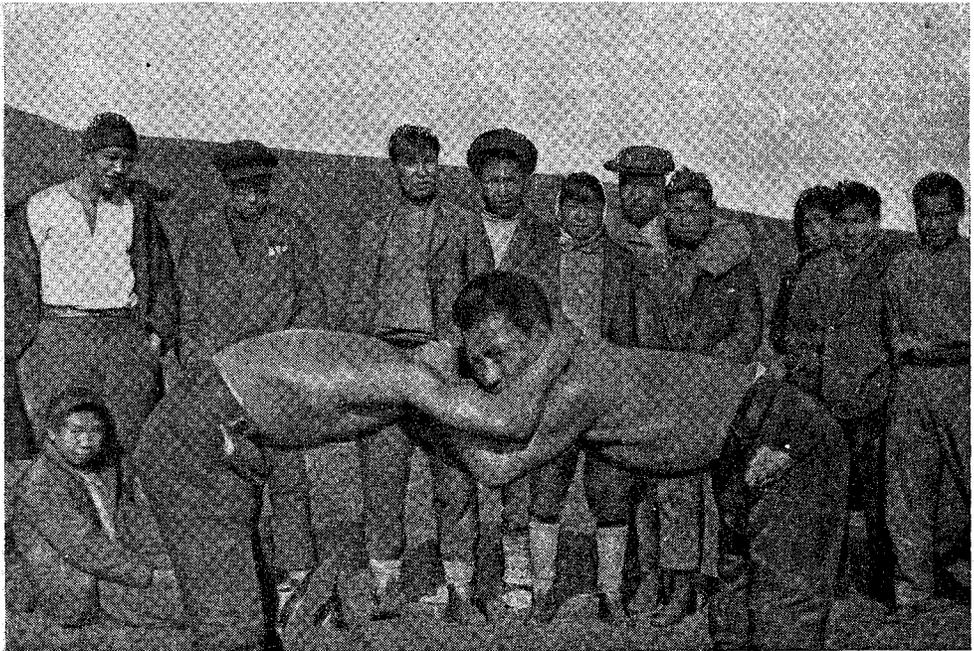
С большим увлечением, с неиссякаемой энергией и любовью учащиеся-эскимосы организуют жизнь в своих селениях во время летних каникул.

В селе Сиреники на песчаном берегу моря каждое утро под руководством учеников-комсомольцев (Умкауге, Корона, Ктуге) сиреникский комсомольско-пионерский коллектив проводит утреннюю физкультурзарядку, а также военно-строевые упражнения.

— Смотришь, — говорит старик колхозник т. Тнеуге, — и думаешь: это не то, что было в наше время. Тогда молодежь тоже занималась спортом, но в одиночку, прятаясь друг от друга.

* * *

Почти во всех селениях комсомольцы организовали ветеринарные и санитарно-гигиенические посты. Комсомольцы следят за тем, чтобы ездовые собаки содержались колхозниками в точности по тем правилам, которые предусмотрены советской ветеринарией. Комсомольцы наводят чистоту и порядок в жилищах колхозников. Комсомольцы добиваются от населения употребления полотенца, посуды, ложек, вилок, добиваются

Луораветланы-учащиеся курсов ликвидации неграмотности демонстрируют национальную борьбу

Фото И. Воблова

мытья рук, купания детей. И уже многого достигли в этой области. Комсомольцы всеми силами стараются ввести в быт то, чему учила их школа.

Жутко вспомнить, в какой темноте и закоснелости, в первобытных условиях прозябали эскимосы, чукчи и другие народы Севера всего каких-нибудь два десятка лет назад. Трудно даже сравнить то, что было, с тем, что стало здесь благодаря советской власти, благодаря ленинско-сталинской национальной политике, благодаря победе социализма в нашей стране. Немалая заслуга в этих достижениях принадлежит комсомолу Крайнего Севера—энергичному и инициативному помощнику партии во всех ее начинаниях. Комсомольцы стали действительными проводниками культуры.

„В Сиренинском колхозе хорошо живут люди, кушают из отдельных и чистых тарелок“,— пишет бывшая ученица (ныне окончившая семилетку) эскимоска-комсомолка т. Тына.

„В Сирениках начинается весенняя охота. Комсомольская бригада по морскому зверю уже убила одного лахтака без никаких шаманов“,— пишет комсомолец-эскимос т. Умкауге.

„Я живу хорошо. Очень много приходится работать среди местного населения, особенно среди пионеров и комсомольцев... Сейчас молодежь повернулась лицом к настоящей новой жизни“,— пишет комсомолец-эскимос т. Ачниргин из поселка Кивак.

Прежде шаманы крепко держали народы Севера в своих цепких лапах. Без указаний шамана человек не мог и шагу сделать. Если кто-нибудь обращался за помощью к врачу, шаман проклинал его, а среди населения распространял о нем самые невероятные слухи и клевету, лишь бы отомстить „ослушнику“. Еще в худшем положении, чем мужчина, находилась женщина. Чукчанка не считалась хозяином дома, считался хозяином мужчина. Женщина чукчанка не имела права говорить на том „говоре“, на котором говорит мужчина. Еще и до сих пор в народе у чукчей существует мужской и женский говор. Но в настоящее время и здесь произошли огромные изменения. Комсомол и здесь является инициатором в деле проведения политики советской власти и действительной ликвидации неравенства между мужчиной и женщиной, в деле ликвидации первобытных обычаев и верований.

Комсомольцы, работающие счетоводами колхозов, бригадирами охотничьих бригад, председателями колхозов, в сельсоветах, в районных и окружных организациях, на полярных станциях, в школах— всюду энергично и решительно производят ломку старого, ненужного, вредного и вводят новое— социалистическое.

Вся молодежь Советского Севера единодушно заявляет: жить стало лучше, жить стало веселее.

КОМСОМОЛЬЦЫ НА ОСТРОВЕ РУДОЛЬФА

Перед коллективом зимовщиков, выехавшим в 1936 году на остров Рудольфа, была поставлена серьезная задача — построить на далеком северном острове полярную станцию, способную обслужить грандиозную по замыслу и масштабу экспедицию на Северный полюс.

Исполняя это ответственное поручение, коллектив работал, не покладая рук, напряженно, напористо. Не будет преувеличением сказать, что молодежь Рудольфа была в числе самых лучших. Многим молодым зимовщикам были доверены ответственные участки работы, и доверие это было с честью оправдано.

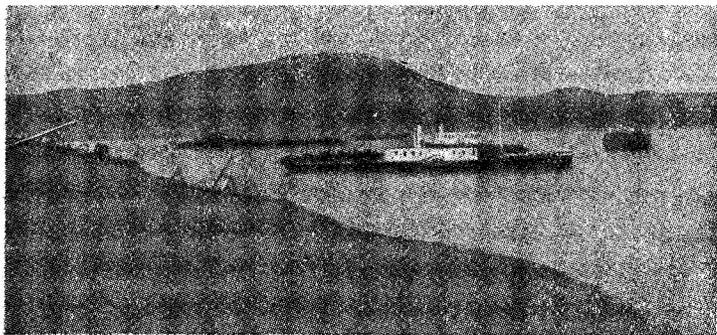
Комсорг Витя Сторожко в списках станции числился старшим механиком радиостанции. Объем работы требовал наличия второго механика, но его не имелось. В течение двух лет т. Сторожко один справлялся с работой. В начале зимовки т. Сторожко также один занялся монтажом машинного отделения рации, хотя работы, тяжелой и серьезной, хватило бы на двоих. На зимовке имелись опытные механики, но они были заняты своими не менее серьезными делами. Тов. Сторожко весь монтаж провел хорошо и быстро.

Во время полярной экспедиции моторы и сам механик рации держали экзамен стахановской работы. Подчас работа длилась без перерыва сутками. И экзамен был выдержан на „отлично“. За два года работы термины „авария“, „срыв срока“ отсутствовали. Тов. Сторожко не ждал, пока мотор откажется работать, задолго до этого мотор заменялся другим, а снятый тщательно осматривался. Поэтому радиостанция проработала много сотен часов и находится в отличном состоянии. В то же время, несмотря на загруженность производственной работой, Витя Сторожко является образцом общественника, хорошим лыжником, охотником.

Если вы просмотрите газетные отчеты о перелетах полярной экспе-

На острове
Рудольфа

Залив Булунган

диции и перелетах по маршруту Москва—Полюс—Америка, вы найдете указания на большую роль маяка Рудольфа. Этот маяк монтировал и обслуживал самый молодой зимовщик Рудольфа комсомолец Вася Бобков. Работа маяка была особенно напряженной во время полюсной экспедиции, когда в течение ряда часов через каждые несколько минут требовались самые различные переключения. Маяк всегда работал безукоризненно. Вася Бобков сильно вырос за зимовку, его избрали профоргом.

Старший радиотехник комсомолец т. Богданов, сменившись в прошлом году, сдал рацию комсомольцу т. Куксину. Богданов работал подлинно по-стахановски, а т. Куксин оказался его достойным преемником. Отличный оператор, он особенно ценен своим четким отношением к делу.

Герой Советского Союза т. Кренкель, с которым Куксин держал связь последние четыре месяца пребывания папанинцев на льдине, неизменно хорошо отзывался о работе Куксина.

Редко за сутки выпадала Куксину возможность прилечь не раздеваясь, с тем чтобы через какой-нибудь час возобновить работу. Мы никогда не слышали от него жалоб, работа выполнялась четко, без задержки. За самоотверженную работу в Арктике т. Куксин награжден двумя орденами.

Примером того, что дает настойчивое стремление к овладению техникой, является и комсомолец т. Шашлов. Он прибыл к нам с курсов Севморпути, пользующихся в Арктике, как известно, не очень хорошей славой. Качество подготовки на этих курсах оставляет желать много лучшего. Однако упорным трудом, работой над собой т. Шашлов добился того, что без всяких опасений могли оставить его на Рудольфе старшим радистом. Вся оперативная работа велась Шашловым, а в начале года об этом можно было лишь мечтать. Эта мечта претворилась в жизнь.

Все комсомольцы принимали активное участие в общественной жизни зимовки. Систематически изучали историю партии.

Из восьми комсомольцев, бывших в течение этих двух лет в комсомольской группе о. Рудольфа, шесть человек награждено орденами Союза за отличную самоотверженную работу.

Разумеется, все эти успехи завоеваны не для того, чтобы зазнаваться. Решение Совнаркома СССР „Об улучшении работы Главсевморпути“ призывает нас к дальнейшей научно-исследовательской работе в Арктике с тем, чтобы окончательно освоить Северный морской путь.

С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИТЬ СТАЛИНСКОЕ ЗАДАНИЕ

(Комсомол на участке советской торговли)

Для выполнения Сталинского задания — лучшей организации торговой сети на Крайнем Севере и обслуживания национального населения — Главсевморпуть совместно с ЦК ВЛКСМ командировали на Крайний Север в 1937 году около 300 комсомольцев, преимущественно на торговую работу.

В Таймырский национальный округ было направлено 28 человек из Москвы, Ленинграда и Киева и 25 комсомольцев из Красноярска. Все эти комсомольцы ранее работали в различных торговых организациях.

До отъезда на Крайний Север отобранные комсомольцы прошли полуторамесячные курсы. На курсах комсомольцы ознакомились с условиями работы на Севере, после чего и выехали на место.

Вот уже прошел год, как комсомольцы Москвы, Ленинграда, Киева и Красноярска выполняют большое и ответственное задание — организуют и развертывают культурную советскую торговлю.

Несмотря на сложность этой работы в условиях Крайнего Севера, комсомольцы в основном оправдали доверие партии, ЦК ВЛКСМ и Главсевморпути. Возьмем, например, комсомольца Федю Миронова. Он работает заведующим разъездным торгом Воронцовского сельмага. Тов. Миронов, несмотря на тяжелые условия передвижения с товарами по тундре, своевременно доставлял национальному населению необходимые товары. За хорошую работу т. Миронов премирован путевкой на курорт и месячным окладом.

Вот комсомолка Лиза Шацкая, любимица национального населения. Тов. Шацкая во всякое время дня и ночи безоговорочно обслуживает националов. Она заботится; чтобы в ее лавке было больше товаров и разнообразного ассортимента; вместе со своей ближайшей подругой

Разгрузка парохода в заливе Лаврентия

Фото Т. Семушкина

комсомолкой Лапшенковой она содержит внутреннее помещение лавки в чистоте и порядке.

Комсомолец Кириллов работает заведующим складом в Воронцове. Являясь одним из лучших заведующих складами, т. Кириллов повседневно заботится о сохранении товаров от порчи.

Комсомолец т. Синдряков ранее на торговой работе не был. Однако упорной и настойчивой работой он выдвинулся в шеренгу лучших торговых работников.

Комсомолка Нина Новикова по приезде в Дудинку была назначена заведующей Караульским магазином. После двухмесячной работы она была выдвинута на должность начальника Караульского раймага. И на этой ответственной работе Новикова показала себя как хороший и способный работник. Постоянная ее забота о нуждах отдаленных торговых лавок дала положительные результаты в деле обслуживания национального населения.

Этот перечень лучших комсомольцев можно во много раз увеличить.

Наряду с этим мы имеем отдельных комсомольцев, которые не оправдали доверия партии, ЦК комсомола и Главсевморпути. Возьмем, например, случай с пожаром на барже в заливе Сындаско. Из-за халатности двух комсомольцев Дарвина и Левина в январе 1938 года загорелась баржа с товарами.

Имеются случаи беспечного и халатного отношения к работе, преступного отношения к материальным ценностям, следствием чего явились у комсомольцев Шулешова, Шмелева и Шебаршиной большие недостатки.

Имеются и такие комсомольцы, которые вместо работы занимаются пьянством, таков комсомолец Павлов, к сожалению, до сих пор еще находящийся в рядах Ленинского комсомола.

Вот еще один комсомолец и член ВКП(б) Юхимец. Работал он в Гальчихе — заведующим лавкой, был груб с националами, обвешивал и обманывал националов. За все эти преступления Юхимец был снят с работы и исключен из комсомола. Между прочим, по его приезде в Дудинку партийная организация (парторг Шорин) никаких выводов по партийной линии не сделала, Юхимец занимается болтовней, работать не желает и не умеет.

До сих пор еще проявляется у некоторых комсомольцев вредная тенденция — это нежелание работать в контакте с местными партийными и комсомольскими организациями. Очень много мешает в работе зазнайство: „мы, мол, из Москвы, подчиняемся только политотделу, а вас знать не знаем“. Надо раз и навсегда положить конец этим недопустимым настроениям. Ленинский союз молодежи у нас один, поэтому мы должны и на Крайнем Севере работать в контакте с территориальными, в частности — с районными и первичными организациями ВЛКСМ. Отрыв от территориальных организаций комсомола порождает беспечность, потерю бдительности, незнание текущей политики и т. д.

В этом году также по мобилизации ЦК ВЛКСМ едут на Север много комсомольцев. Надо полагать, что комсомольцы нового пополнения учтут все недостатки в работе торговой системы и жизни комсомольских организаций и вместе со старыми работниками торгсистемы с честью выполнят на Крайнем Севере Сталинское задание по развертыванию советской культурной торговли.

ПАРТИЙНЫЕ КАДРЫ ЗАПОЛЯРЬЯ

При Ленинградском доме партийного просвещения имени товарища Кирова были организованы шестимесячные курсы по подготовке партийных работников Заполярья и Арктики. Политуправление Главсевморпути командировало на эти курсы 40 человек из самых отдаленных уголков Севера. На курсы приехали с Чукотки, из Владивостока, Якутска, бухты Тикси, Игарки и Эвенкии, из Красноярска, Салегарда, Тобольска, Архангельска и Мурманска, партийно-комсомольские работники ледоколов и зимовок.

Курсы партийных работников Севморпути при Ленинградском доме партийного просвещения существуют не первый год, но шестимесячные курсы впервые открылись 15 апреля 1938 года.

Главный предмет курсов — история нашей партии, ленинизм, дальше идут история СССР, международная и внутренняя политика, Конституция СССР и вопросы социалистического строительства, экономгеография капиталистического мира и СССР, партпропаганда и агитация, антирелигиозная пропаганда, борьба с фашистской разведкой и их троцкистско-бухаринской агентурой, русский язык. Всего отведено на эти предметы 1366 часов, из них на историю партии 700 часов.

Программа курсов, по нашему мнению, составлена удачно. Курсы, помимо истории ВКП(б), дают только то, без чего абсолютно нельзя обойтись партийному работнику.

Курсы дают хорошие навыки курсантам, — как работать над подлинными произведениями марксизма-ленинизма, вооружают на дальнейшее более глубокое изучение истории партии по первоисточникам; курсы учат по-сталински ненавидеть врагов народа.

Многие курсанты раньше, до курсов, были пропагандистами, руководили кружками по изучению истории партии, а здесь после первого же месяца учебы по произведениям Ленина — Сталина стали заявлять: «Как же мы руководили кружками по изучению истории партии, ведь мы же сами не знали ее по-настоящему».

И действительно, большинство из нас до курсов не изучало историю партии по произведениям Ленина и Сталина. Изучали ее по учебникам, а ведь это до издания Краткого курса истории ВКП(б) были только конспекты, и часто неудачные конспекты истории партии. Сейчас партия вооружена научной историей большевизма, мощным оружием политического и теоретического воспитания наших кадров. Изучая историю партии

по Краткому курсу истории ВКП(б), можно глубоко понять и усвоить, с какой непримиримостью и решительностью Ленин и Сталин вели борьбу с троцкистско-зиновьевской и бухаринско-рыковской бандой предателей, которые, примазавшись к партии, выполняли роль продажных агентов буржуазии и превратились в оголтелых фашистов. Только по трудам Ленина и Сталина, по Краткому курсу истории ВКП(б) можно по-настоящему изучить историю великой и непобедимой партии большевиков.

Особо надо приветствовать введение на шестимесячных партийных курсах преподавания и изучения истории нашей родины. На курсах есть товарищи, которые раньше окончили средние учебные заведения, и даже высшие, а историю своей родины знали плохо. Можно ли воспитывать в массах трудящихся высокие чувства национальной гордости за свою родину, высокие чувства патриотизма и непримиримую ненависть к врагам нашей родины, не зная истории СССР, героических событий и побед великого русского народа над врагами внешними и внутренними? Еще в 1914 году в статье «О национальной гордости великороссов» великий Ленин писал:

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. 9/10 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор от нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика» (В. И. Ленин, Сочинения, т. XVIII, стр. 81).

В Доме партийного просвещения неплохо поставлено дело преподавания истории СССР. Историки своим преподаванием на исторических документах героизма великого русского народа и его лучших сынов — пламенных патриотов родины — сумели привить любовь у курсантов к изучению истории СССР.

Преподавание экономической географии капиталистических стран и вопросов международной политики дало курсантам богатый багаж в области знаний международных вопросов отдельных капиталистических стран, их экономики, взаимоотношений, империалистических противоречий и роста рабочего движения — могильщика капитализма.

Необходимое внимание курсам уделяло Политуправление Главсевморпути. Накануне их открытия приезжал в Дом партийного просвещения начальник Политуправления т. Белахов. Он на месте ознакомился с программой курсов. В июне приезжал инструктор Политуправления т. Трофимов, который помог ликвидировать ряд недостатков в работе курсантов. В августе вторично посетил курсы т. Белахов. Он подробно ознакомился с успеваемостью курсантов, провел со всеми курсантами беседу, вникая в каждую деталь работы курсов, интересуясь культурно-политическим ростом курсантов, их бытом, материальным положением и т. д. В заключение т. Белахов сделал обстоятельную информацию курсантам о состоянии работы системы Севморпути и о дальнейших задачах Севморпути, в связи с последними решениями партии и правительства.

Все это, несомненно, помогло исправить имевшие место недостатки и обеспечить более нормальную работу курсов, хотя качество успеваемости курсантов до последнего времени стояло еще не на высоте. Так, за первые четыре месяца учебы курсы имели следующие показатели успеваемости: из 37 курсантов имеют оценку на «отлично» лишь 16 человек, оценку на «хорошо» 10 человек, и 11 человек имеют оценку «удовлетворительно».

Ясно, что это нас удовлетворить не может. Мы должны добиться того, чтобы все учились на «хорошо» и «отлично».

Были и отрицательные стороны в работе, на которых нельзя не остановиться.

С самого начала работы курсов у отдельных курсантов было некоторое равнодушие. Были и такие (например, курсанты Глозман и Левина), которые возражали против дисциплины на курсах. Они протестовали, например, против отметок опозданий в журнале посещаемости, когда им ставили опоздания 10—15 минут.

После мы убедились, почему Глозман и др. протестовали против жесткой дисциплины и контроля за самостоятельной работой. Во время самостоятельной проработки Глозман всегда отделялся от группы и уходил заниматься на стадион в волейбол. Глозман второй раз на курсах в Доме партийного просвещения,

имеет старые конспекты и на этот раз, очевидно, решил не углублять свои знания, а отдохнуть... за счет курсов.

Но курсанты не пошли за этими отсталыми настроениями и потребовали от каждого подчинения всем внутренним распорядам курсов.

Второй недостаток работы курсов — ряд курсантов прибыл на курсы на несколько дней позже установленного срока. Так, например, т. Замотаев прибыл на курсы на 16 дней позже. Тов. Котвицкий пропустил 13 дней. Тов. Левина также опоздала на 13 дней. Опоздали на занятия и тт. Гуппол, Морозов, Козлов, Ермаков и другие. А это не только отразилось на успеваемости перечисленных товарищей, но и безусловно несколько снизило успеваемость всех курсантов. В будущем следует не допускать подобных случаев.

Третий недостаток: комплектование двух групп курсов Севморпути проходило не по степени подготовленности отдельных товарищей, не по объему их знаний, а подходили к этому делу формально, безответственно. На курсах есть товарищи с высшим, средним и низшим образованием. Можно было бы составить одну группу из наиболее сильных товарищей, а другую из наиболее слабых, это бы соответствовало решению ЦК и Совнаркома о высшей школе и стимулировало бы работу каждого курсанта. А у нас получилось так, что составили две группы и в каждой оставили слабых и сильных товарищей. В результате наиболее слабые товарищи задерживали сильных в учебе, и преподаватели, подтягивая слабых, менее обращали внимания на сильных, что мешало дальнейшему их росту.

* * *

Кто же учится на курсах Севморпути? Вот краткие характеристики отдельных товарищей:

М. Е. Шаронов — член партии с 1930 года. Бывший батрак. Восемь лет служил в Красной армии, там он и ликвидировал неграмотность. Тов. Шаронов участник боев с китайскими генералами во время конфликта в 1929 году. На курсах он учится на «отлично», показывая образцы большевистской дисциплины, руководит кружком политграмоты.

П. Ф. Федоров — член партии с 1932 года. Уроженец Якутска, знает якутский язык. Одиннадцать лет работал на пушковых заготовках, в последнее время Якутским политотделом был выдвинут на партийную работу. Тов. Федоров по всем предметам идет на «отлично», одновременно руководит кружком истории партии на производстве.

Молодежь из колхоза «Новая жизнь» (ЯАССР) на лыжной прогулке

Фото Е. Федотова

С. П. Никоноров — член партии с 1931 года, бывший плотник, участник подавления Кронштадтского мятежа. На курсах — отличник. Председатель местного комитета профсоюза курсов.

Вот т. Варакин из Владивостока — долгое время работал в Анадырском политотделе, объехал чуть ли не всю Чукотку на собаках и на оленях; т. Назаренко — комсомолец и кандидат партии из Мурманского политотдела, бывший кочегар, недавно демобилизованный краснофлотец из Северного флота, отличник учебы; т. Куфтин — член партии, бывший краснофлотец Балтийского флота, отличник учебы; т. Кубаев — член партии с 1927 года. Восемь лет служил во флоте. Участник взятия Зимнего дворца в Октябре 1917 года. Тов. Кубаев участвовал во всех героических боях Красной армии с наемными бандами иностранного империализма и внутренней контрреволюции — генералов Краснова, Корнилова, Юденича и Деникина. В последнее время

он работал в Тобольском политотделе и был выдвинут на партийные курсы. На курсах в результате большевистской настойчивости и напористости по овладению основами большевизма т. Кубаев не отстает в учебе от наиболее подготовленных товарищей.

Все курсанты, за исключением немногих, проработали по несколько лет на Севере, часто в самых тяжелых условиях.

Но никакие трудности в работе не могут сломить интерес к Северу у любого советского патриота, который хоть однажды побывал на Севере или в суровой Арктике.

Курсанты наших курсов напряженно работают над пополнением своих знаний, овладением основами учения Маркса—Ленина—Сталина, чтобы вернуться на Север, в тундру, Арктику, на зимовку или ледоколы и там отдать все свои силы и знания дальнейшему освоению Арктики.

ПОДАРКИ КОМСОМОЛЬЦЕВ АРКТИКИ К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ ВЛКСМ

(По радио от наших корреспондентов)

Ледокол „И. Сталин“

Встречая двадцатилетие Ленинско-Сталинского комсомола, каждый молодой человек нашей страны стремится отметить славный юбилей новыми победами и новыми личными успехами. Это стремление прекрасно выразили в своем обращении молодые стахановцы и специалисты Московского автозавода имени товарища Сталина, которое нашло живой отклик во всех концах нашей родины.

Комсомольская организация ледокола «И. Сталин» в честь двадцатилетия ВЛКСМ взяла на себя следующие социалистические обязательства: овладеть в совершенстве механизмами корабля; беречь как зеницу ока вверенные ей механизмы и аппаратуру корабля, содержать их в постоянной рабочей готовности, не допуская ни одной поломки механизмов за арктическую навигацию 1938 года; активно участвовать в общественной жизни корабля, повседневно овладевать большевизмом; вовлекать лучшую молодежь в ряды Ленинско-Сталинского комсомола.

Совнарком СССР недавно вынес решение «Об улучшении работы Главсевморпути». Этот акт величайшей заботы о советских полярниках со стороны партии и правительства вдохновляет нас на новые победы в борьбе за освоение Арктики.

Комсомол флагмана, носящего имя величайшего гения человечества, лучшего

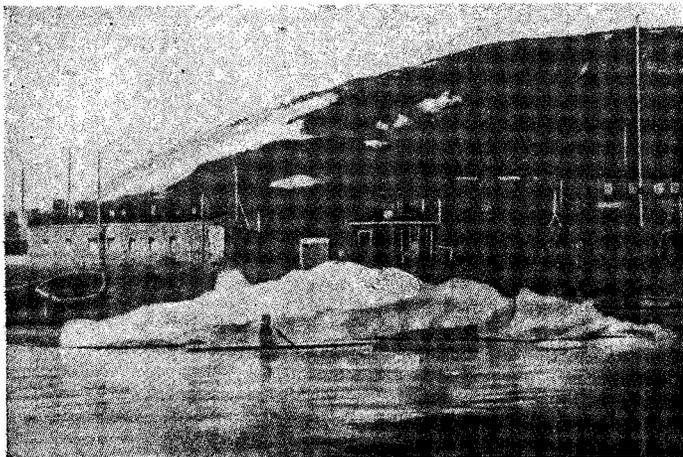
друга молодежи товарища Сталина, побоевому взялся за выполнение своих обязательств.

Отлично выполняет свои обязательства старший машинист-комсомолец Саша Абрамов: он член комитета ВЛКСМ, активно работал по выборам в Верховный Совет РСФСР, по реализации займа первого года Третьей Сталинской пятилетки. Он ведет политзанятия с молодежью нашего корабля.

Машинист-комсомолец Крыштопов отлично освоил вверенные ему механизмы. Он выбран в судовой комитет, активно участвует в комсомольской жизни корабля; на «отлично» закончил десятидневные пропагандистские курсы. Тов. Крыштопов готовится к вступлению в кандидаты ВКП(б).

Матрос 1-го класса комсомолец Папаш — член комитета ВЛКСМ, активно участвует в общественной жизни корабля и ведет оборонную работу.

Молодой комсомолец-радиотехник Зорин отлично освоил сложную радиотехнику. Механик-комсомолец Шатуров прекрасно справляется со своими обязанностями, борется за отличную вахту; он первый из механиков включился в социалистическое соревнование. Комсомольцы Косов и Ершов отлично выполняют свою производственную работу. Тов. Косов — инициатор социалистического соревнования на корабле. Комсомольцы тт. Романов, Яночкин, Воронов, Барышников, ранее работавшие кочегарами 2-го класса,

Бухта Тихая

сейчас переведены в кочегары 1-го класса и показывают образцы стахановской работы. Комсомолец Гольцев отлично справляется со своими обязанностями, повседневно повышает свой идейно-политический уровень и помогает в этом другим товарищам. Машинист-комсомолец Томилов, ранее плававший на ледоколе «Красин», зачислен в нашу команду старшим машинистом; он заочно окончил морской техникум и теперь заочно учится в институте.

Комсомольская вахта имени двадцатилетия ВЛКСМ образцово выполняет все производственные задания. Особенно отличаются комсомольцы-кочегары, которые, не считаясь со временем, работают не покладая рук; к ним относятся гг. Мартыненко, Звенев, Слячин и др.

Великая честь и великое доверие оказаны нам правительством — мы первые пошли в далекое ответственное плавание на флагмане арктического флота, носящем имя товарища Сталина. Этот корабль является самым мощным ледоколом в мире, весь он до последнего винтика построен из советских материалов, руками советских рабочих, молодых стахановцев-комсомольцев завода имени Серго Орджоникидзе. Наш священный долг содержать прекрасные механизмы ледокола в абсолютном порядке, чтобы обеспечить бесперебойную и безотказную работу всех машин и приборов. Мы клянемся все задания партии и правительства выполнять только на «отлично», как и подобает комсомольцам, верным воспитанникам нашей большевистской партии — партии Ленина — Сталина.

Секретарь комитета ВЛКСМ
л/к «И. Сталин» *Баранов*

Бухта Тихая

Обсудив письмо комсомольцев завода имени Сталина «ко всем комсомольцам и комсомолкам, ко всем молодым рабочим, колхозникам, служащим, работникам науки, техники, искусства, бойцам и командирам Красной армии и флота», мы, молодежь полярной станции бухта Тихая, взяли на себя следующие обязательства к славному двадцатилетию Ленинского комсомола.

Остающиеся на второй год — комсомолец Недошвин обязуется научиться принимать радиogramмы прямо на пишущую машинку, а также руководить «ружком» по приему на слух; комсомолец актинометрист Дмитриев обязуется выучиться принимать 50 радиосигналов в минуту, кроме того повторить летнюю учебу командиров запаса артиллерийского взвода; комсомолец метеоролог Орлов — выполнять свою работу на «отлично», познакомиться с основами

Летом на Диксоне

Фото А. Лесс

радиотехники и принимать 50 знаков морзе на слух; такие же обязательства взял на себя аэролог Царев.

Радиоволновик Петров обязуется принимать и передавать по 100 знаков морзе, кроме того освоить метеорологию и обучить Орлова основам радиотехники; метеоролог Третьяков взял на себя обязательство изучить подвесной мотор.

Отъезжающие на материк плотник Винокуров и печник Горшков до прихода новой смены решили также изучить подвесной мотор. Магнитолог Ляхов обязуется в течение года научиться радиоприему, морской сигнализации и о результатах сообщить остающимся в Тихой.

Вся молодежь активно провела работы по приведению в порядок территории станции.

Парторг *Ходеев*

Остров Рудольфа

В ответ на обращение молодых специалистов завода имени Сталина молодежь острова Рудольфа, учитывая смену в этом году, взяла обязательства из расчета полугорамесячной работы.

Радисты Куксин, Бобков, Шашлов, Нестерович, в дополнение к уже взятым по ссдоговору обязательствам сдать станцию новой смене в отличном состоянии;

обязались вычертить подробные схемы монтажа рации и составить описание особенностей ее работы.

Нестерович и Куксин, кроме того, решили ежедневно выделять время для связи с радиолюбителями материка, которые проявляют большой интерес к связи с Рудольфом, и установить регулярную связь с любительским передатчиком Москвы и Ленинграда. Шашлов обязался овладеть управлением и обслуживанием звуковой кинопередвижки. Техник радиомаяка Бобков обязался составить инструкцию обслуживания радиомаяка на основе двухлетнего опыта работы.

Рабочий-строитель Грязнов к концу зимовки обязался сдать на «отлично» теорию и практику управления трактором ЧТЗ.

Метеоролог Каменицкий, в течение двух лет один обслуживающий метеостанцию, обязуется сдать отчет о метеоработе на «отлично», составить и оформить план полярной станции острова Рудольфа, подготовить фотоматериалы, характеризующие образование айсбергов в бухте Теплиц.

Начальник станции Либин взял на себя обязательство отлично подготовить материал к полному отчету станции.

Сторожко обязался сдать все механическое хозяйство рации в отличном состоянии и подготовить к фотоотчету о работе станции двести снимков; кроме того — снять рельефный план западной части острова Рудольфа. Сторожко со-

вместно с Каменицким, работая по раскопкам на зимовке, обязались отобрать и доставить в Арктический музей экспонаты, характеризующие американскую полярную экспедицию Фиала 1903 года.

Комсорг *Сторожко*

Остров Диксона

В ознаменование двадцатилетия Ленинско-Сталинского комсомола весь комсомольский коллектив Диксона взял на себя сообразительства.

Комсомолец-орденоносец, начальник радицентра Харитонович обязался провести опыт одновременной работы по двум линиям связи через коротковолновый передатчик; обслуживание радиоцентром будет проведено только на «хорошо» и «отлично».

Синоптик Чуканин обязался составить по наблюдениям метеостанций синоптическую характеристику туманов в районе острова Диксона, кроме того изготовить карту сети синоптических станций.

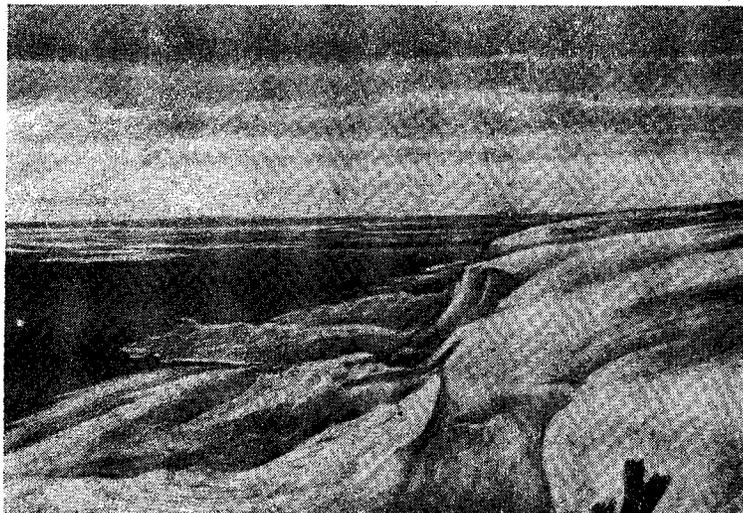
Аэролог Акуленков обязался до конца Международного аэрологического месяца ежедневно выпускать радиозонды и выполнять эту работу образцово.

Метеоролог Ковтуненко обязался разработать два рационализаторских предложения: механический подъем и спуск на воду самолетов, катеров и кунгасов, и второе — анеморумбограф.

Диктор газеты «Арктические известия» Носовская обязалась к приезду

Пролив
Маточкин Шар

**Мыс
Стерлегова**

новой смены освоить пуншировку, получить специальность пуншеристики.

Радиотехник Давыдов решил закрепить достигнутую им коммерческую скорость приема на слух в 280 знаков и совместно с радиотехником Носовским устранить помехи в приемном пункте.

Работник типографии, наборщик Теплицкий обязался довести набор за 7 рабочих часов до 14 тысяч знаков.

Радиотехники Гончаров и Смирнов обещают сверх плана обеспечить Диксоновское бюро погоды метеосводками из восточного сектора Арктики.

Комсомольцы Демина, Шеховцев, Зюбанов, Носовский, Чуканин и Давыдов обязались сдать нормы на ворошиловского стрелка первой степени.

Сменяющиеся в этом году товарищи Зюбанов, Попов, Шеховцев, Давыдов, Смирнов, Акуленков, Теплицкий, Ковтуненко в своих обязательствах записали: передать опыт работы новой смене, а рабочие места и оборудование сдать в образцовом состоянии.

Секретарь комитета ВЛКСМ *Смирнов*

Маточкин Шар

В обсуждении письма молодых стахановцев и специалистов автозавода имени Сталина приняли горячее участие не только комсомольцы и молодежь полярной станции Маточкин Шар, но и мы, отцы комсомольцев и молодежи.

Ко дню двадцатилетия славного Ленинско-Сталинского комсомола зимовщики Матшара взяли на себя следующие

обязательства: студент-практикант Московского гидрометеорологического института Захаров — пройти производственную практику на «отлично» и досрочно написать отчет о практике. Ученики-ненцы Кирилл Вылко, Егор и Василий Ледковы обязались под руководством старшего механика Коробко самостоятельно собрать, установить и пустить после ремонта двигатель «Возрождение», смонтировать устройство для подъема груза с берега на гору.

Тов. Назаров обязался не допускать простоев моторного бота и перевезти 25 кубометров леса, необходимого для устройства теплицы. Федченко — наладить и усовершенствовать электроосвещение ареометров в магнитной обсерватории и продлить до приезда новой смены социальный договор с магнитообсерваторией острова Диксона. Пономарев обещал к приезду новой смены подготовить материальную часть радиостанции с таким расчетом, чтобы станция могла безотказно работать всю навигацию. Ученик радиостанции Гавриил Вылко взял на себя обязательство научиться разбирать технические чертежи радиопередатчиков, приемников и т. п.

Начальник станции *Сепиус*

Мыс Стерлегова

Молодежь полярной станции мыс Стерлегова в ответ на призыв молодых рабочих автозавода имени Сталина обязалась к славному двадцатилетию Ленинского комсомола образцово обслужить

навигацию 1938 года и выполнить ряд индивидуальных обязательств.

Комсомолец Стащенко взял на себя обязательство в кратчайший срок по приходе парохода установить ветродвигатель и максимально использовать энергию ветра, экономя горючее; подготовить склады для грузов, чтобы предохранить их от порчи; радиоаппаратуру и механическое оборудование держать в исправности.

Комсомольцы Горяченков и Фарутин обязались обслужить навигацию 1938 года бесперебойной подачей сводок погоды и ледовых наблюдений.

Сверх программы комсомольцы взяли на себя обязательство использовать всю хорошую погоду для производства аэрологических наблюдений.

Горяченков, Стащенко, Фарутин

Д/п „Садко“

К двадцатой годовщине ВЛКСМ комсомольцы «Садко» взяли на себя ряд обязательств.

Комсомолец Чернышев обязался изучить двигатели внутреннего сгорания и сдать техминимум моториста на «отлично»; комсомолец механик Розов — подготовить кочегаров Алферова и Шарыпова к сдаче техминимума машиниста; комсомолец Бадигин — подготовить матроса-комсомольца Коркина к работе с гирокомпасом; комсомолец Смирнов — изучить двигатели внутреннего сгорания и сдать техминимум моториста на «отлично»; комсомолец-матрос Малыгин взял на себя обязательство изучить все навигационные приборы; комсомолец астроном-магнитолог Буйницкий обещал по возвращении на материк

сдать госэкзамены в Гидрографическом институте Главсевморпути на диплом первой степени.

В ознаменование двадцатой годовщины ВЛКСМ у нас раз в месяц проводятся теоретические конференции с участием всех зимовщиков.

Комсорг Буйницкий

Остров Четырехстолбовой

Все комсомольцы и молодежь острова Четырехстолбового к двадцатилетию Ленинского комсомола взяли обязательство по наилучшему окончанию научных работ.

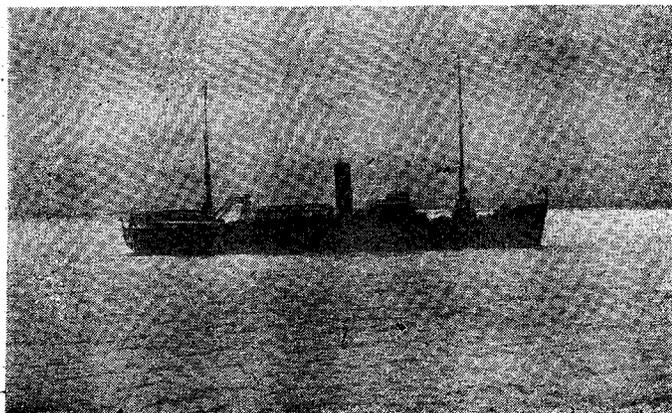
Ударниками по работе считаются: комсомольцы — аэролог Кузьмин и радист Смирнов; из внесоюзной молодежи — гидролог Куцевалов, аэролог Снегирев, метеоролог Богданов.

Гидролог Куцевалов все материалы по своему разделу представляет в Москву в обработанном виде. Комсомолец-гидрограф Андронов ведет съемку острова.

Комсорг Куминов

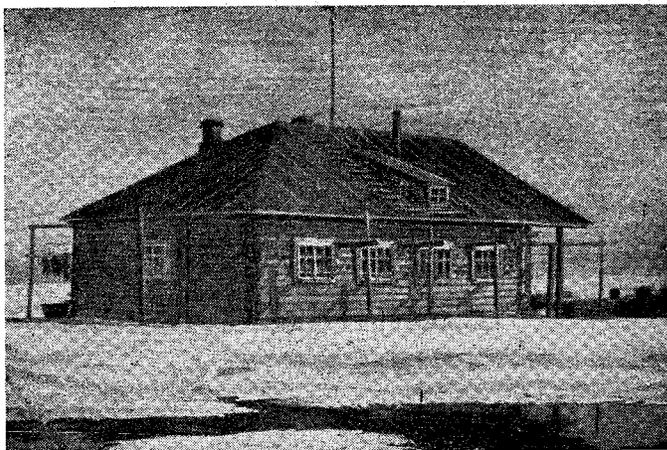
Остров Белый

Присоединяя свой голос к ответу на обращение стахановцев автозавода имени Сталина, я обязуюсь к двадцатилетнему юбилею нашего Ленинско-Сталинского комсомола работать по-стахановски, перекрыв установленные радиослужбой Главсевморпути нормы выработки; радиовахту нести четко, аккуратно, не допуская ни одного срыва срока связи; еще глубже овладеть техникой своего дела, чтобы проводить рационализаторские мероприятия на своем участке работы;

**Ледокольный пароход
«Садко»**

**Жилой дом на острове
Белом**

выше поднять свой культурно-политический уровень. За год зимовки обязуюсь овладеть одним из иностранных языков.

Радиотехник *Мильштейн*

Бухта Благополучия

На обращение молодых стахановцев автозавода имени Сталина комсомольцы и внесоюзная молодежь полярной станции бухты Благополучия берут следующие обязательства.

Комсомольцы-гидрометеорологи Лазарев и Демин обязались образцово провести работу выносной метеостанции на куполе ледника Норденшельда; гидролог-комсомолец Ермак — произвести промер бухты Визе и ряд дополнительных гидрологических разрезов; радиотехник Тарасенко обязался перевыполнить план, подготовить и сдать радиостанцию в образцовом порядке. Остающийся гидрометеоролог Лазарев обязался подготовить все складские помещения и образцово обеспечить быструю выгрузку прибывающих грузов.

Комсорг *Ермак*

Мыс Челюскина

Обсудив обращение молодых стахановцев автозавода имени Сталина, комсомольская организация мыса Челюскина, поддерживая это замечательное начинание, взяла на себя следующие обязательства:

Гидролог Махонин обязался произвести на станции полную обработку материалов, собранных на пятнадцатисуточной гидрологической станции; метеоролог Кушнир Татьяна обязалась провести составление месячных таблиц всех метеорологических элементов за 1936—1938 годы, а также подготовить метеоотдел к сдаче на «отлично»; аэролог Ескин взялся изготовить фотонегативы, полностью документирующие техническое состояние строений, машин, сооружений, отдельных деталей и быт станции, также на «отлично» подготовить к сдаче аэрологический и магнитный отделы; лекпом Хоменко обязался подготовить к сдаче больницу станции на «отлично».

Комсорг *Ескин*

В ЛЕНИНГРАДСКОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕВМОРПУТИ

За последние пять месяцев Ленинградский политотдел Севморпути проделал значительную работу по подготовке внесоюзной молодежи для вступления ее в ряды ВЛКСМ. Комсомольская организация Института народов Севера охватила политучебой всю внесоюзную молодежь. Проявившие себя в подготовке к выборам в Верховные Советы СССР и РСФСР лучшие агитаторы тт. Алексеев, Афанасьев, Хайтанин вступили в комсомол.

За последнее время усилился рост комсомольской организации за счет молодежи плавсостава ледоколов «Ермак», «И. Сталин» и парохода «Дежнев». Двенадцать лучших стахановцев-моряков флагмана ледокольного флота «И. Сталин» приняты в ряды Ленинского комсомола. В результате самоотверженной, героической работы в Арктике ледокола «Ермак» выделительная передовая группа молодежи, показавшая образцы стахановской работы (Ерохов, Ионов, Жидков).

За время сверххранного рейса комсомольская организация ледокола «Ермак» приняла лучшую часть молодежи в ряды Ленинского комсомола. Василий Козлов, Георгий Швецов, Николай Морозов, Константин Романчук, Михаил Смирнов, еще до вступления в комсомол взявшие ряд сообязательств, в упорной борьбе со стихией Арктики с честью выполнили свои обязательства.

Комсомольцы научные работники Арктического института к славному двадцатилетию ВЛКСМ взяли на себя ряд сообязательств. Например, комсомолец-геолог Рохлин отмечает юбилей ВЛКСМ производственным достижением — на месяц раньше срока он закончил камеральную обработку материалов. Он пишет непредусмотренную планом статью о новом рудном районе в Арктике, в открытии и исследовании которого он принимал участие. Большую и серьезную работу подготовил молодой инженер т. Розенштейн, работающий по конструкции радиобуя для Арктики.

Комсомолец т. Кириллов (Институт народов Севера) к двадцатилетию ВЛКСМ пишет поэму на своем родном остяком языке о двадцатилетии Ленинско-Сталинского комсомола.

Комсомолка Нагорнова (Гидрографическое управление) готовится к сдаче норм на ворошиловского стрелка для того, чтобы владеть оружием и быть готовой к защите родины.

В прошедших зимних и летних соревнованиях на первенство ЦК нашего союза комсомольцы-физкультурники

одержали победу, завоевав все первые места. Они удержали переходящее красное знамя в ленинградской организации.

Комсомольцы флагмана арктического флота «И. Сталин» на ходовых испытаниях ледокола и в арктическом плаваньи показали образцы стахановской работы. Вся команда знает отличников юбилейного соревнования — тт. Папаша, Зорина, Слячкина и других.

Впервые в истории мореплавания советский ледокол «Ермак», команда которого на 70% состоит из комсомольцев и молодежи, достиг почти 84-й параллели, блестяще выполнив задание партии и правительства.

Кочегар-орденоносец Григорий Ерохов, работая в трудных условиях, выполнял план очистки котлов на 200%, одновременно усиленно работая над повышением общеобразовательного и политического уровня.

Комсомолец-радист Борис Жидков, лучший коротковолновик Союза, один из шести установивших связь из Ленинграда с радистом станции «Северный полюс» т. Кренкем, отлично обеспечивал радиосвязь «Ермака» со всеми пунктами. Он активный агитатор, член комитета ВЛКСМ.

Старший машинист-комсомолец Евгений Ионов — один из наиболее квалифицированных машинистов на ледоколе. Многие машинисты под его руководством повысили свою квалификацию.

В 1938 году ленинградские учебные заведения, в частности Институт народов Севера, подготовили не один десяток квалифицированных специалистов из представителей северных народностей для работы на Крайнем Севере. Комсомолка Слободчикова окончила институт и работает в качестве заведующей средней школой на Камчатке; комсомолец Чаймитов (манси) оставлен в северо-азиатском семинаре вуза; комсомолец Сахаров, по национальной этнической принадлежности эвонец, работает в Вителецком облисполкоме. Комсомолец Халтурин работает помощником начальника культбазы в Остяко-Вогульском национальном округе.

Впереди предстоит еще большая работа. Решение Совета Народных Комиссаров СССР «Об улучшении работы Главсевморпути» обязывает нас проявить максимум инициативы в борьбе за освоение Северного морского пути. Это решение правительства дает нам в руки совершенно конкретную программу работ. Наша задача — по-большевистски взяться за выполнение решения Совнаркома.

К. и Е. ЗВАНЦЕВЫ

КОМСОМОЛЬСКАЯ ЗИМОВКА НА 75° СЕВЕРНОЙ ШИРОТЫ

В 1934 году была создана Главным управлением Северного морского пути и ЦК ВЛКСМ комсомольская зимовка на мысе Стерлегова, Таймырского полуострова.

Пробыв на этой зимовке два года, товарищи Званцевы написали и подготовили к печати книгу „Две полярные ночи“.

Ниже мы публикуем отрывок из этой книги. В нем авторы показывают первый (1934/35) год комсомольской зимовки на мысе Стерлегова, в изложении от первого лица.

После того как скрылось солнце

Солнце уже не показывается над горизонтом, оно ушло на три месяца. Мы с грустью проводили последние лучи вечерней зари.

Наступила полярная ночь. За окном посвистывает пурга, и наши собаки сбились в коридоре.

Славные четвероногие друзья! Как много радости вносят они в жизнь нашей маленькой станции, с каким интересом мы изучаем их особенности и привычки.

— Вы знаете, — многозначительно сказал наш каюр Миша Румянцев, — я замечаю, что между Нордиком, Рыжим и Лизон укрепляется дружба. Бандит и Найда держатся в стороне, а Мохнашка враждует с Бандитом.

У Мохнашки и Бандита сложились воинственные отношения. Стоит Бандиту тронуться с места, как встает и Мохнашка.

Один Хардик — неуклюжий щенок немецкой овчарки — ни с кем не враждует. Напротив, он старается со всеми дружить. Его занимает одно: где бы что украсть и съесть. Чего только не ест Хардик! Он мигом проглатывает случайно брошенную тряпку, грызет кусок деревяшки, шнурок от ботинок, веревочку. Он постоянно что-нибудь жует, причем так громко рычит и ерошит шерсть, что даже неробкие собаки боятся к нему подойти. Но стоит какой-нибудь собаке нечаянно толкнуть его, как он с диким визгом вскакивает, поджимает хвост и со всех ног бросается прочь, точно спасаясь от неминуемой смерти. При этом он так пугает нечаянно толкнувшую его собаку, так заражает ее своим страхом, что та невольно поджимает хвост и тоже бросается в сторону. Дженни прозвала Хардика „трусишкой“.

„Трусишка“ явно отрицает „священные“ у наших собак принципы собственности. Лизон, Найда и Майна смотрят на него как на беспри-

зорника, а добродушный Нордик взял на себя роль его воспитателя. Если Нордик замечает, что Хардик украл чью-нибудь порцию, он подходит к Хардику, хватая его за мохнатый загривок и держит, пока другая собака — хозяйка украденной порции — не забирает ее, грозно рыкнув на воришку. В это время Хардик не смеет даже визжать. Он дрожит и умоляюще поглядывает на Нордика, пока тот его не отпустит. Надо сказать, что Нордик никогда не кусает неуклюжего Харди. Напротив, когда „трусилке“ от кого-нибудь попадает, он бросается на обидчика.

Совсем другой характер у Бандита, он постоянно учит Хардика украсть чью-нибудь порцию. Он это делает хитро: быстро съев свою порцию, он начинает заигрывать с Хардиком, который очень любит повозиться, и незаметно подводит его к какой-нибудь зазевавшейся собаке. Заметив бесхозьяственно оставленное мясо, Хардик быстро хватается его и, забывая об игре, со всех ног кидается в какой-нибудь укромный уголок. Бандит следит, куда спрячется Хардик, с небрежным видом подходит к нему и молча кусает за ухо. Хардик с визгом убегает, а Бандит остается хозяином украденной порции. Но Хардик нередко пытается мстить. Опомившись, он тихонько подкрадывается к Бандиту, больно кусает его и тоже молча убегает.

Да, мы с большим интересом изучаем жизнь и взаимоотношения собак. Наша жизнь и жизнь собак в Арктике так тесно соприкасаются, что не замечать характера и привычек четвероногих друзей просто невозможно.

20 ноября. Утром меня разбудил Румянцев.

— Что, Миша, зачем?

— Где-то очень далеко лает Мохнашка. Я один не решился итти. Пойдемте вместе. Видно, Мохнашке плохо приходится, очень жалобно лает...

Я быстро вскочил, оделся потеплее, взял винтовку, и мы побежали на лыжах вдоль берега.

С моря доносился залиvistый лай, но, как мы ни всматривались в сероватую мглу, ничего не удавалось разглядеть.

Запеленговав направление, мы спустились на морской лед и, воткнув лыжи в снег, пошли в торосы.

Минут за сорок тяжелого пути по ропакам и торосам мы подошли к большому полю молодого, но достаточно крепкого льда; неподалеку от него в полынье, фыркая, плавали два медведя.

Мохнашка, мокрая и дрожащая, сидела у полыньи и лаяла на них, не давая им вылезти. Когда медведи подплывали к противоположному краю полыньи, она бросалась в воду, быстро переплывала полынью, выбиралась на лед и хватала их за морды.

Медведи свирепо рычали, отмахивались лапами, но Мохнашка не отставала и держала их в полынье до нашего прихода.

Когда Мохнашка увидела нас, она необычайно обрадовалась. Ее умные глаза, казалось, говорили:

— Ну, вот и хорошо, наконец-то, ротозеи!

Мы подошли к краю льдины и, прогнав Мохнашку на другую сторону полыньи, чтобы она там не давала медведям выбраться, невольно любовались на нырявших, плававших и фыркавших повелителей полярных пустынь.

Вдруг оба мы почувствовали сильный толчок. Миша испуганно вскрикнул и оглянулся.

У наших ног закружились собаки. Это они, разогнавшись, уткнулись, выражая свой восторг, лапами нам в спины и при этом чуть не столкнули нас в полынью.

Медведи совсем растерялись и, как ни странно, поплыли к нам, хотя около нас были три собаки, а на противоположном берегу одна Мохнашка.

Когда медведи подплыли к самой кромке льда, трусишка Хардик так увлекся лаем, что кувырнулся в полынью. К счастью, Мише во-время удалось схватить его за хвост, а то пришлось бы ему побывать в зубах у медведя. Едва выбравшись из воды, трусишка скромно отошел в сторону и жалобно заскулил, не то оправдываясь, не то готовя себя на новый подвиг.

Не хотелось стрелять в этих медведей. Мы долго стояли у полыньи, любовались, и только тогда, когда один из них нырнул и под нами зашевелился еще непрочный лед, отскочили назад.

В том месте, где мы стояли за секунду до этого, лед поднялся и вынырнул медведь.

Я выстрелил и убил медведя. Второй медведь ухватился лапами за кромку льда. Румянцев начал стрелять, но не то от волнения, не то от того, что руки у него замерзли, пули ложились около медведя, не причиняя ему вреда.

Расстреляв всю обойму, Румянцев стал закладывать новый патрон. Тут медведь выскочил и бросился на меня. Я нажал спуск: выстрела не последовало — осечка. Медведь был уже почти рядом со мной. Я поднял винтовку за ствол, собираясь защищаться прикладом, но раздался выстрел Румянцева, и медведь упал.

Румянцев спас меня и себя от ледяной ванны, а возможно и от более неприятной развязки.

Из медведя струилась кровь. Тонкий лед быстро протаял, и медведь провалился.

С большим трудом вытащили мы медведей, сняли с них шкуры, разделили мясо и уже собирались идти домой, как вдруг из-за торосов показались наш механик Николай Котов и радиотехник Евгений Наумов, которого мы прозвали „Маркони“. Они тащили на плечах нарты и собачью упряжь. Самая хитрая из собак, Лизон, увидев нарты, скрылась за торосом и убежала домой; остальных мы поставили в упряжку.

Собаки были в восторге, они словно чувствовали, что теперь надолго обеспечены мясом.

Мы тоже были довольны: всем нравились медвежьи котлеты и пельмени из свежего мяса.

Когда мы возвращались домой, я сильно вспотел и, позабыв об осторожности, присел на лед отдохнуть. Просидев минут пять, я сообразил, что сидеть дольше рискованно.

Товарищи ушли вперед. Я хотел поскорее догнать их, стал поспешно спускаться с тороса, поскользнулся, ударился головой об лед и пролежал некоторое время без сознания.

Встав, я почувствовал, что страшно озяб, но не придавал этому большого значения.

30 ноября. Я много дней не возвращался к дневнику.

Наша охота на медведей кончилась плохо. Вечером, когда мы вернулись домой, я почувствовал сильную головную боль, покалывание в груди, общую вялость, а на другой день слег с высокой температурой.

Метеоролог Дженни Званцева
за работой

миль нет ни одной зимовки. Врач был дома. Встревоженный, он подошел к аппарату и попросил рассказать, как проявляется болезнь.

С этого дня меня начали лечить. Лечили малиной, красным вином, компрессами и горчичниками. Температура прыгала: то 40° и тяжелый бред, то 35° и упадок сил.

Приходя в себя, я видел встревоженные лица товарищей.

В один из наиболее легких дней, когда исход болезни еще окончательно не был решен и кризис еще не миновал, я продиктовал приказ, которым назначал своим заместителем самого молодого, но наиболее мужественного и опытного товарища—Евгения Николаевича Наумова.

По радио из Москвы

2 декабря ночью, когда я стал забываться сном, меня разбудило легкое, осторожное прикосновение чьей-то руки. Открыв глаза, я увидел склонившегося надо мной нашего Маркони. Он был поразительно бледен. Из его закушенной губы тонкой струйкой текла кровь.

Глядя прямо ему в глаза и стараясь быть по возможности спокойным, я спросил:

— Евгений Николаевич, что с вами, что случилось?

Товарищи решили по радио посоветоваться с врачом острова Диксона о том, как меня лечить.

Врач был в отъезде. Собачья упряжка умчала его на далекую факторию к больному промышленнику. Начальник Диксона попросил каждые два часа сообщать о моем самочувствии и сказал, что как только вернется врач, он окажет помощь по радио.

Дженни очень волновалась и попросила радиста послать телеграмму врачу острова Уединения, рассчитывая его застать дома.

В эфир полетели точки и тире, адресованные Уединению.

— Уединение! Уединение! Вас вызывает Стерлегов! Вас вызывает Стерлегов!

Остров Уединения, окруженный сплотившимися льдами, принял позывные Стерлегова.

— Ясно вижу! Ясно вижу!— ответил радист.

— На мысе Стерлегова тяжело болен начальник станции. Необходима помощь врача.

Этот остров расположен далеко на севере, кругом на много

Он по-военному ответил:

— Товарищ начальник, на родине несчастье. Убит Киров.

— Не может быть! Как вы об этом узнали?

Тихо, шопотом, он рассказывал:

— Я сидел в радиорубке и, настраивая приемник, услышал Москву. Она сообщила о том, что Сергей Миронович Киров убит у себя в Смольном.

— Киров убит в Смольном! Не верю!

Это было непонятно и страшно.

Я спросил:

— Кто убийца?

— Не знаю,—ответил радист.

В эту ночь на нашей зимовке только мы двое знали о страшном несчастье, которое постигло миллионы трудящихся нашей родины.

Я не мог спать. Закутавшись в шинель, я просидел ночь за письменным столом. Голова горела. Ни на минуту не оставляла меня мысль о невозвратной потере.

Невольно я спрашивал себя: кто этот враг народа, посягнувший на жизнь такого светлого, прекрасного большевика?

Рано утром Евгений еще раз услышал горькую весть о гибели Кирова. Ее передавали все станции.

Пламенный трибун революции, лучший друг трудящихся—любимый Мироныч—убит.

В шесть утра Евгений вошел ко мне.

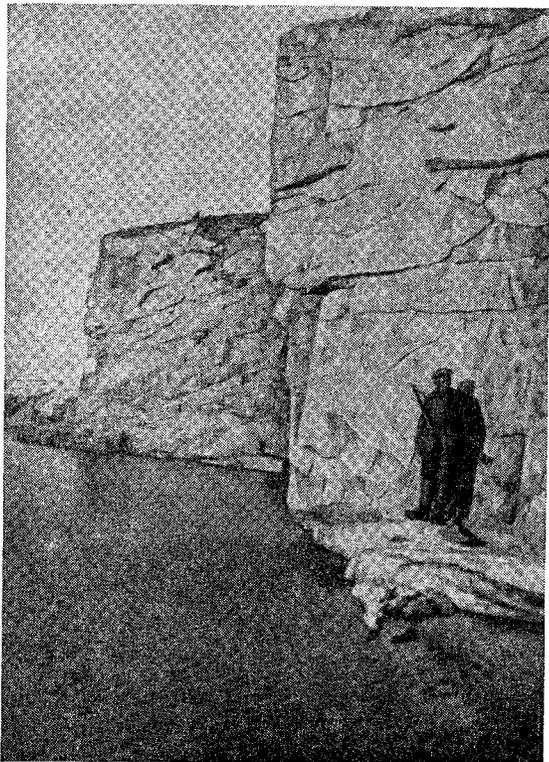
— Сведения совершенно точные,—сказал он.—Кирова нет. Его убил враг Николаев. Николаев задержан, ведется расследование.

Мы, ленинградцы, как хорошо знали мы Кирова! Как часто мы его видели! Мы помним день пятнадцатилетнего юбилея Ленинского комсомола. В тот день мы сидели в Театре оперы и балета на торжественном собрании и слушали Сергея Мироновича, его задушевную прекрасную речь.

И вот, Кирова нет. Киров убит, подло убит из-за угла.

Я разбудил товарищей и дал распоряжение в знак траура приспустить на мачте флаг.

Сделав это, все собрались в кают-компанию. Все были подавлены. Было трудно при-

Свалы у мыса Стерлегова

мириться с мыслью, что мы никогда больше не услышим Кирова, никогда не увидим его доброго, открытого лица.

У Дженни глаза были полны слез. Котов молча стоял у окна.

Более страшного удара не может быть. Потерять вождя, потерять друга, одного из тех, кто вместе с великим Сталиным нес счастье всему миру, — слишком тяжело. Кажется, что это свыше сил.

Только фашисты могли стрелять в нашего Кирова. Гады! Они хотят утопить революцию в крови вождя? Но революцию не утопишь, волю большевиков не сломишь, а шайка фашистов неизбежно погибнет; под колесами мировой революции сотрутся проклятые имена.

Но где же классовая бдительность? Ее заменило непростительное благодушие. Часовые просмотрели врага, и пуля оборвала прекрасную жизнь.

Мы, комсомольцы полярного форпоста, решили послать телеграмму на материк.

Мы сказали свое слово. Мы призывали поднять бдительность, просили окружить вождя революции заботой и, как зеницу ока, беречь жизнь великого Сталина.

„Расстреляйте фашистскую сволочь! Под суд беспечных часовых! Часовой революции должен быть зорким!“ — написали мы.

Тяжело и горько было нам в тот день, но мы на посту, и работа шла: механик дежурил у моторов, радист передавал телеграммы, Дженни и я обрабатывали метеосводки.

Мы решили ударной работой отсалютовать погибшему другу и вождю.

Там, на материке, трудящиеся нашей страны провожали Мироныча, а мы здесь, в глубокой Арктике, слушали траурную передачу. Казалось, что траурный марш и пурга, которая посвистывала за окнами, только подчеркивали тишину.

Ночью никто не уснул. Все молча лежали на койках. Светлый образ любимого друга не оставлял нас ни на минуту.

Прощай, родной Мироныч! Дни траура по тебе самые тяжелые в нашей жизни.

Так проходят дни

15 декабря. Уже полмесяца, как наступила ночь. Все время были сильные пурги. Ветер свистел и выл на разные голоса в такелаже радиомачт, в антеннах, в трубе. Под ударами ветра вздрагивал домик.

Казалось, что мы на маленьком корабле, затерянном в снежных просторах. Пурга так свирепствовала, что мы едва могли делать метеонаблюдения.

Полярная ночь клонит ко сну. Мы этого не испытываем. Но Маркони поднимается с трудом и, чтобы не проспать вахту, поставил у себя в комнате два будильника, злые и настойчивые. Их звон вызывает возмущение Николая и Миши, но не в состоянии поднять Маркони на передачу депеш. Как только эти „бульдоги“-будильники поднимают нестерпимый вой и хрип, Маркони просыпается, прячет один из них под подушку, а другой засовывает в спальный мешок или в валенок. Но едва унимается звон и Маркони, сунув нос под одеяло, сладко смыкает глаза, как начинает орать, звонить и грохотать третий будильник.

— Опять будильник! — взбешенно шепчет Маркони и вскакивает, чтобы и этот назойливый будильник сунуть под подушку, но это — Дженни. Она барабанит в переборку не переставая, звонит:

— Маркони! Соня! Вставай, скорее, скорее, скорее! Вставай, Маркони, а то водой 'оболью.

Уж тут не уснешь! Маркони встает и, уже обрадованный тем, что не проспал и не нарушил долга службы, вопит:

— Спасибо, Дженни! Встал, рука на ключе, работаю!..

Дженни смолкает и, поворочавшись, тихо засыпает, как сурок.

А наш Маркони ловит из эфира слова депеш и посылает свои. Окончив работу, он ныряет под одеяло и через несколько минут опять храпит с присвистом.

Миша и Коля, разбуженные будильниками, жалобно вздыхают:

— Ну, и горазд же спать Женька, вот леший!

— Разбудил, сам уже спит, а мы ворочайся.

Так начинается день. В восемь утра все, а в том числе и Маркони, уже на ногах, и каждый принимается за работу.

Маркони заряжает аккумуляторы, проверяет передатчики, монтирует новый щиток.

Котов копается в механической, мастерит запасные части для радиостанции и своей мастерской, выполняет заказы маленькой хозяйки: лудит кастрюли, кроит противни для пирогов, делает из консервных банок формочки для желе и, освободившись от этих забот, обычно принимается за починку часов. Это его излюбленное занятие. На зимовке уже не осталось ни одних часов, к которым он не приложил бы свою руку. После того как он чинит и собирает часы, всегда остаются лишние колесики; но часы, как ни странно, идут, и Котов утверждает, что эти колесики были напрасно поставлены.

Миша Румянцев рано утром выходит на крыльцо, где его окружает свора собак.

Неподалеку от крыльца в бочке лежит нерпичье мясо и медвежатина. Разрубив мясо, наш каюр принимается кормить своих питомцев.

— Харди! Нордик! Лизон! — выкрикивает он.

И каждая на-лету ловит свою порцию.

Накормив собак, Миша приносит на кухню и бросает в стоящий на плите бак снежные глыбы, приносит уголь из тамбура.

Много забот у Миши! Он и баню топит, и упряжь ремонтирует, и, главное, заканчивает пристройку предбанника, где найдут приют наши собаки.

Маленькая хозяйка хлопочет с раннего утра, готовит завтраки, обеды, ужины и каждую свободную минуту уделяет занятиям по метеорологии. Она решила стать метеорологом и под руководством Наумова обрабатывает метеосводки, составляет декадные таблицы и ведет ледовую книжку.

Мне ежедневно приходится вести вахтенный журнал и отвечать на служебные радиограммы, а их скапливается порой не мало.

Заниматься метеонаблюдениями я все еще не могу, а хотелось бы помочь товарищам.

Погода негостеприимна, и делать метеонаблюдения очень трудно.

Будка занесена. Шторм валит с ног, спит, засыпает снегом. В двух шагах ничего не видно.

Но Наумов не прерывает работы. Наши научные наблюдения нужны там, на советском материке. А кроме того, ведь у нас здесь школа, воспитывающая и закаляющая молодых полярников!

Несмотря на ветер, мороз, пургу, метеоролог производит свои наблюдения. Если хотите, это можно назвать героизмом в повседневной

будничной работе. Нередко метеорологи обмораживаются, теряют дорогу к дому.

Нелегка работа метеоролога в Арктике. Честь и слава тем метеорологам, которые, несмотря ни на какие пурги, ни на какие штормы и стужи, честно выполняют свой долг.

20 декабря. Мы лишились ездовой собаки Найды. Мы очень встревожены. А вдруг какая-нибудь болезнь? Но какая и как предохранить остальных собак от заболевания?

Теперь из восьми собак у нас осталось только семь. Притом считать Харди взрослой собакой нельзя, это неездовой щенок.

25 декабря. Нас постигла еще одна беда. Без вести пропал любимец Дженни — Мохнашка, славный охотничий и ездовой пес. Он имел склонность один бродить во льдах в поисках медвежьих следов. Вероятно, он попал в лапы медведю и утонул в полынье.

Теперь у нас только шесть собак, ездовых пять. Неужели и они будут болеть? Только бы не это!

После потери Найды и Мохнашки мы еще бережней относимся к собакам.

Собаки скрашивают жизнь в Арктике, с каждым днем мы все крепче привязываемся к нашим четвероногим друзьям. Они это чувствуют. Стоит кому-либо выйти в пургу за пределы домика, как появляются Рыжик, Нордик, Харди. Тут уж медведь врасплох не застанет, рядом — друзья!

А если ты выйдешь в туманную или пуржливую ночь делать наблюдения, вооруженный револьвером или карабином, но без собак, то можешь в темноте столкнуться с медведем. Был такой случай со мной, когда я зимовал на острове Врангеля. Неприятная встреча, неприятное воспоминание.

26 декабря. Ночью была первая переключка Ленинграда с Арктикой.

За стенами выла пурга. Были сильные разряды, и мы боялись, как бы не сорвало антенну или не свалило радиомачты. Слышимость была отвратительная. Но то, что мы слышали, заставило нас пережить несколько хороших минут.

Мы узнали, что с острова Врангеля вернулся начальник зимовки товарищ Минеев, что он пишет книгу.

С нами разговаривали по радио сотрудник журнала „Вокруг Света“ и редактор издательства „Молодая Гвардия“.

Я узнал, что моя книга „Зимовка“, где я рассказал о своей жизни на острове Врангеля, скоро выйдет из печати.

Мы были очень тронуты этим тесным общением представителей комсомольской печати с нами, полярниками, зимующими на первой показательной комсомольской зимовке. Это культурное общение нас очень ободрило. Было бы неплохо, чтобы в будущем наши культурные организации чаще общались с далекими зимовками путем радиосвязи — телеграмм и радиоперекличек.

27 декабря. Наконец я встал с постели.

Во время болезни товарищи окружили меня большой заботой и вниманием.

Даже по ночам я видел около постели Дженни, Наумова, Котова, Румянцева. Каждый старался сказать что-нибудь хорошее, теплое.

Я долго и упорно боролся с болезнью и, наконец, преодолел ее, начал понемногу работать и приводить в порядок дела, а теперь смогу заняться и метеонаблюдениями, хотя врач не советует этого делать и продолжает присылать свои заморские рецепты.

Новый год

30 декабря. Незаметно подкрался Новый 1935 год. Ну, конечно, как водится в хлебосольном Стерлегове, начались приготовления к встрече. Все моют, чистят, скребут, уютжат брюки, тужурки, крахмалят воротнички.

Домик приобретает празднично парадный вид. В кают-компании и в радиорубке настолько чистые полы, что на них можно катать пироги и лепить пельмени; окна протерты до блеска; печь побелили.

Вкусно пахнет хлебом и пирогами. Все это мы испекли не в русской печи и не в духовке, а в обычной голландке.

Русской печки у нас нет, в духовке мы не раз пробовали печь, но духовка у нас плохая, и хлебы очень часто подгорали, зато в голландке выпекаются замечательно.

Сначала мы протапливали голландку, а затем, засучив рукава своей норвежской фуфайки, Дженни ловко сажала хлеб прямо на под. Хлебы пухнут, растут, и нередко дело кончается тем, что испекшийся хлеб невозможно вытащить в дверцу. Но это не смущает нас: разбирать дверцу не хочется, и хозяйка режет хлеб прямо в печи.

31 декабря. Канун Нового года. С утра мы получили известие о специальном новогоднем арктическом выпуске радиопередачи из Москвы.

Парадно накрыт стол, включен репродуктор.

Все в форме. У механика и радиста сверкают нашивки. Пуговицы начищены до ослепительного блеска. Маленькая хозяйка в любимом платье.

В домике тепло. Пахнет цветами. Утром мы накаливали камфорку и капали на нее одеколон „Ландыш“ и „Фиалку“, такое сочетание создало приятный запах букета цветов и напомнило о весне.

Включив Москву, мы услышали выступление Михаила Ивановича Калинина. Он приехал в редакцию „Последних известий“, чтобы поговорить с полярниками по телефону и поздравить их с Новым годом. Слышать его сердечную речь было очень радостно.

За Михаилом Ивановичем говорил Отто Юльевич Шмидт. После выступлений передавали концерт народных, заслуженных любимых артистов. Вечер закончили танцами. Мы тоже весело танцевали.

Новогоднюю ночь встретили бодро, здоровые, сильные, готовые к новой работе, к новой борьбе.

В следующие дни января радиоцентр Арктики — остров Диксона — начал выпускать „Арктические известия“.

Мы слушали Интернационал, переданный с острова Диксона. Молчание полярной ночи нарушил мощный голос:

„Алло! алло! Говорит полярный радиоцентр острова Диксона на волне 1450 метров!“

Бесконечной ледяной пустыни нет. Мы все теперь связаны, все полярные точки, разбросанные в ледяных просторах: между нами

в сердце Карского моря—радиоцентр. А давно ли диксоновскую рацию посещали белые медведи? Всего несколько лет назад!

21 января. Уже два с лишним месяца как нам не светит солнце. Пройдет еще месяц, и мы увидим первые лучи весенней зари.

Время летит незаметно. У нас очень немного книг, мы их давно перечитали. Но как не читать, как не учиться в полярную ночь? Мы организовали кружки технических знаний: кружок по моторам, по метеорологии и военно-тактический.

В кружке по моторам занимаются Котов и Румянцев. Моторный клуб, как мы его называем, работает успешно. Руководит им механик Котов. Обучая Румянцева, он в то же время повышает и свои знания.

Метеорологическим кружком и военно-тактическим руковожу я. В первом учатся Дженни и Наумов, во втором занимается вся зимовка, к лету каждый из моих зимовщиков сможет решить несложную тактическую задачу.

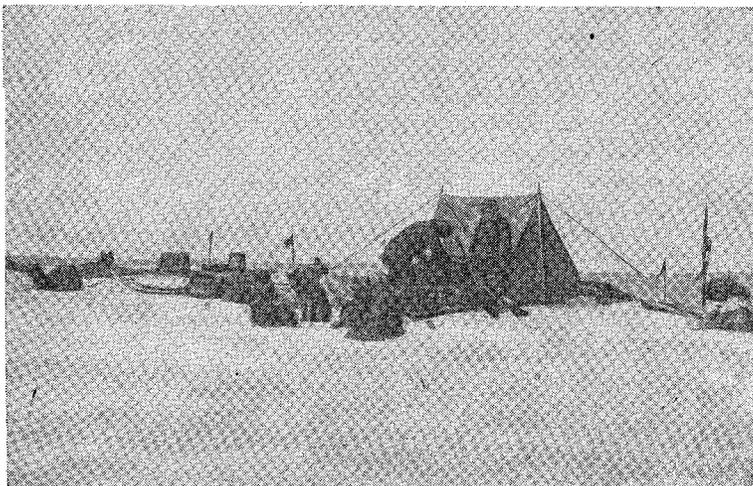
Кружок по истории партии ведет Наумов, он же ведет кружок радиотехники, где занимаюсь один лишь я.

К концу нашей зимовки Румянцев и Дженни будут неплохо знакомы с новыми специальностями. Дженни сможет оказать большую помощь в обработке метеорологических таблиц. Румянцев уже теперь нередко замещает Котова в механической мастерской, когда тот уходит на охоту или прогулку.

Немало внимания уделяем и литературному кружку: коллективно читаем, горячо спорим о прочитанных книгах.

Живем мы дружно. Нам некогда скучать. Мы всегда заняты учебой и работой, все делаем коллективно, помогая друг другу, и нередко забываем о том, что за стенами воет пурга и что, кроме нас, на сотни миль нет никого.

За первые два месяца полярной ночи мы закончили постройку кладовой, сарая и бани, хорошо утеплили дом. В механической изготовлен солидный запас деталей для рации. Радист не знает перебоев

**Охотничий ла-
герь стерлеговцев**

в работе и держит уверенную двустороннюю связь. По программе наша метеостанция должна числиться станцией третьего разряда с очень небольшим объемом работы и давать сводки три раза в сутки, но уже в ноябре она стала их давать четыре раза, а с первого января введен пятый срок в час ночи.

Мы живем дружно, коллективно работаем, коллективно отдыхаем и ни разу за время полярной работы не чувствовали себя оторванными от родной страны, мы живем с ней одной жизнью и сегодня, в день одиннадцатой траурной годовщины. Когда исполнилось одиннадцать лет со дня смерти Ленина, мы на комсомольском собрании вместе со всей страной сказали: „Дорогой Владимир Ильич, ценой счастья, ценой крови, ценой жизни мы будем защищать твою идею, твои заветы и нашу советскую родину“.

23 января. Сегодня, накормив нас вкусным обедом, Дженни смущенно заявила:

— Друзья мои, мне очень хочется стать красивой. Вы бреетесь каждую пятитдневку, а я постричься никак не могу.

Мы призадумались. Я когда-то умел водить легкий самолет, ходить на яхте, ездить на собаках, драться в кожаных перчатках на ринге, прыгать с вышки в воду, плавать, стрелять, плясать, но стричь я не умею.

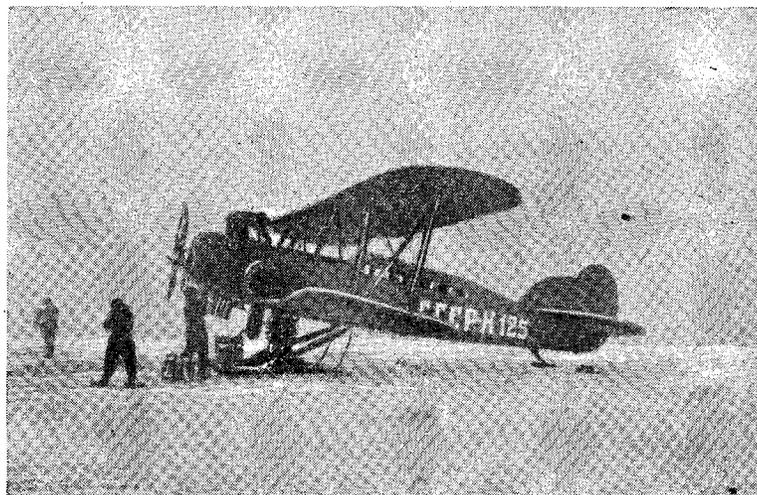
Наумов знает радиотехнику, может разобраться в любой схеме, но искусство стрижки дам покрыто и для него тайной.

Механик, радист и каюр смущенно улыбнулись и промолчали.

Дженни приуныла. Ближайшая парикмахерская была в Дудинке на Енисее, за много-много сотен километров от нашей станции.

— Подстригите меня хоть под фокстрот, это нетрудно.

„Фокстрот“ — незатейливая прическа. Когда стригут под „фокстрот“, то спереди остается очень немного волос и еще меньше остается на затылке. Для нас это было ясно, и все мы, не задумываясь, согласились помочь маленькой хозяйке.

Прилет самолета
на Стерлегов

— Но кого ты выберешь своим парикмахером? — спросил я. Выбор Дженни остановился на мне и механике Котове.

Я приступил к делу с большим волнением. Но не успел я как следует войти во вкус работы, а Дженни уже начала ныть:

— Да ведь это голова, а не болванка. Потрише, больно. Ты — медведь. Я отступил, передав ножницы Николаю.

Николай продул ножницы, выпил воды и, вздохнув, начал чертовски ловко и умело производить эту сложную операцию. Дженни сияла, но волосы ложились лесенкой и все мы, замирая от ожидания, ждали развязки. Лестниц было так много, и они были таких угрожающих размеров, что на хорошую развязку мало кто рассчитывал. Вдруг Котов над самым ухом отрезал огромный клоч волос. Все ахнули. Наумов даже зажмурился. Глаза Миши испуганно мигнули.

— Вот леший!

Дженни почувствовала, что случилось что-то неладное. Но ее успокоили, и все трое принялись помогать Котову.

В конце концов, Дженни все же остригли под фокстрот, но неудачно.

Посмотрев в зеркало, наш повар в испуге отшатнулся.

Мы почувствовали себя неловко и уставились в потолок.

Дженни поблагодарила парикмахеров и тяжело вздохнула.

24 января. Мы получили от командования Главсевморпути извещение о том, что нам на смену направляют пятнадцать человек.

С каждым годом в Арктике появляются новые и новые люди. Постепенно неприветливая, необжитая Арктика уходит все дальше и выше к полюсу, но скоро и там, над куполом мира, поднимут советский флаг.

Арктика отступает перед техникой, перед упорством советских полярников

На берегах северных морей появились радиостанции, маяки, обсерватории, авиабазы, строятся порты.

В снежных просторах Арктики стучат моторы, дымят десятки труб, горят электрические лампы, патефоны наигрывают веселые мотивы — и только полярный ветер поет тоскливую песню.

К нам вернулось солнце

Хороши ночи в Арктике, когда нет пурги, в небе светит луна, кружатся полярные всполохи и мерцают звезды.

В такие ночи мы закутывались в меха и выходили посидеть на любимый утес, повисший над морем.

Мы сидели рядышком, свесив с утеса ноги, и говорили о Большой земле: о Черном море, о теплом солнце, но чаще всего о соловьях. На этом вкусы наши сходились.

Только Миша Румянцев однажды скромно заметил:

— А я вот пенья жаворонка люблю.

11 февраля. Судя по астрономическим таблицам, в нашей широте вчера должно было выйти солнце, но разыгралась сильная пурга, и мы его не видим. Это очень досадно, всем хочется увидеть его как можно скорее.

В последнее время мы спим очень мало, сон бежит прочь. Все ждут солнца.

Солнце — ведь это праздник! С восходом солнца дни начнут заметно прибывать, через три месяца прилетят гуси, утки, гаги, чайки, гагары. Тундра оживет, вскроется море, начнется короткое полярное лето.

Как нам хочется, чтобы скорее затихла пурга и показалось солнышко!

14 февраля. Пурга стихла. Раное утро, когда товарищи еще спали, я позавтракал, закутался в шубу, взял собак и пошел на гору встречать восход солнца.

Ждать пришлось недолго. В небе показалась розовая полоска зари, она разгоралась все ярче и ярче, зазолотились высокие перистые облака.

Я, не отрываясь, смотрел на далекий горизонт, испещренный зубцами гор.

Наши собаки впервые встречали возвращение солнца и с удивлением смотрели на незнакомое им зрелище.

Но вот и солнце — огромный золотисто-красный шар!

Я невольно сорвал шапку и крикнул:

— Ура, ура!

Собаки завили хвостами и залаяли. Я три раза выстрелил, салютуя солнцу.

Только полярник может понять нашу радость.

Вернувшись домой, я увидел, как Наумов и Миша под смех Дженни и Котова ловили солнечных зайчиков на стене и при этом заразительно хохотали.

За завтраком ни на минуту не смолкали разговоры о приближающейся весне.

Настроение бодрое, жизнерадостное.

Трехмесячная ночь не отразилась дурно ни на одном из нас. Все мы пополнили, порозовели и, что особенно замечательно, загорели без солнца: лица обветрились от частых прогулок.

15 февраля. Третьего дня без вести пропали Бандит и Майна. Исчезли они под вечер и после этого не появлялись.

Двое суток я и Румянцев с утра и до поздней ночи ходили на лыжах в поисках следов, но их не видно.

Оставшиеся у нас собаки — Лизон, Харди, Рыжик и Нордик — ведут себя очень беспокойно. Их что-то тревожит, скорее всего волки: вокруг станции много волчьих следов.

Я решил во что бы то ни стало выяснить, куда девались собаки. Бандит и Майна слыли у нас домоседами и далеко от дома не убегали. Что могло увлечь их? Зверь? Но какой? После полярной ночи ни медвежьих, ни оленьих, ни песцовых следов не увидишь.

Куда же девались наши друзья?

Мы решили выждать благоприятную погоду и обследовать окрестности. Тем более, что это входит в наши задачи. Разведку мы наметили на март и апрель с тем, чтобы попутно провести весеннюю охоту на медведей.

С собой в поход мне хочется взять Румянцева, прекрасного ходока на лыжах, хорошего стрелка, сильного, выносливого человека и отличного спутника.

19 февраля. Мы получили циркуляр из Москвы: командование Главсевморпути обратилось к полярникам, зимующим на станциях, с просьбой остаться зимовать на второй год.

На этот призыв откликнулись многие станции.

Нам сообщили, что почти все диксоновцы остаются на повторную зимовку. Такие же вести идут и с других станций.

Получив телеграмму, мы собрались в кают-компании. Я объяснил товарищам, насколько трудно в такой большой системе, как наша, ежегодно комплектовать кадры, какие огромные средства приходится затрачивать на ежегодную отправку зимовщиков, и говорил о том, что частая смена зимовщиков плохо отражается на работе станций.

Товарищи внимательно выслушали меня. Когда я спросил, согласны ли они остаться, они обратились ко мне с вопросом:

— А вы остаетесь?

— Да, остаюсь.

— И я с вами, — сказал Румянцев.

Румянцев уже два года не видел жены и ребенка, и его готовность остаться на повторную зимовку меня тронула.

Вслед за Румянцевым дали свое согласие Наумов и Котов. О Дженни и говорить не приходилось: ее решение выдавали глаза, засиявшие во время ответов товарищей.

После этого собрания, послав в Москву радиограмму, я известил командование о том, что мы остаемся зимовать на второй год.

Вскоре мы получили ответ. Главное управление Севморпути сообщило, что штат нашей станции будет увеличен. Узнав об этом, я сообщил командованию, что Румянцева оставляю каюром, а Званцеву младшим метеорологом.

Как я уже говорил, во время полярной ночи у нас проводились занятия по метеорологии, и Дженни успела освоить новую специальность.

Итак, мы остаемся на мысе Стерлегова еще год. Каждый должен как следует проверить себя и подготовиться к зимовке.

22 февраля. Завтра день Красной армии. Началась предпраздничная суета.

Утром на кухне смолотили медвежье мясо на котлеты и пироги, Котов сварил пиво и квас, Дженни готовила пирожные. Наумов топил баню.

Вчера, урвав свободный часок, мы ходили на лыжах и в нартах катались с горы. Весело! Дух замирает, когда летишь вниз!

К величайшей радости, сегодня вернулись Бандит и Майна. Мы уже давно считали их погибшими. Появились они со стороны острова Тилло. Наши собаки не узнали их и подняли такой свирепый лай, что мы испугались, как бы они не разорвали своих товарищей.

Майна и Бандит сильно исхудали и от усталости едва стоят на ногах. Где они пропадали, что с ними было — кто бы мог это рассказать? Мы хорошенько их накормили. Не успели они поесть, как тут же на кухне крепко уснули.

23 февраля. Мы весело отпраздновали, вместе со всей нашей родной Советской страной, этот исторический день. Попутно праздновали и выход солнца.

Утром стреляли из боевых винтовок по мишеням, затем слушали Красную площадь. Днем состоялось торжественное собрание; после собрания обед; вот его меню: первое — суп с гренками, второе — медвежий котлеты с жареным картофелем и зеленым горошком, на третье — консервированные фрукты, кофе с коньяком, пирожные. К обеду подавалось вино, все курили отличные папиросы.

Вечером слушали передачу станции Коминтерна, посвященную Красной армии.

По комнатам разошлись очень поздно, оживленные, веселые, радостные.

... Летят дни. Идет будничная трудовая жизнь и учеба. Вечера часто проводим за картой Арктики, экзаменуя друг друга по полярной географии. Большая карта Арктики пользуется заслуженным успехом и популярностью. Теперь уже каждый из нас может не задумываясь показать любой мыс, остров, бухту, реку. Карту знают прекрасно.

В последнее время, пожалуй, лучше всех кружков работали метеорологический кружок и кружок по изучению истории завоевания и исследования Арктики.

1 марта. В феврале стояла хорошая тихая погода. В доме было очень тепло.

Сидя и работая за письменным столом, я обычно открывал форточку. За окном до самой форточки пурга намела огромный сугроб снега.

К открытой форточке часто подходил Рыжик. Заглядывая в комнату, он с любопытством наблюдал за каждым моим движением. Если я писал и перо скрипело, он строго поводит ушами, косо поглядывал на перо и начинал урчать. Ему, видимо, не нравится это существо: оно бегаёт по бумаге, издает какие-то визгливые звуки и оставляет бесконечный след!

Но в то же время Рыжик, единственная из наших собак, уважает письменность. Я это замечал не раз. Если на улицу выметают бумажку, собаки начинают дико за ней гоняться и рвать в клочья, а Рыжик осторожно подхватывает ее, держа в пасти, приносит к окну и лежит, ожидая, пока откроют форточку. За каждую принесенную бумажку он получает премию — булку или косточку.

В хорошую погоду мы объезжали Харди. Щенок сразу же понял премудрость ходьбы в упряжи. Скоро он станет прекрасной ездовой собакой.

Итак, февраль кончился. Во всем и, если хотите, даже в повадках Рыжика чувствуется приближение весны.

8 марта. У всех радостное, прекрасное настроение: Дженни так хорошо переносит трудности работы в Арктике, что мы решили этот день особенно дружно отпраздновать. Коллектив премировал Дженни шкуркой маленького медведя.

Шестого начались традиционные приготовления, домик был наполнен шутками и смехом.

Сегодня Дженни послала радиограмму в „Комсомольскую Правду“, командованию Главсевморпути и на остров Диксона:

„В день 8 марта шлю горячий привет всем женщинам-полярницам, участницам ударной социалистической стройки.

Зимуя в хорошем, дружном комсомольском коллективе, я научилась проводить метеонаблюдения, много читаю, хожу на лыжах, помогаю в работе товарищам.

Я счастлива, что имею возможность изучать и осваивать ледяные просторы Арктики, вкладывать свой труд в великое дело освоения Северного морского пути. Я обещаю, что мой путь и впредь будет лежать только на Север“.

Вот это обрадовало меня! Дженни крепко полюбила Арктику.

Я никогда не забуду, как были удивлены наши общие знакомые, когда узнали, что Дженни собирается в Арктику. Им не верилось, что она выдержит все тяготы жизни за полярным кругом. Многие ее заранее хоронили, многие с любопытством спрашивали:

— Как вы решаетесь на это? Ведь это же не на дачу ехать.

Дженни с улыбкой отвечала:

— Да, я знаю. Но я уверена в своих силах. Я привыкну и заживу там не хуже, чем здесь.

Арктика сурова, но очень гостеприимна к людям, которые привыкли к ее своеобразным условиям, искренно полюбили работу в ее ледяных просторах, воспитали в себе выдержку, находчивость, выносливость, смелость.

... Дженни осталась очень довольна праздником. Она вся сияла от сознания, что именно для нее все это сделано, организовано, приготовлено.

В этот день она ни за кем не ухаживала, к ее услугам были четыре молодца, они наперебой старались подать то одно блюдо, то другое, услужливо наливали бокал вина, зажигали спичку, когда Дженни закуривала.

Учимся хорошо стрелять

В продолжение последних трех дней Миша Румянцев куда-то исчезал с таинственным видом и, отходя от станции, долго оглядывался: не подсматривает ли кто за ним.

В эти дни он особенно тщательно проверял и чистил винтовку.

Отлучался он с моего разрешения. В Арктике на мало освоенных землях полярника часто подстерегают неприятные неожиданности. Зная это, я запретил товарищам уходить без моего разрешения дальше чем за три километра от станции. Трехкилометровая зона считается пограничной. Чтобы уйти за пограничную черту, нужно доложить начальнику, зачем идешь, куда, на какое время, и получить указания—во что одеться и сколько взять патронов.

Правда, Миша не говорил, куда он ходит, но мы успели убедиться, что он неплохо ознакомился с местностью. Погода стояла прекрасная, и я разрешал ему переходить границу, не задавая излишних на этот раз вопросов. Но как-то я все же спросил:

— Мишенька, куда ты ходишь? Что за таинственность и чем ты так озабочен?

Миша вздохнул, скрыл глаза и сконфуженно пробормотал:

— Да нет, ничего, я, знаете, так просто гуляю. О колхозе думаю и стараюсь следы примечать.

— Какие следы, Миша?

— Да нет, пока следов еще не видно.

Я угадывал, что это не так, и начал понимать, что у Румянцева завелась какая-то своя маленькая тайна.

Наконец, мы узнали, в чем дело: Румянцев напал на след оленя и стал по этому следу ходить.

След то пропадал, то опять появлялся и местами был совершенно свежим.

Олень бродил неподалеку от станции: километрах в двадцати—тридцати. Наш страстный охотник терпеливо выслеживал его, но охота, можно сказать, не увенчалась успехом.

Когда Миша был уже на горячем следу, след пересекли отпечатки волчьих лап.

Миша забеспокоился, но не о том, что его могут потревожить волки, а о том, что они сожрут оленя. Так оно и случилось.

Сегодня вечером, когда мы увидели приближавшегося к зимовке Румянцева, он что-то тащил.

Мы побежали его встречать. Котов посмотрел в бинокль и удивленно воскликнул:

— Он тащит лошадиное копыто!

Дженни расхохоталась.

— Откуда здесь лошадиное копыто? Что ты?

Вскоре Румянцев подошел и начал ругаться:

— Вот проклятые мародеры, бандиты, живорезы! Ни за что слопали оленьку. Еле-еле отбил от них ногу. Стрелял в проклятых. Какое там, друг друга рвут! Я на скале был, а то и мне бы досталось. Однако отпугнул, и вот притащил ножку: все, что осталось от животины!

Мы срезали те места, что погрызли волки, вымыли мясо, зажарили и с удовольствием отведали оленьих котлет. Это было вкусно, и все поблагодарили Мишу за угощение. Миша торжествовал. Доволен был и я: наконец-то разрешилась эта непонятная тайна, а главное—есть надежда, что скоро мы начнем охотиться на оленей.

... Последнее время мы уделили много внимания учебной стрельбе. Эти занятия я начал проводить с двадцать первого февраля. Сперва мы тренировались по стрельбе на сто, а затем на двести метров.

У нас нет малокалиберных ружей, и мы стреляем из боевых винтовок боевыми патронами.

Эта тренировка многих уже научила хорошо стрелять. Даже наша хозяйка овладевает винтовкой. А еще недавно боялась взять ее в руки.

Когда мы начали тренировку, Дженни сказала:

— Я хочу научиться стрелять, но страшновато. Посоветуй, с какой винтовки начать. Грохочут они все очень здорово.

Мы посоветовались и решили начать ее обучение с тяжелой боевой винтовки „маузер“, которыми была когда-то вооружена германская армия.

— „Маузер“, — сказал я, — имеет сильную отдачу и дает очень громкий выстрел; привыкнув к „маузеру“, наша хозяйка не побоится ни одной винтовки.

Водопад на реке
Ленивой

Во время первых занятий Дженни стреляла мимо мишени, но понемногу дело пошло все лучше и лучше: как и следовало ожидать, Дженни стала справляться с винтовкой и так полюбила ее, что теперь не дает долго залежаться пустой бутылке.

Подобрав бутылку из мусорного ящика, она уносит ее на море, ставит где-нибудь на льдину, и обычно бутылка разлетается после первого или второго выстрела.

Все мы ревниво следим за чистотой около домика и стрелять ходим на морской лед.

Маркони как-то отметил, что в бухте, где мы стреляем, грунт будет состоять из песка и осколков расстрелянных бутылок.

10 марта. В 20 часов 30 минут по московскому времени мы слушали трансляцию с Северного вокзала в Москве. Передавали проводы комсомольцев-моряков — команды ледокола „Красин“. Комсомольцы выехали во Владивосток, где стоит героический ледокол.

Слушая передачу, мы узнали, что „Красин“ назван комсомольским кораблем. Это радостное известие.

Комсомол смело шагает в Арктике к новым победам. Я уверен, что комсомольский корабль и наша комсомольская зимовка сумеют оправдать свое высокое назначение.

Весенняя пурга

15 марта. Я решил с Румянцевым и Котовым отправиться на полуостров Полярника для исследования района.

Мы запрягли собак, оделись потеплее, вскинули на плечи винтовки и пошли.

Собаки прекрасно тащили груженные нарты. Путешественники по очереди вели упряжку: один сидел в нартах, двое шли на лыжах.

В этот день мы пробыли в пути восемнадцать часов, прошли сорок километров, обследовали полуостров Полярника и предгорья.

Следов зверей все еще не видно. Только у одного мыса мы нашли двойной песцовый след: начинается песцовая весна — звериные свадьбы.

К вечеру барометр стал сильно падать, чувствовалось приближение большой весенней пурги. Оставшиеся дома товарищи поджидали нас с тревогой и нетерпением.

Когда наша небольшая группка возвращалась на станцию, солнце ушло: все еще короткий день сменила темная ночь, и мы справлялись о направлении по компасу.

Внезапно далеко-далеко вспыхнули огоньки. Они расположились гирляндами; казалось, будто вдали — небольшой городок.

— Вот и зимовка! — облегченно вздохнул Миша.

Наша метеостанция освещена электричеством. От дома к метеобудке протянута гирлянда лампочек. Их зажигают, чтобы облегчить работу метеорологов.

Мы поняли, что, ожидая нас, товарищи запустили мотор и включили свет.

Приближаясь к станции, встретили Дженни. Как нам потом рассказывали, она очень тревожилась, часто выходила из дому, поднималась на скалу и прислушивалась: не идут ли товарищи?

Наконец ей послышались лай и голоса, затем все смолкло, затем ветер снова донес какие-то далекие звуки, и снова — тишина.

Дженни решила, что мы заблудились: то приближаемся к станции, то удаляемся от нее.

— Что делать? Как помочь?

Но и часа не прошло, как возвратились стерлеговцы.

— Приключений не было. Все благополучно. Прибыли в ваше распоряжение. Накормите нас повкуснее, — шутливо отрапортовал Румянцев. Маркони спросил:

— Что вам дал осмотр острова?

Я коротко ответил:

— Замечательно то, что в местах, где скалы обнажены, заметны следы оруденения пород. Есть кварцевые жилы, пирит, слюда. Полагаю, что район интересен в геологическом отношении. Пойдемте ужинать!

17 марта началась свирепая весенняя пурга.

Весной пурга продолжительна. Не один день пройдет, пока мы снова увидим солнце.

Остров Диксона, остров Уединения, мыс Челюскина — все передают: — Жестокий шторм! Жестокий шторм!

Сегодня я и Маркони с большим трудом производили метеорологические наблюдения.

Домик занесен до крыши. Пришлось откопать дверь, сделать лазейку, вскарабкаться на сугроб и ползком добираться до метеобудки.

Ветер валит с ног. В бушующей снежной мгле ни зги не видать. В такую погоду легко потерять дорогу, хотя от будки до станции всего сто саженей.

Зимовка настрожена. Выходя, мы обвязывали друг друга веревкой и закрепляли ее конец у дверей домика.

Обычно метеонаблюдения производят за две-три минуты, а в такую погоду скоро не управисься. Десять — пятнадцать минут приходится стоять у будки, не меньше пятнадцати минут добираться к ней и так же медленно возвращаться домой. И так пять раз в сутки. Это трудно, утомительно, но зато какое хорошее чувство морального удовлетворения испытываешь, когда, несмотря на пургу и стужу, наблюдения сделаны и телеграммы в положенный срок отправлены на материк.

19 марта. В ночь шторм оборвал антенну. С таким повреждением радиостанция не может работать, а передавать метеосводки необходимо.

За утренним чаем Маркони сообщил мне о случившемся.

— Вы можете устранить аварию? — спросил я.

— Да, конечно.

— Одевайтесь. Я помогу вам. Вдвоем справимся?

— Вполне.

Мы оделись и с помощью всей зимовки, как кроты, стали выкапываться из занесенного домика.

Вот наконец мы под открытым небом: душит холодный ветер, спит колючий снег.

Чтобы не потерять друг друга, мы обвязались веревкой и поползли к мачте.

В Арктике и за углом дома можно встретить медведя.

— Мы, кажется, не захватили оружие! — промелькнула мысль.

Я нащупал кобуру, убедился в том, что револьвер со мной, и облегченно перевел дух.

После десяти—пятнадцати минут упорной борьбы с расшвырянутой пургой мы добрались до мачты и, ползая впотьмах по снегу, принялись искать оборванную антенну.

Снег падал все чаще и чаще: антенну долго не удавалось найти, но мы довели начатое дело до конца.

— Вот она! — крикнул Маркони.

Последнее усилие, несколько минут мучительной боли в окоченевших руках, — и антенна поднята.

Домой мы вернулись за пять минут до срока передачи. Обогрив руки, радист включил аппарат, и метеосводки пошли по эфиру на материк.

... Пурга сильно затянулась и всем порядком надоела. Настроение молодежи неустойчиво, как ртуть в барометре: то смеются, поют и готовы все злые силы Арктики вызвать на состязание, то смолкнут, притихнут, разбредутся по комнатам, забьются в уголки и прислушиваются к вою пурги.

В такие минуты зимовка кажется кораблем, штормующим в бурном море.

В первый день пурги, чтобы как-нибудь заполнить время и отвлечь товарищей от грустных мыслей, я попросил Маркони во что бы то ни стало пустить радиотелефон. Маркони с удвоенной энергией занялся этой работой. И вот, наконец, мы можем разговаривать по телефону.

Сегодня я провел веселую переключку с коллективом острова Уединения. Начальник острова и врач проиграли нам несколько веселых фокстрогов, а мы им спели „Джима“ — морскую песенку. Затем доктор играл на рояле попури из веселых мотивов. Музыкально-вокальный вечер закончился теплыми пожеланиями, бодрым смехом и шутками.

Надо сказать, что именно в марте и апреле наступают последние тяжелые дни: время пурги, морозов и юго-восточных ветров.

26 марта наконец стихла пурга. Утром, когда мы проснулись, ярко светило солнышко. Сразу переменялось настроение. Захотелось пройтись на лыжах, проехаться на собаках, с гиканьем, с визгом.

На охоте

Как-то за обедом я предложил начать охоту.

— Медведи вышли из берлог. Мясо на исходе. Надо о нем позаботиться.

Наз всего пять человек. К сожалению, в охоте не могут принять участие даже трое: Маркони нельзя отлучаться от станции, Николай должен следить за работой моторов и заряжать аккумуляторы, Дженни, как новичку и женщине, трудно выдержать длинный путь по льдам.

Я решил идти с Румянцевым, и так как на нас лежала немалая часть работы, попросил каждого из остающихся взять себе дополнительную нагрузку. Маркони обещал нести метеовахту, а Котов и Дженни — выполнять обязанности служителя. Восьмого апреля, захватив палатку, винтовки, продовольствие и корм для собак, мы ушли с одной упряжкой на восток.

В пути часто попадались нерпичьи отдушины. Эти отдушины можно видеть обычно в молодом или годовалом гладком льду. Я не раз замечал, что нерпа пользуется пятью-шестью отдушинами, старательно оберегает их и не дает им замерзнуть. Чтобы зимой убить нерпу, нужно внимательно осмотреть гладкие ледяные поля и, найдя отдушины, опу-

стить в каждую, за исключением одной, по копыю. Уколовшись, нерпа в испуге уходит из одной лунки в другую. — и так до последней, где нет копыя, но где вы стережете с гарпуном или винтовкой. Вот нерпа высунула нос и дышит. Резким взмахом гарпуна вы смертельно раните ее, и вам остается, расширив лунку, достать свежее мясо, очень ценное в условиях Арктики.

Часа через три, кроме лунок, стали попадаться медвежьи следы, в них мы читали грузную поступь матухи и легкие, семенящие шаги медвежат.

Собаки с лаем и визгом рванулись по следу.

След был холодный: медведи уже давно ушли, я знал, что их не догнать, но собаки этого не понимали, стремительно неслись вперед, и мы с трудом управляли ими.

После утомительного перехода, наконец, в тридцати пяти километрах от Стерлегова выбрали место для лагеря.

Мы установили палатку, разостлали спальные мешки, вскипятили на примусе чай, подкрепились, выпили по ложке спирта и накормили собак.

Отдохнув, решили, не теряя времени, с легкими нартами отправиться на видневшиеся вдали острова.

Миша поставил собак в упряжку, и они снова стремительно понеслись: видимо, ветер доносил запах медведей, где-то бродивших во льдах.

Далеко-далеко на небе показалась темная полоска. Это было отражение воды.

— Полярники! — весело крикнул Румянцев.

В полярниках всегда водятся нерпы, а там, где есть нерпы, есть и медведи: истощенные долгой голодовкой, родами и кормежкой своих питомцев, матухи, выбравшись на берег, бродят около полярников, охотятся. Туда-то мы и решили отправиться.

Настроение заметно поднялось. Сидя в нартах, мы весело посвистывали и шутили. Собаки бодро бежали, часа через два добрались до острова и стали подниматься по его крутому берегу.

С острова был хорошо виден горизонт. Солнце закатывалось. Далеко-далеко за грядой торосов ярко горела заря, бросая золотисто-красный отблеск на льдины, снега и вершины гор.

В воздухе тихо. Простор, бесконечный простор, величавая ледяная пустыня, освещенная зарей. Ни один художник не передал правдиво ее красок.

Стоя около нартов, мы любовались закатом; собаки притихли. Вдруг я случайно заметил, что у жоака упряжки — Бандита — взъерошилась шерсть.

— Собаки почуяли зверя, — хотел я сказать Румянцеву, но не успел: Бандит взвизгнул и рванулся вперед. За ним помчалась упряжка.

— Что делать?

Я свалился в нарты, и они понеслись к обрыву.

Румянцев не растерялся. Он побежал за нартами, настиг их, ухватился за перекладину, но поскользнулся и упал.

Глубина обрыва — метров сорок. Понимая, в какой опасности я и вся упряжка, Миша не выпускал нарты из рук, и собаки волочили его по снегу.

Так мы долетели до самого края скалы, Бандит уже повис над обрывом, но, к счастью, под полозья подвернулся большой оголившийся камень, и нам удалось затормозить. Подняли Бандита.

Собаки снова притихли. Мы привязали их к астрономическому знаку. Я дал Мише бинокль, попросил осмотреть окрестности и пошел подобрать револьвер, что обронил во время нашей бешеной езды.

Когда я вернулся, Миша развел руками:

— Ничего не видно. Но что могло так взволновать собак? Где-то близко зверь, иначе и быть не может.

— Да, — согласился я и, осматривая горизонт невооруженным глазом, заметил, что в торосах что-то шевелится. Вскоре убедился в том, что внизу матуха и медвежонок.

Вот тебе и медведи!

Румянцев навел бинокль, но снова ничего не увидел.

— Что с тобой? Покажи-ка бинокль.

Взглянув на бинокль, я расхохотался: стекло было залеплено снегом.

— Как же ты смотрел?

— Да чорт его знает!

Очевидно, Румянцев все еще был под впечатлением от необычайного способа передвижения за бешено мчавшимися нартами и от перспективы полета с сорокаметровой скалы.

Собаки снова начали нервничать. Мы отвязали их; Миша схватил вожака за ошейник, я сел в нарты, взял в руки тормоз, и мы стали спускаться по крутому склону, с трудом сдерживая упряжку.

Когда нарты остановились, мы распрягли Майну. Она втянула воздух и понеслась.

— Скорей, — крикнул я, — спускай Бандита и Лизку!

Миша спустил их. Подле нарт остались дико завывающие Харди, Нордик и Рыжий.

Собаки оцепили медведицу и начали хватать ее за шерсть. Теперь Харди, Нордика и Рыжего невозможно было удержать. Мы сели в нарты, и три собаки потащили нас во весь дух.

Зная по опыту, что с нераспряженными собаками близко подходить к медведю опасно, я остановил нарты и спустил собак.

Что поднялось — трудно себе представить. Шерсть летела клочьями. Медведица редела от бешенства и злобы, медвежонок — от страха.

Собаки обезумели, и я боялся, как бы одна из них не попала в лапы разъяренного зверя.

Мы подошли с заряженными винтовками, но не решались стрелять: мы могли убить или ранить наших собак.

Но вот медведица встала на дыбы, готовясь ринуться на Харди, я выстрелил и уложил ее.

— Это твой, стреляй, — сказал я Румянцеву.

Он прицелился.

— Стреляй в лопатку. В голову ранишь — уйдет.

— Что вы, я и в головку уложу.

Не успел я возразить, как раздался выстрел. Пуля разорвала медвежонку ухо, и он с диким ревом бросился на собак, растолкал их, стремглав пробежал мимо нас и скрылся в торосах.

На один миг оцепенели люди и собаки. Только Бандит, повизгивая, катался по снегу: видно, затрещина медвежонка пришлась ему не по вкусу.

Но вот собаки бросились по следу. С воем и визгом гнался клубок собак, а вслед за клубком, злобно рыча и припадая на одну лапу, ковылял Бандит.

Медвежонок то появлялся за торосами, то исчезал, он был уже очень далеко: вскоре мы потеряли его и собак из виду.

Мы остались одни на льду около убитой медведицы. Я молчал, молчал и Румянцев.

Наше положение было не из приятных. Мы далеко забрались, дул северный ветер, каждую минуту могла подняться пурга.

Прошло полчаса. Собаки все еще не вернулись. Разделав медведя, мы накрыли мясо шкурой, стоймя поставили около него нарты, чтобы их не занесло, если начнется пурга, и привязали к ним красный флаг: медведь не любит красное и далеко обходит его.

Когда мы разделали медведя, я предложил пойти в лагерь.

— Пойдемте, — согласился Миша.

Отдохнув минут пять, мы тронулись в путь.

Миша шел растерянный, смущенный и, наконец, не выдержал:

— И зачем я в голову стрелял! Теперь придется рисковать своей шкурой из-за пустяка, из-за неверного выстрела.

— Вдали от жилья неверный выстрел не пустяк, — ответил я.

Мы шли несколько часов. Силы постепенно оставляли нас, и мы часто садились отдыхать.

Ветер усиливался. Наступила тьма, вернее сумерки: близился полярный день.

Проходя мимо большой груды торосов, Румянцев сказал шопотом, толкнув меня в бок:

— Глянь-ка, а ведь это медведица!

— Где медведица, что ты?

Взглянув в направлении, куда указывал Румянцев, я невольно вздрогнул: шагах в двадцати под торосом лежала огромная медведица с двумя медвежатами.

Медведица фыркнула и притаилась, видимо, полагая, что ее не заметили.

Мы предпочли бы ее не заметить, не встречаться с ней и решили обойти стороной.

Во время зимовки в 1925 году на мысе Маре-сале при взрыве винтовки моему товарищу выбило глаз: взрыв произошел из-за непростительной халатности — ствол забило снегом, а мы не обратили на это внимания.

С того времени я никогда не забываю перед выстрелом проверить, чистый ли ствол у моей винтовки.

На этот раз в стволах наших винтовок замерз снег. Револьвер тоже был полон снега. Это объяснялось не столько небрежным отношением к оружию, сколько усталостью. Но так или иначе, мы не могли стрелять, а если бы это и было возможно, стрелять не следовало: мы едва держались на ногах, руки дрожали, я сомневался в том, что наши выстрелы окажутся достаточно меткими, и боялся, что мы только раним медведицу.

Благоразумие подсказывало, что лучше разойтись по возможности мирно. Это был первый случай в моей жизни, когда я ушел от зверя.

Медведица нас не преследовала. Очевидно, она была довольна тем, что мы ее не потревожили.

С большим трудом, поддерживая друг друга, лишь на другой день мы добрались к палатке; вычистили винтовки, вскипятили чай, подкрепились консервами и легли спать.

... Проспали мы десять часов, силы вернулись. Ударил мороз, и хотя стало очень холодно, мы чувствовали себя не плохо.

Собаки все еще не вернулись. Где они? Что с ними?

Позавтракав, мы условились, что Румянцев пойдет на северо-восток, а я на юго-запад, по направлению к Стерлегову. Крепко обнялись и расстались.

На другой день я пришел в Стерлегов. Собак не было.

Мой рассказ встревожил товарищей. Я решил немедленно отправиться навстречу Румянцеву и в поиски за собаками, но по пути к дому, поскользнувшись на льду, упал и ушиб колено: оно распухло и болело. Котов уговорил меня остаться дома и сам пошел разыскивать Румянцева.

На полпути между Стерлеговым и лагерем Котов и Румянцев встретились.

Велика была радость, когда вся зимовка узнала, что Румянцев цел и невредим, что собаки найдены и даже привезли мясо.

Когда мясо убрали в бочки, все мы собрались в кают-компании, и Румянцев рассказал о том, как он нашел собак.

— Как мы попрощались около палатки, — рассказывал Румянцев, — скучно мне стало. Далеко ведь от дома, да и место незнакомое. По звездам я ходить умею, по солнышку, а вот компас плохо понимаю, хотя и сказал начальнику, что разбираюсь.

„Иду я и думаю: только бы не случились туман или пурга.

„Вдруг из-под моих ног швырк что-то белое! Удивился: что такое? Смотрю — песец: отбежал шагов на пятнадцать и сидит. Взял я винтовку, трах в него, но, видно, осерчал здорово, не попал. Песец залаял и убежал. И только он скрылся, слышу — далеко-далеко воеет кто-то. Думаю — или волк или собака. Подхожу ближе: что за чорт — волк навстречу! Серый, и во рту что-то тащит. Скинул я винтовку, притаился за камушком, приготовился стрелять, а волк бежит, огромное что-то тащит, больше своей головы. Нет-нет приостановится, погрызет и опять бежит. Вот уже совсем близко, близко.

„Попригляделся я: да ведь это Харди! Вот так трусишка! Бежит, хвост поджал, шерсть взъерошена. Остановится, кусок мяса положит на снег, уши наострит, твякнет несколько раз, повоет, повоет, опять мясо возьмет и дальше.

„Обрадовался я. Когда он поровнялся, я и кричу:

„ — Здорово, Харди! — Харди даже присел от страха. Мясо кинул, как шархнется в сторону, как завизжит! Потом уставился на меня своими глупыми глазами. Воеет от радости, на брюхе ползет, а подойти не решается, точно гадает: я или не я?

„А уж мне-то радость — и сказать трудно. Как ни как, а все живая душа рядом. Вы, конечно, не подумайте, что я трусил, совсем нет, а только от тишины большой мне не по себе, все кажется, что из-за льдины какая-нибудь зверюга выскочит...

„Ну, взял я Харди на матузок, а веревочка у меня была в запасе, и хотел было итти уж с ним дальше. Только нет, упрямится Харди. Что за ляд? Он со мной всегда охотно ходит. — Чего ты, — говорю, — дурень, не идешь?

„Лает Харди и упирается, рычит даже, шерсть взъерошил. Ну, что ты скажешь, ума не приложу! Почему собака не идет? Однако решил посмотреть, что его назад так тянет. Вернулись. Смотрю, братцы, — мясо хардино забыли! Взял он мясо, и мы пошли. Оказывается, он с кормом путешествует. И так сыт, как бочка: отъелся, а тут и про запас тащит. Взял я мясо, обвязал веревочкой и привязал к поясу. Сначала Харди недоверчиво смотрел на меня, боялся, что я сожру его мясо. Потом успокоился, и даже шерсть улеглась.

„Ну, прошли мы еще километра три. Смотрю, Харди остановился и глядит в даль. Посмотрел и я в том направлении и вижу — катятся два клубочка. Эх, думаю, еще два приятеля. Нетрудно было догадаться, что это Нордик и Рыжик, два неразлучных дружка.

„У самого острова нашел Майну и Бандита и по куску мяса около каждого. Забрал и этих собак, пошли все со мной. Еще несколько километров прошли. Подошли к месту, где медведь убитый, смотрю, медведь не тронут, а на шкуре Лизка спит. Когда мы подошли, она со сна, дуреха, не разобралась, да как кинется с перепугу от нас бежать. Я, конечно, кричу: „Лиза! Лиза!“ Куда там, и след ее простыл. Ну, тут, видно, не стерпели Рыжик и Нордик, кинулись ей вдогонку, догнали, постояли, понюхались, пошептались о чем-то, на нас с Харди посмотрели. Смотрю, Лизка впереди всех бежит ко мне, хвостом виляет. Видно, сказали ей Нордик и Рыжий: — свой, чего бежишь, дура!

„Тут же я запряг их всех в нарты, уложил мясо и потихоньку, напевая песню, пошел домой. Да вот, на полпути Коля встретил, спасибо.

„Ах, да, самое важное и забыл рассказать. Медвежонка-то собаки догнали и разорвали. А тот кусок, что Харди тащил, — это голова медвежонка“.

Мы все невольно посмотрели с уважением на присутствовавшего при этом разговоре Харди. А Харди, точно понимая, что он герой дня, не преминул сунуть свою волчью морду в ведро с отбросами, за что Дженни немедленно выгнала его на улицу.

Через два дня после того, как Миша вернулся, он решил еще раз отправиться на охоту. Я согласился и в помощь ему отпустил механика: Котов горел нетерпением проявить свои охотничьи способности.

Три дня пробыли они на большом льду и убили еще одного медведя. Теперь и мы и собаки до самой весны обеспечены мясом.

Первое мая

В конце апреля мы увидели первого вестника весны — серую птичку с веселым голоском. К нам прилетел зяблик, или, как еще их называют, каменка.

Конец зиме. Еще стоят морозы до 33°, но весна приближается, с цветами и солнцем.

Мы всей зимовкой приветствовали маленького вестника. Дженни вынесла ему горсточку пшена. Доверчивая птичка подлетела и стала клевать.

28 апреля снова поднялась сильная пурга. Мороз 35°. Вечером мы сидели в радиорубке и слушали последние известия по радио. В этот день диктор оповестил о том, что начался курортный сезон, цветут розы.

30 апреля. Приближается Первое мая. Мы оживленно готовимся к празднику.

Ярко светит солнце, затихла пурга.

Кают-компания украшена флагами. Перед портретом Сталина горит красная звезда — символ братства народов — Интернационала.

Утром Маркони занимался приготовлением мороженого, Миша лепил пельмени, Дженни пекла пирожные, я топил плиту и ходил в кладовую то за фруктами, то за мясом, то за молоком, то за шоколадом.

— Дайте, пожалуйста, масла, скорее шоколада, фруктов, сахара, соли. Соли, немедленно соли!

Я едва успевал выполнять ответственные поручения хозяйки. Молодежь волнуется, спешит, терзается муками кулинарного искусства.

Всем хочется, чтобы мы отпраздновали Первое мая так же хорошо и весело, как его празднуют на материке.

Но нет-нет и кто-нибудь украдкой вздохнет, взглянув на замерзшее окно. Чувствуется, что в эту минуту он думает о том, что Первого мая там, на солнечной земле, загремят оркестры, по улицам пройдут нарядные колонны, вечером Неву осветят огни фейерверка.

А здесь?.. Здесь мы на боевом посту.

Первого мая мы подняли флаг. Слушали радиопередачу с Красной площади, концерт, танцевали.

Стоит ли говорить, что все мы надели форму, белые воротники и галстуки.

Все шло хорошо. Вот только поднявшаяся днем пурга помешала провести стрелковое состязание.

В полдень мы устроили небольшое торжественное собрание, затем завели патефон, и начался парадный обед.

! Меню первомайского обеда не оставляет желать лучшего: бульон с мясными пирожками, оленьи котлеты с зеленым горошком, медвежий беф-строганов с картофелем, фрукты консервированные, мороженое, крем, кофе, пирожное, вино виноградное. Желающим — пиво, коньяк, водка. Пожелавшие и того, и другого, и третьего тоже нашлись.

Вечером мы получили много радиogramм с поздравлениями. Среди них были радиogramма от моего друга — эскимоса Нюко, с острова Белого, с острова Уединения и еще одна, особенно дорогая нам, от „Комсомольской Правды“:

«„Комсомольская Правда“ от имени своих читателей шлет комсомольский привет в день Первого мая борцам за Советскую Арктику.

Трудящиеся нашей великой родины вместе со своей славной Красной армией выходят сегодня на площадь демонстрировать свою преданность партии Ленина-Сталина.

Горячо поздравляем с днем Первого мая. Мы чувствуем близость родных, оторванных сограждан нашей великой родины, встречающих великий солнечный праздник в ледовых просторах.

Да здравствует Первое мая! Да здравствуют герои зимовки!

Редакция „Комсомольской Правды“»

Когда я зачитал эту телеграмму, долго не смолкали аплодисменты. Тут же было решено послать ответную телеграмму. В ней мы обещали быть до конца твердыми и выполнить все, нам порученное...

ЗИМОВКА ОТВАЖНЫХ

Вскоре после празднования двадцатой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в редакцию „Комсомольской Правды“ прибыла загадочная радиограмма. Одна из радиостанций Севера приняла в адрес редакции обрывок радиокорреспонденции о праздновании великой годовщины на далеком судне, зимующем в Арктике. В радиограмме говорилось об экипаже из одиннадцати человек.

На другой день прибыла еще одна радиограмма от того же отправителя, через день еще одна. Чувствовалось, что радиостанция, передающая эти радиограммы, работает с большими перебоями. На телеграфных бланках стояли лаконичные пометки: „Замедлено отсутствием связи“, „Замедлено местными причинами“. Только через несколько дней наконец прибыли последние донесения и удалось восстановить текст первого письма, переданного одиннадцатью храбрецами из далекой, суровой Арктики. Радиограмма гласила:

„Борт шхуны „Смольный“, 1—17 ноября. Здравствуйте, товарищи комсомольцы! Говорит радиостанция комсомольской шхуны „Смольный“. На борту шхуны—одиннадцать зимовщиков, из них восемь комсомольцев. Сегодня мы вместе с вами празднуем двадцатую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, и нам хочется передать вам весточку о себе, хотя мы не уверены в том, что она дойдет до вас во-время.

Двадцатую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции мы празднуем в необычайных для нас условиях — вдали от нашего порта, вдали от наших друзей, среди льдов моря Лаптевых.

Наша шхуна в конце сентября находилась в районе Тикси—Анабар—Тикси. Мы все время курсировали в море Лаптевых. За эту навигацию мы сделали 4 рейса, протяжением 2350 миль, перевезли 350 тонн грузов и 40 пассажиров, заготовили из плавника для порта 107 кубометров строительного леса. Ледовая обстановка в море Лаптевых в этом году была исключительно тяжелой, и вот, когда мы возвращались в бухту Тикси, наша шхуна была зажата льдами, и мы остались на зимовку.

Зимовки мы не ждали, поэтому нам предстоит преодолеть большие трудности. Уже сейчас на шхуне ощущается недостаток продовольствия и горючего. Но мы не унываем. Мы знаем, что наши товарищи из бухты Тикси не оставят нас в беде. Нам уже сообщили по радио, что из бухты вышла санная экспедиция на собаках, которой командует комсомолец Делазари. Эта экспедиция везет нам часть необходимого продовольствия и обмундирования. Правда, пока что эта экспедиция задерживается где-то у берегов снежной пургой, которая намела гигантские сугробы. Но мы твердо убеждены, что комсомольцы пробьются к нам на помощь.

Пока что мы строго экономим горючее. Вспомнив об опыте зимовки Папанина, машинная команда начала строить ветряной двигатель. Судя по уже полученным результатам, нам удастся с помощью этого ветряного двигателя зарядить аккумуляторы и обеспечить бесперебойную радиосвязь. Жилые помещения шхуны мы отепляем льдом и снегом.

6 ноября мы провели на судне торжественное заседание. С докладом выступил наш капитан Борисов. Участники экспедиции в своих выступлениях рассказывали о своих успехах, о том, как растут они.

Мы все с гордостью слушали речь комсомольца Федора Великанова — ровесника октября, колхозника из Горьковского края. Благодаря упорной работе он быстро выдвинулся и сейчас работает на шхуне вторым механиком. После торжественного заседания мы устроили праздничный ужин из наших припасов. День закончился самодеятельным концертом.

7 ноября мы хотели устроить демонстрацию. Но пурга была настолько свирепой, что мы не рискнули покинуть борт шхуны, и нам пришлось ограничиться митингом на судне и слушанием радиопередачи. К нашему огорчению, трансляцию парада с Красной площади принять не удалось. Но к вечеру слышимость улучшилась, и мы с большим восторгом прослушали концерт для полярников, переданный из Москвы. Большое спасибо работникам радио, которые позаботились о нас в этот день!

.. Сейчас, когда мы передаем эти строки, жизнь на судне вошла в свое нормальное русло. Мы полностью закончили подготовку судна к зимовке: разобрали главный двигатель для ремонта, перебрали вспомогательные механизмы, подготовили и начали выморозку кормовой подводной части судна для осмотра руля и винта.

Полярная зима сейчас в полном разгаре. Погода стоит относительно тихая, ясная, хотя изредка проносятся пурги, температура воздуха колеблется от минус 10 до минус 30 градусов. Снежный покров достиг значительной величины, снег не выдувается ветрами, так как его задерживают гигантские торосы. Солнце сегодня показалось над горизонтом всего лишь на половину диска. Скоро оно исчезнет совсем.

Однако мы не боимся полярной ночи. Мы готовы к ней. Сейчас, когда авральные работы по подготовке судна к зимовке заканчиваются и у нас остается больше свободного времени, мы широко развертываем общественную работу. Начали работать кружки политической и технической учебы, а также общеобразовательные. Выпускается художественно оформленная стенная газета. Мы испытываем большую нужду в учебных пособиях. Однако мы надеемся, что санная экспедиция комсомольца Делазари, которая пробивается к нам на помощь, доставит не только продукты, но и кое-какие книги.

В те часы, когда нам удастся поддерживать радиосвязь, мы с большим вниманием следим за сообщениями ТАСС и „Последними известиями по радио“, стараясь жить одной жизнью со всей родиной. Мы радостно переживаем волнующие дни избирательной кампании. Просим передать наши горячие приветы и поздравления лучшим представителям советского народа — кандидатам в депутаты Верховного Совета СССР“.

Эту корреспонденцию по поручению команды комсомольской шхуны „Смольный“ передал молодой радист Игорь Масалов.

С той поры очень часто стали прибывать радиограммы с далекой шхуны, зажатой льдами вблизи острова Еркёгёра у дельты реки Лены.

В конце ноября к „Смольному“ прибыли две экспедиции из Тикси, возглавлявшиеся штурманом-комсомольцем Делазари. На пятнадцати собачьих упряжках было привезено все необходимое для зимовки — мука, сахар, масло, консервы, сухие фрукты, шоколад, противодыняготные средства и меховое снаряжение. Особенно обрадовались зимовщики прибытию небольшой библиотечки и набора граммофонных пластинок.

Делазари и его товарищи прошли пятьсот километров по льду реки Лены. Сильные морозы и пурга не остановили смельчаков. Весь маршрут они одолели за десять дней.

Через день дорогие гости ушли обратно. С ними ушла в Тикси („на берег“, как сообщал Масалов) часть команды, так как запасы продовольствия были строго ограничены, а доставка его на „Смольный“ сопряжена с огромными трудностями.

На судне осталось семь человек — минимум, необходимый для сохранения шхуны и подготовки ее к навигации.

Радиограммы Игоря Масалова приходили не часто, но довольно регулярно. По ним легко было составить дневник жизни зимовки семейных отважных со всеми ее радостями, неудачами и тревожениями. Ни на одну минуту бодрость духа не покидала молодежь, зимовавшую на „Смольном“. Дневник, составленный по телеграммам И. В. Масалова, яркое свидетельство этому.

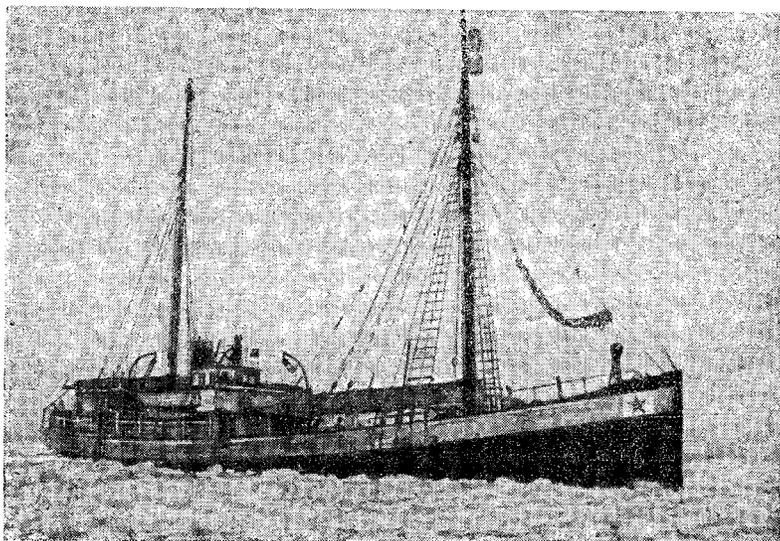
Вот этот дневник.

„1 января. Положение без перемен. Преобладают тихие и ясные дни. На звездном небе разгораются изумительной красоты полярные сияния. Изредка налетает с севера пурга. Температура воздуха колеблется от 25 до 40 градусов ниже нуля.

Вокруг, до горизонта, пока хватает глаз, лежат светлые всторощенные поля льда.

Район дельты Лены, вблизи которого зимует „Смольный“, состоит из множества небольших островов, разделенных узкими протоками. На берегу ближайшего островка находится наш склад плавника, подготовленного для перевозки. На случай пурги и для отдыха здесь поставлена палатка, утепленная снегом, в которой имеется камелек и запас продовольствия. Рядом построили навигационный знак, возвышающийся метров на пятнадцать над уровнем моря. Ось знака точно астрономически определили. Знак виден со шхуны. При поисках с берега нахождение нашей шхуны легко определить по этому знаку.

Еще засветло, заранее, мы организовали доставку дров с берега на шхуну. Запасли дров много, очевидно хватит до окончания полярной ночи. Но перевозка плавника продолжается и сейчас. Работа эта доста-

**Шхуна
«Смольный»
во льдах**

точно тяжелая. Транспорта у нас нет никакого. Общим авралом построили кожаные нарты, далекие от совершенства. Впрягаемся в них и тащим.

До берега километров двадцать. Четыре километра пролегают по совершенно гладкому льду, вследствие ветров, почти бесснежному молодому ледяному припаю. Затем восемь километров идут между торосами старого льда. Много раз расчищали дорогу. Но каждая пурга наносит между торосами сугробы снега, и от дороги не остается и следа. Здесь наши тяжело груженные сани движутся очень медленно. Часто приходится останавливаться, расчищать путь, откапывать завязшие нарты. Вся операция, туда порожняком, а обратно с дровами, занимает семь-восемь часов в один рейс. Каждый раз на шхуну доставляем четверть кубометра дров, которых при весьма экономном расходе вани хватает не надолго.

С наступлением полярной ночи продолжительность рабочего дня стала короче на два часа. Кроме подвозки дров и пресного льда занимаемся очисткой судна от снега, ремонтом машин. В свободное время учимся, играем во всякие настольные игры и слушаем радио.

Все здоровы. Настроение бодрое. С нетерпением ожидаем окончания полярной ночи и дня начала охоты. Весной, очевидно, сможем организовать промысел морского зверя.

Вчера вечером торжественно отпраздновали четырехлетие порта Тикси. Заодно отметили наступление нового 1938 года. Что сулит он нам?

6 января. Получили сообщение о том, что „Смольный“ включен в план предстоящей навигации. Весь коллектив взбудоражен. Решили во что бы то ни стало подготовить шхуну к навигации. Послали вызов в Тикси на соревнование. Обещаем своевременно и высококачественно провести ремонт, сохранить судно и подготовить его в срок к плаванию. Обязательство это нелегкое.

Еще зимой 1936 года силами мастерских порта Тикси на „Смольном“ сменили руль. К сожалению, тогда не удалось полностью устранить течь в корпусе. При засасывании ила течь уменьшалась почти до нуля, но после работы во льду, из-за ударов и сотрясения корпуса судна, поступление воды увеличивалось до тридцати тонн в сутки. В таком положении шхуна все же успешно работала в течение двух навигаций. В соревновании судов порта Тикси наш молодежно-комсомольский экипаж вышел на первое место. Сейчас, конечно, корпус шхуны требует докового осмотра и ремонта. Сделать это нельзя. Мы решили выморозить кормовую часть шхуны и, где нужно, своими силами заменить обшивку.

Средний ремонт тоже сделаем сами. Главный двигатель, вспомогательные механизмы у нас в полном порядке. Пересмотрим такелаж и паруса, окрасим жилые помещения и надстройки, очистим и приведем в порядок водяные цистерны, подготовим трюмы под грузы.

Выморозку кормовой части для осмотра руля, креплений и устранения всяких неисправностей в корпусе судна уже начали. Нам помогают морозы, они доходят до 40 градусов.

Много времени отнимает откачка воды. Двое механиков несут круглосуточную вахту.

Конец января. Весь январь стояла ветреная погода. Небольшие затишья длятся от нескольких часов до суток, не больше. Пурга в сочетании с крепкими 30—35-градусными морозами исключает возможность наружных работ. Однако работы на котловане выморозки судна продол-

жаются почти все время. Бесперывно очищаем его от снежных заносов. Снежный покров преграждает доступ холодного воздуха к стенам котлована и приостанавливает замерзание льда. Поэтому задерживается окончание наших работ. Пользуемся каждым затишьем для очистки снега. Глубина котлована уже достигла 250 сантиметров. Заморожен гребной винт. Пока никаких повреждений в кормовой части не обнаружили.

5 февраля. Вчера, после долгой, 88-суточной полярной ночи, первый раз взошло солнце. Большая радость! Теперь жизнь примет более нормальный характер. С установлением хорошей погоды снова начнем подвозку дров с берега. Наш запас подходит к концу. Сегодня разведчики пришли разочарованными. По всему пути до берега выросли заструги, намело глубокие снега.

Уже два месяца, как не работает наше судовое динамо. Но мы не горюем. Ветродвигатель, построенный механиками, работает отлично. Он дает освещение, вполне обеспечивает все нужды рации, успешно заменяя электростанцию.

К огорчению наших охотников, пока кругом нет никакого зверя.

20 февраля. Ожидаем прилета самолетов из Тикси. Строим аэродром. Нас мало, а торосы на окружающих льдах большие. Соорудить посадочную площадку необходимых размеров вблизи судна не удастся. Поэтому мы решили оборудовать аэродром на гладком береговом припае в трех милях от „Смольного“. Здесь выбрали чистое от снеговых заносов и заструг место с расчетом посадки самолетов во всех направлениях. Расставили вехи, флажки. Заранее подготовили дымовые костры, которые могут вспыхнуть в любой момент. Установили наблюдение за погодой. Все метеосводки регулярно передаем в Тикси.

25 февраля. Позавчера над нами показался самолет. Осмотрел с воздуха аэродром, но посадки не сделал. Мы решили сделать второй аэродром, 800 на 800 метров, по качеству лучше первого. Расположен он у самого берега, около палатки, которая стоит на нашей дровяной базе. В этой палатке можно разогреть воду и масло, если это потребуется.

Учитывая большое расстояние до нового аэродрома, пришлось поселить на нем несколько человек, которые регулярно ведут наблюдение за состоянием площадки. В любой момент эти люди могут подготовить посадочные сигналы. С берега до шхуны установлена флажная сигнализация.

1 марта. Скоро уже полгода, как мы зимуем во льдах моря Лаптевых. Положение судна и льда без перемен. В феврале держалась тихая погода с крепкими морозами. Средняя температура за месяц минус 42, максимальная минус 46.

В конце февраля отпраздновали замечательное событие — окончание выморозки кормовой части судна. Все работы, благодаря крепким, устойчивым морозам, закончены досрочно. В условиях открытого моря, при сильном влиянии приливо-отливных течений, при колебаниях ледового покрова, удачное выполнение выморозки является большим достижением. Наш котлован несколько раз частично заливало водой. Казалось, вся работа погибла. Но всякий раз воду удавалось во-время остановить.

Котлован имеет под килем судна глубину (с учетом толщины снежного покрова) 5 метров. Пришлось вынуть и отбросить свыше 50 кубометров льда и громадное количество снега. Итак, важная ледовая

работа закончена. Теперь мы можем освидетельствовать состояние рулевого устройства, подкрепить корпус судна. Течь уменьшилась. Поступление воды удалось довести до совершенно незначительной величины, практически не имеющей значения.

Окончание выморозки, прекращение регулярной откачки воды освободило много времени. Используем его на других работах. Много сил отнимает уход за аэродромами.

В течение февраля удалось сделать только одну экспедицию за дровами.

12 марта. На двух упряжках с продовольственным грузом прибыл к нам начальник Сагастырской фактории Горюнихин. Он обещал помочь в переброске необходимых грузов с аэродрома на шхуну.

13 марта. Сегодня на аэродром „Смольного“ опустились два самолета — „Н-160“ и „Н-163“. Пробыв 45 минут, самолеты снялись в Тикси. Выгружено 1200 килограммов продовольствия, всякие технические материалы. Кроме того с самолетами прибыли три человека для пополнения команды „Смольного“ и 4 человека, выехавшие еще осенью в Тикси. Начата переброска груза с аэродрома на шхуну.

15 марта. В 7 часов 40 минут по московскому времени снова прилетел самолет „Н-160“. Летчики выгрузили около 800 килограммов разных грузов и в 8 часов 10 минут вылетели обратным рейсом в Тикси. Теперь „Смольный“ обеспечен всем необходимым. Продолжаем переброску с берега на шхуну дров и грузов. Нам помогают собачьи упряжки Горюнихина, которые, к сожалению, скоро должны будут уйти, так как у нас нет корма для собак.

1 апреля. Потеплело. Теперь температура повышается иногда до минус 10—12 градусов.

Первые дни после отлета самолетов экипаж перебрасывал с аэродрома грузы. Весь коллектив разделился на две группы. Теперь ведь нас 14 человек! Первая группа работала на участке от берега до кромки торосов. Поселилась она в палатке. Вторая перевозила грузы от кромки торосов до судна. Соорудили две пары легких нарт с полозьями из лыж. Сейчас все продовольствие и снаряжение, весом около двух с половиной тонн, доставлено на шхуну и размещено в трюмах. Установлен строгий надзор за сохранностью и рациональным расходом продуктов, с расчетом полного обеспечения до прибытия в порт Тикси. Кроме продовольствия у нас теперь есть 250 килограммов керосина, кислота для зарядки аккумуляторов, много газет, книги, фотоматериалы.

Всячески экономим топливо, чтобы его хватило до выхода из льдов. Весь экипаж теперь не помещается на корме, пришлось заселить носовой кубрик. Это немного увеличило расход топлива. Предстоит тяжелая работа по доставке большого количества дров, пока снег не растает и дороги не испортятся. Продолжительность светлого времени позволяет доставлять дрова по два раза в день.

В течение месяца течь судна себя ничем не обнаруживает. Откачка воды полностью прекращена.

В свободное время много занимаемся, читаем. Радио все время нас связывает с Большой землей. С большим вниманием следим за жизнью родины и событиями за рубежом. Вместе со всей страной радовались

блестящему выполнению правительственного задания по снятию со льда станции „Северный полюс“. Коллектив просит передать мужественным сынам Страны Советов наш сердечный привет и пожелание дальнейшей плодотворной работы.

Последние два дня бушевал шторм, доходивший до 12 баллов.

22 апреля. Всего 2 градуса холода. Солнце начинает заметно пригревать. Ветродвигатель, славно послуживший нам в течение многих месяцев зимовки, пришлось снять. От подтаивания сильно разрушился его ледяной фундамент. После очистки и отброски снега от бортов „Смольный“ оказался в снежном котловане четырехметровой глубины. Трудно поверить, что весь этот огромный слой снега нанесен за одну зиму.

Зимовочный период кончается. Коллектив, заканчивая судоремонт, приводит судно в боевой порядок, в полную навигационную готовность.

29 апреля. Положение судна во льдах без перемен. В апреле преобладали ветреные дни с большой облачностью, сравнительно теплые. Температура в среднем минус 15 градусов.

С берега на судно перебросили заготовленные еще осенью 22 кубометра дров. Успешно производится очистка снега и другие работы. Матросы Жбонков, Лоскутов, моторист Пятков выполняют по две с половиной нормы. Все „смольничане“ перевыполнили свои индивидуальные обязательства.

К первомайским торжествам коллектив приходит с хорошими показателями в производстве и учебе. Праздник мы встречаем в чистых и светлых каютах.

Намечена обширная программа радиослушания. Пароход „Камчадал“, ледокол „Ленин“ устраивают специальные концертные передачи для зимующих караванов и полярных станций через свои мощные телефонные радиопередатчики. Наши товарищи также готовятся к самостоятельному концертному выступлению. Все хотят радостно и весело встретить международный пролетарский праздник.

Несколько дней назад мы узнали о том, что на Большой земле началась подготовка к выборам в Верховные Советы союзных и автономных республик. С огромным интересом следим за избирательной кампанией. Твердо уверены в победе Сталинского блока коммунистов и беспартийных на предстоящих выборах.

Жаль, что плохая, нелетняя погода мешает полетам группы Задкова из отряда т. Алексева. Эта группа базируется на остров Сагастыр. Она установила специально для нужд экспедиции рацию, с которой „Смольный“ держит непрерывную связь, обеспечивая группу Задкова сводками погоды.

5 мая. Вчера во время наиболее высокого приливного подъема воды прорвало и залило водой наш котлован. После трехмесячного перерыва возобновилась течь в корпусе. Правда, вода показалась еще в незначительных размерах. Большого огорчения она не принесла, так как нам удалось своевременно окончить все связанные с выморозкой работы по ремонту.

Вода вышла на лед, обтекла весь корпус, но судно еще остается примерзшим ко льду.

1 июня. Истекий месяц оказался довольно холодным. Средняя температура минус 20, хотя в начале месяца наступило некоторое потепление, которое дошло до 1 градуса тепла.

Это потепление продолжалось довольно долго. Началось быстрое таяние снега. Пошли дожди. На льду под снегом появилась вода. Кругом все ожило. Прилетели лебеди, гуси, чайки и другие птицы. Освободились от снега острова. На них бродят стада диких оленей, преследуемые волками. Нашим зимовщикам удалось добыть несколько оленей. Свежая оленина сразу улучшила рацион.

Но... прошло несколько дней, и снова вокруг „Смольного“ закружила пурга. Резко похолодало. И весны как не бывало.

Судовые работы продолжают. Судно уже приведено в полную готовность, приобрело нормальный рабочий вид.

Позавчера нас посетил последний раз Горюнихин, добравшийся к нам на двух нартах, несмотря на распутицу. Он доставил с Сагастыря некоторые необходимые нам технические материалы, сапоги, немного продуктов и последнюю почту. В тот же день вечером он уехал обратно, тепло провожаемый всем коллективом, которому он оказал громадную помощь.

На судне огромный подъем. Все настроены бодро и радостно. Ожидаем наступления теплого времени — приближения навигации, окончания вынужденной стоянки во льдах. Большую часть свободного времени, когда не мешает нам погода, проводим на воздухе, в прогулках, спортивных играх.

Всех нас взволновало известие о том, что по решению Центральной избирательной комиссии мы будем участвовать в предстоящих выборах в Верховный Совет РСФСР. Приятно и радостно еще раз ощутить заботу страны о своих гражданах. Самые исключительные условия — оторванность, отдаленность — не лишают нас почетного звания советских граждан и связанных с этим прав и обязанностей.

С избирательным округом уже установлена связь. Ожидаем дополнительных инструкций избиркома.

25 июня. Наконец-то установились солнечные дни, хотя все еще достаточно холодно. Производим наружные покрасочные работы. Со льда принят полный запас питьевой воды. Кругом на льду множество озерков, ручейков.

В свободное время охотимся на островах, путь к которым значительно облегчился. Снег со льда исчез. Нередко охотники возвращаются с сумками, полными битой птицы. Большим успехом пользуется новое лакомое блюдо — яйца.

Сегодня над „Смольным“ пролетел самолет „Н-236“ Черевичного, производящий первую ледовую разведку. Летчик сбросил нам приветствие и подарок — свежий номер газеты.

26 июня. Ландшафт вокруг судна резко изменился. Исчез снежный покров. Лед под действием солнца и дождей разрушается. Кругом множество озерков и ручейков воды. Ледоходы освободили близлежащие рукава Лены. Однако в ледовой обстановке на море изменений нет.

Судовые работы по подготовке шхуны к навигации закончены.

11 июля. Сегодня свежим ветром взломало лед. Судно оказалось в центре большого поля, достигающего в поперечнике 8 миль. Кругом разводья.

18 июля. Наконец, наступило теплое время. С трудом верится, что зимой у нас морозы доходили до 40 градусов. Сейчас на солнце тепло. Термометр показывает 15 градусов выше нуля.

Льют дожди. Лед тает буквально на глазах. На поверхности льда, окружающего шхуну, много промоин. Местами они соединяются между собой, образуют польньи, напоминающие своими причудливыми очертаниями знакомые всем по географическим картам озера.

Начался дрейф судна вместе с ледяным полем, в которое мы вмерзли. Дрейф идет в различных направлениях, изменяясь, как всегда, в зависимости от ветра и течения. Но размер дрейфа незначителен. Описываем всевозможные зигзаги и ломаные линии вокруг места нашей зимней стоянки.

Подвижка судна взбудоражила весь экипаж. Перспективы дрейфа, все события, связанные с ним, являются наиболее популярным предметом споров и разговоров на судне. Ожидаем свежих ветров. Они должны резко изменить ледовую обстановку в благоприятном для нас смысле.

28 июля. [Прошедшими штормами весь лед разбит на отдельные куски. Теперь шхуна стоит почти у края небольшого крепкого ледового поля, длиной всего до двухсот метров. По всем направлениям видны уходящие за горизонт большие пространства чистой воды. Временами под влиянием течений и ветров лед, дрейфующий вблизи берегов, уплотняется до 10 баллов. Потом снова наступает разрежение.

Поле, в котором пленен „Смольный“, еще довольно крепкое. Происходит сильное торошение. Обломки образуют горы высотой до 10 метров.

За последние дни экипаж пережил несколько напряженных и тревожных часов. Судно чуть было не вышло на песчаные отмели. Эти отмели выходят далеко в море.

Стараемся использовать разводья для выхода на чистую воду. Непрерывно производятся работы по освобождению судна всеми имеющимися у нас средствами. Целую неделю занимались распиловкой льда. Потом взрывали динамит, порох, работали главным двигателем, подтягивались на ледовых якорях. От припая очистили левый борт, корму и половину правого борта. Но носовая часть крепко застряла. Мы шутим: „Увяз нос“.

Сегодня получили из Тикси сообщение о выходе в плавание первым рейсом шхуны „Темп“. Она должна снабдить нас горючим и оказать необходимое содействие.

30 июля. Мы плывем. Сегодня, работая главным двигателем и подтягиваясь на якорях, наконец оторвали судно от ледяного поля. Лед, примерзший к бортам шхуны, удалось сбить во время маневрирования. Итак, конец десятимесячной неподвижности!

В 7 часов 30 минут по московскому времени начали продвижение на чистую воду, навстречу шхуне „Темп“. Лед 9 баллов, с большими разводьями, трудно проходимый. Медленно, но верно пробираемся вперед. Ввиду малочисленности команды пришлось на „Смольном“ установить двухсменную морскую вахту.

Скоро Тикси. Привет, товарищи, друзья на Большой земле“.

Через несколько дней мы получили еще одну телеграмму Игоря Масалова. Он лаконично сообщал, что 2 августа в 12 часов по московскому времени „Смольный“ прибыл в Тикси. Судно в полном порядке. Механизмы во время перехода работали безупречно. Все здоровы.

Так закончилась зимовка отважных во льдах моря Лаптевых.

НА КОНЦЕ ЗЕМЛИ

Рассказ из истории одной комсомольской ячейки

I

Могуча, богата река Обь. Начинаясь на склонах гор, она врывается в дикие лесные урманы сибирской тайги. А возле села Обдоры разбухает река от множества притоков и прорезает тундру десятками русел.

Только там, где сползает древний Уральский хребет в голубые воды Байдарака, снова сливаются реки и речушки в одно большое русло и отдают богатую дань ледяному Карскому морю.

А зимой мертвеет губа. Бураны заметают ее, равняют с берегами так, что трудно различить большую Обь от тундры. Только когда ветер начисто подметет берег, ощетинивается он мелким тундровым кустарником.

Где начинается губа, с берега на берег идет большая древняя дорога „самоедов“. Тянется она до самого Салегарда, пересекает Обь и идет на богатые ямальские кочевья. Не найдет на губе ездок приюта, олени не разыщут корма. Тщетно бьют звери копытами рыхлый снег, только лед, холодный и солоноватый, встретится под обильным снежным настом. Рвутся олени туда, где чернеет кустарник, где поросла тундра мягким сочным ягелем, и только здесь останавливают они свой бег.

Хищные, жадные до легкой добычи торговые люди стремились все дальше и дальше на север, наперебой перехватывали кочевников, сплавляли их и за бесценно забирали пушнину.

Так вырос на большой „самоедской“ дороге поселок Нори. Русские и зырянские купцы обзавелись собственными табунами оленей, прибрали „к рукам“ лучшие рыбные промыслы. Хозяйство вели работники, а хозяева ездили на Обдору и выше сбывать добычу.

Зимой с кочевий тянулись по большой дороге оленеводы. Их нарты с добычей промысла — шкурками песка. Вытаптывая снег, бежали сзади обозов табуны оленей.

Не успевали упряжки вскочить на пригорок, к Норям, как навстречу выбегали хозяева поселка, вели кочевников домой, гостеприимно усаживали в увешанных образами комнатах на широкие деревянные скамьи и обносили гостей чарками жаркого спирта, смешанного с махоркой.

Пили оленеводы. Горькая, терпкая жидкость обжигала горло, а когда уезжали от хозяев, нарты их облегчались на половину, а в стадах не хватало лучших хоров и важенков.

Самый большой дом в Норях у богатея Попова. В тундре он был известен под кличкой „Черный зырянин“. Около его ворот всегда стояли нарты, то и дело приказчики Попова открывали обширный сарай, укладывали в кованые железом сундуки пушистые шкурки.

Попова знали в окрестностях на тысячу километров. Беднота ненецкая и работники-зыряне втайне проклинали его, хитрого и алчного.

Богатели норинские хозяева. Росло недовольство в тундре. С каждым днем назревало оно, ширилось и, как река перед половодьем, грозило вот-вот взорваться, понести широкими просторами вешние воды. Нужен был свежий, могучий ветер, чтобы сокрушить, сломать до конца остатки старого мира.

Однажды, когда зима разыгралась первыми морозами, в тундру пришла весть о революции.

Тревожно запирали хозяева сундуки, не спали ночами, дрожащими руками пересчитывали шуршащие николаевки, складывали в мешочки звонкое серебро да золото. При свете коптилки, наедине с жадностью, прятали богатство подалее в укромные места.

На оленьих пастбищах при мерцающем свете костров пастухи вели оживленные разговоры. Нутром люди чувствовали приближение новой жизни. Чадили костры, затягивались беседы.

Хозяева притихли, стали ласковее, только глаза выдавали злобу. Дерзила молодежь, не снимала шапки перед богатеями, открыто разговаривала о новом.

Перестали платить долги олениводы.

Приезжали из тундры князья и шаманы, запирались от посторонних взглядов в обширной горнице Попова и далеко за полночь тайно вели разговоры.

..Однажды около строений Попова остановились взмыленные упряжки. Видать, шли они не малый путь; видать, спешили ездоки, так торопились, что некогда было остановиться, отдохнуть самим, пустить на ягель оленей.

Что привело в Нори далеких гостей?

Приехали зыряне — старик Чупров с двумя сыновьями, семья Рочевых — два брата и их сестры, краснощекие полногрудые девки — Галина и Евдокия. Прибыли они действительно издалека, от самого Архангельска. Пересекли Большеземельскую тундру, перевалили через Голый Камень,¹ промчались без отдыха по зыбкому весеннему снегу Обской губы.

Уже на следующий день пошли далекие люди по посельчанам. Ковылял, опираясь на изогнутую палку, старик Чупров, заправски пил спирт, с наслаждением крикая, закатывал мутные, неподвижные глаза и рассказывал:

— Царя в России не стало. Начальники-большевики заберут и опустошат скоро тундру. Подождите, придут и сюда, — грозился он, трясая редкой, словно тундровый кустарник, бородежкой.

Наперебой тараторили без умолку братья Рочевы:

— Когда пришли с моря, из других стран войска, пошел наш отец в их отряды. Расстреляли большевики отца...

Поддерживали братьев девки Рочевы.

Приезжие, ознакомившись с поселянами, решили совсем не уезжать из Нори. Они приобрели дома, завели оленей, совсем обосновались, точно и век тут жили.

II

Советская власть пробивалась вглубь тундры. Организовались государственные фактории. За триста километров от Нори, в селении Хэ, стал работать национальный совет. Слава о нем разнеслась по тундре.

Как муравьи в развороченном муравейнике, сполошились норинские хозяева. Старик Чупров созвал братьев Рочевых. Они явились, как всегда, вместе.

¹ Голый Камень — Уральский хребет (ненецк.).

— Что делать-то будем?—сразу спросил Чупров.—Пошли к Поповым, договориться надо...

Войдя в избу Черного зырянина, гости размашисто перекрестились на образа.

— Проходите, гостями будете, — приветствовал хозяин.

— Прежде двери запири, чтобы без посторонних, — строго остановил его Чупров.

Хозяин ушел и через минуту вернулся.

— Что скажете?

Чупров хитрил.

— Предупредить пришли тебя, Александр Васильевич, не иначе — сюда скоро придут советы организовывать, как бы плохо не было. Ты ведь самый богатый и работников держишь много, не как наш брат, голытьба.

Насторожился Попов, чувствовал, куда старик речь клонит.

— Думаете, отступлю? Нет! Даром богатство не отдам. Я его наживал, по копейке складывал, без бою не сдамся.

— Что говорить, Александр Васильевич, кому со своим расставаться хочется, — поддакнул Ануфрий Рочев.

— Оно так и есть, — продолжал Попов, — вот у тебя отец беляк, они не простят. Вместе отвечать придется, вместе и держаться будем. В куче-то не так страшно.

— Затем и пришли, — снова начал Чупров, — чтобы согласование было. Добро надо в тундру вывезти. Схоронить пока у надежных людей. С голытьбой доведется дружбу свести, а про меня и Рочевых чтобы ни слова. Будто век живем в Норях. Народ здесь сроднился, авось не выдадут...

Верили в свою кряжистую силу норинские богатеи, но каждый новый день приносил все большую тревогу.

Ночью, после сговора у Попова, скрипели большегрузные нарты, вывозили богатство в чумы надежным людям. Снова повадились братья Рочевы, старик Чупров к соседям, вели разговор о советской власти — дескать, им-то все равно, была бы власть. Не померли при царе, и с советской властью как-нибудь уживемся.

В Нори организовали мурлавку.¹ Вырядился Черный зырянин, как на празднике, вышитую рубашку надел, без шапки ходил по морозу, разогретый вином, и покровительственно хлопал каждого встречного по плечу.

— Думаете, я пропаду? Ошиблись, однако. Какая власть без меня обойдется? Русские спокон веков в тундру за пушниной ходили, а кто лучше меня пушнину закупит? Ненцы Александра Васильевича везде знают, уважают. Как скажу — так и будет.

Чьи-то темные руки поставили Попова заведывать лавкой. Снова обсчитывал и спаивал он ненецкую, зырянскую бедноту, дорогими гостями мурлавки были князья и шаманы, богатейшие и старейшие родов.

Снова по ночам скрипели большегрузные нарты, увозили в тундру добро зырянина — лучшие шкурки песца и белки, угоняли лучших оленей. Поповы, Чупровы и Рочевы таили злобу на советскую власть и при каждом удобном случае яростно доказывали, что только ими держится власть в тундре.

¹ Мурлавка — кооператив.

III

Звали его Филькой, уменьшительно от фамилии — Филиппов. Прозвище так крепко привязалось к нему, что даже и сам Филька стал забывать свое настоящее имя.

Ему едва минуло 17 лет, а половину из них он уже отработал у Попова. Был смелым охотником, ловким и опытным оленеводом. Ценили Фильку хозяева. Только уж больно строптивый характером, особенно отбился от рук последние дни.

На пастбище, в тундре Фильку уважали. Около него сгруппировалась лучшая молодежь поселка — Ларион Артеев, Иван Гребнев, девушки-ненки — Варя Хатанзеева, Дуня Янгасова и молодые оленеводы окрестных чумов.

Буйного, веселого и непокорного — его любила молодежь, считала своим коневодом. Вырос Филька в поселке, на себе испытал тяжелую жизнь у Попова, видел, как грабили ненецкую бедноту, воспитал в себе большую злобу к Черному зырянину.

Это Филька бросил на кочевьях горячие слова:

— Недолго осталось терпеть, конец скоро живодерам!

Весть о назначении Попова заведующим факторией больно хлестнула Фильку. „Неужели так и должно быть? — думал он, — разве нет в Нори честных людей, которым можно бы поручить мурлавку?“

Когда-то не стеснялись поносить большевиков норинские богатеи, клеветать на советскую власть. И чем больше росла их злоба, тем увереннее чувствовал Филька наступление новой жизни.

Но теперь притих бандит Чупров, навязывались в друзья братья Рочевы, еще осанистее стал хозяин Попов за кооперативным прилавком.

Не вытерпел Филька. Работали они тогда на поповской рыбалке. Вечером, когда пригоняли последний улов сверкающей рыбы, подошел он к Ларьке Артееву.

— Приходи сегодня на сопку, поговорить надо.

И без того вязкая тундра совсем расплзлась от осенних дождей. По колено проваливались ноги в зыбкой трясине, только на верхушке сопки под пожелтевшей травой сохранилась твердая земля.

Расположились на сопке трое. Сверкая глазами, спрашивал Филька:

— Доколь терпеть будем?!

Его русые волосы строгими кудряшками свисали на лоб, а лицо хмурилось гневом.

— Да, — согласился Ларька, — если еще Попов протянет год заведующим, разворуют факторию...

— Надо в Обдорск ехать, — решительно предложил Филька. — Не мы его назначали.

Согласились ребята.

Когда снова окаменела размякшая от солнца тундра, покрылась первым, еще рыхлым снегом, выехал Филька по первопутку в Обдорск. На прощание крепко обещал ребятам не приезжать, пока не разузнает всего, не добудет настоящей правды.

IV

Задержался Филька в Обдорске. Приезжие люди говорили, что видели его там: ходит на большие собрания и, кажется, записался в комсомол.

...Снова ударила перезвоном многоликая весна, пошла шуршать ручейками по тундре, ворочать на Оби ледяные громады. ...И снова стала Обь, а тундра забелела первым снегом. Стали прибывать с летних кочевий оленеводы. Колыхался в ограде мурлавки лес оленьих рогов.

Густо валил вязкий и липкий снег. Сквозь снежную пелену с юга прорвалась упряжка. И не одна, целый караван нарт с гиком мчался за ней.

Остановились нарты у фактории, смешались со стадом оленей. Знакомились приезжие с ненцами и зырянами, обнюхивали олени друг друга, ведя свой, неведомый разговор.

Как всегда веселый и быстрый, проворно вбежал Филька в лавку и бросил прямо в лицо Попову:

— Готовься, завтра на собрании отчет спросим.

Попов заюлил, вкрадчиво лебезил, суетясь за прилавком.

— Зазнался, Филька, здороваться не хочешь. Ишь ведь—совсем городской стал, а нас, зимогоров, поди забыл. Зато мы тебя помним! Колхоз организовали, давно ждем тебя в правление.

— Колхоз посмотрим, а тебе отчитаться придется,—и ушел, оставив в недоумении Попова. Не терпелось скорее на поселок, к ребятам.

Вместе с Филькой приехали из Обдорска пять уполномоченных. Среди них был комсомольский организатор Иван Костров. Увидели новые люди все так, как рассказывал Филька. Только одно непонятно—почему в Норях колхоз?

Горячился Филька, раскрывая кулацкую тайну.

— Я их политику насквозь вижу. Почему в колхоз не пошли ребята, почему нет там ненцев?—спрашивал он.—Нечего им там делать, кулацкий колхоз! Решили схорониться кулаки в колхозе.

Когда вступал Филька в комсомол, многое еще было непонятно. Крепко старался вникнуть в каждую мелочь, а когда понял—гора с плеч. Стало все ясно, и словно тяжесть какую с себя свалил. Потянуло пуще прежнего в родной поселок Нори. Теперь-то он твердо знал, за что браться.

Филька ходил вместе с Иваном Костровым к молодежи, оба говорили о комсомоле и классовой борьбе в тундре, собирали комсомольскую ячейку. Первыми записались в комсомол Ларион Артеев, Гребнев Иван, Терентьев Мишка. Секретарем единогласно избрали Фильку. Вскоре пришли девушки—Варя Хатанзеева и Дуня Янгасова. Комсомол с головой окунулся в кипучую деятельность.

Шел 1931 год. Казалось, что в Норях сейчас только началась настоящая борьба. Разделился поселок на два лагеря. Бедняцкие чумы ненцев перекочевали ближе к Норям.

Вместе со своими стадами ушли вглубь тундры кулаки и шаманы. На перепутьи каслали середняки, примыкая то к этому, то к другому лагерю.

Убрали Попова из фактории, а на место его назначили честного, надежного—Ануфриева. Надолго запомнится шумное собрание колхоза „Виль-туй“.¹

Выгнали тогда из колхоза Попова, Рочевых, старика Чупрова, лишили их права голоса, заново переизбрали правление. Каждый день разбирались в колхозе заявления о желании вступить в артель.

¹ „Виль-туй“—„Новая жизнь“ (зырянск.).

Недалеко от поселка выросли чумы вновь организованного ненецкого оленеводческого колхоза „Нарьяна-хаер“.¹

Ехидничало кулачье, рьяно поддакивали подкулачники.

— Ненцы работать не умеют, какие из них колхозники. Сгибнут олени

При всех разоблачали их хитрость.

— Врете, а кто работал у вас, разве не ненцы? Кто пасет оленей у кулаков в тундре?

Побитые отступали кулаки...

...Дни казались минутами, месяцы пролетали словно день. Метались комсомольцы по тундре, без сна работали на фактории, в колхозе, выполняя задание ячейки. А когда выдавались свободные минуты для отдыха, не сиделось дома, снова тянуло в ячейку, в колхоз, на народ.

На комсомольском собрании провожали Ивана Кострова. Он говорил:

— Мы многое сделали: организовали национальный совет, укрепили колхозы, вырастили ячейку, но это еще не все. Впереди ждет борьба, непримиримая классовая борьба, и чем ощутительнее будут наши успехи, тем ожесточеннее будет эта борьба. Коммунистов в Норях еще не вырастили. На вас, товарищи комсомольцы, как на первых помощников партии, ложится прямая обязанность неослабно бороться за дальнейшую переделку старой тундры в социалистическую.

Тогда решило собрание распределить свои силы, поручить каждому определенную работу.

Дуня Янгасова была членом президиума нацсовета. Она должна была помогать председателю Ятто Солиндер решать большие дела. Варю Хатанзееву послали за прилавок в факторию. Пусть учится торговать. Лариону Артееву поручили колхоз „Виль-туй“, Ивана Гребнева послали учиться на окружные курсы счетоводов. Колхозу нужны грамотные люди. Рекомендовали секретарем нацсовета Мишку Терентьева. Он да Филиппов были грамотными в ячейке.

Вечерами собирались ребята в здании вновь выстроенной школы, непривычными руками брались за карандаш, старательно выводили буквы. Ежедневно проходили комсомольские собрания.

Варя Хатанзеева — самая молодая в ячейке. Чуть постарше ее неразлучный друг Дуня Янгасова. Обе недавно расстались с чадным чумовым костром, с тяжелым изнурительным трудом женщины-батрачки.

Нелегко это давалось. Спокон веков ненцы считались низшей расой. Тут еще больше разжигалась травля, подогреваемая ненавистью классового врага. Издевались кулаки, ехидничали шаманы.

— Бабу слушаете, разве сами бабами стали? Позор! — кричали шаманы.

* * *

Зимой солнце скупое, холодное. Медленно ползет оно в морозном воздухе. Чем суровее становятся морозы, тем короче путь солнца. Чуть покажется оно красным, негреющим шаром и спешит скорее спрятаться в снега. Наконец совсем покидает небо, окунув тундру в долгую полярную ночь.

Отдыхает солнце, отдыхают люди. Разве изредка кто поставит ловушки на песка, да пастухи проверят олених стада.

Выходили парни и девки на улицу, залихватски гармонили песни, в обнимку колобродили по поселку.

¹ „Нарьяна-хаер“ — „Красный рассвет“ (ненецк.).

На Нори всего две гармошки — одной владел Ануфрий Рочев, другая у Мишки Терентьева.

После ликбеза гурьбой валили комсомольцы на улицу, садили Мишку на самое почетное место, в середину, удадо раздувал гармонист расписные меха.

„...И боец молодой вдруг поник головой...“ — висела в морозном воздухе песня.

Около гармониста Рочева группировалась кулацкая молодежь, пели они свои песни, надрывно кричали тут же сочиненные похабные частушки про комсомольцев. Потом, отчаянной оравой прогремев по поселку, шли к школе, вызывали комсомольцев на драку.

Вместе с ними бесновались дочери бандита Рочева — Галина и Евдокия, визгливо фыркали в сторону Дуни и Вари:

— Продались комсомольцам, сколько на день с ними спите?..

Больно девушкам от этих слов. Но хорошо заступались за них комсомольцы...

V

Обложили норинских кулаков твердыми заданиями по рыбе и пушнине. Так решила беднота, так говорили законы советской власти. Нацсовет строго следил за тундровым кулачеством, крепко защищал батраков.

Старейший из князей ямальных тундр — Анагурочи. Имел он тысячные стада оленей, одних чумов у князя больше десятка. Держал в своих руках Анагурочи всю Малоямальскую тундру. У самого царского правителя Ямала самоедского князя Тайшина князь Анагурочи был всегда любимейшим гостем. Не было на Малом Ямале ненца-бедняка, который бы не остался должен князю.

Но перестали в тундре уважать старейших и богатейших, забыли святые законы дедов. Уходили батраки в колхоз. Постановила окрестная беднота, чтобы сдал князь государству две тысячи оленей и много пушнины.

Осунулся князь, безвольно обвисли толстые с красными отеками щеки, впали бесцветные, неподвижные глаза.

Нудно растягивая слова, жаловался князь Черному зырянину:

— Мы вместе делили добычу. Что делать теперь, выручай.

— Не хорошо так размягчать свое сердце, — стыдил его Попов, — нам нужно крепкими быть, иначе раздавят. У них сила. Такой мой совет: держитесь пока в тундре, поблизости, не заводите ссор с ненцами. Отговаривайте ненцев посылать детей учиться, пусть шаманы проклинают каждого, кто пойдет в комсомол.

Попов снизил голос до шопота:

— На Малом Ямале есть места с худой болезнью — сибиркой. Надо загнать паршивых оленей в колхозные стада. Нужно завести своего человека в нацсовете, знать все совсем неплохо. Чуть что, кочуйте скопом вглубь Большого Ямала, туда нет дорог и не скоро доберутся большевики...

...Уходили ночные гости, успокоенные Черным зырянином.

Еще больше хромая, ковылял старший Рочев, старался показаться среди посельчан жалким, обездоленным, надоедливо ныл каждому встречному:

— За что такая обида? Разве я или Попов не делали добра каждому, кто обращался к нам за помощью? Плохая память стала у вас, посельчане.

Затем шел к ненцам и вел такой разговор:

— Обеднела охота, пропала рыба в реках. Весной идет белуха с моря, гонит косяки рыбы. Нет белухи, нет рыбы. Катеры наводнили тихую Обь, стучат на песках лебедки. Не любит рыба шуму, ушла белуха в море... Кто его знает, может и так, — ехидничал старик, глубоко пряча злобу.

Однажды созвал Чупров своих сыновей, пригласил девок Рочевых.

— Охальничаете все, а нет, чтобы помочь из беды выпутаться. Смотрите, без нас и вы пропадете.

Молча слушали долговязые парни и грудастые девки.

— Вот на тебя, — обратился старик к Галине Рочевой, — Мишка Терентьев давно зенки пялит. Надо поблажку дать. У них теперь сила. Что стоит красивой девке парня обкрутить да повернуть эту силу на наше дело. Раз плюнуть, — и ласково добавил, — смотри, Галка, не подведи.

* * *

С некоторых пор стали замечать ребята, что оторвался Мишка от ячейки. Редко появлялся на ликбезе, не ходил на собрания и даже гармошку свою забросил. Спрашивали ребята о причинах такой перемены, неохотно отвечал Мишка:

— Работы много в нацсовете... Не вырвешься...

А дело было так.

Повстречался как-то Мишка с Галиной Рочевой. Бесстыдно заглянула девка ему в глаза и прямо спросила:

— Боишься, что ли?..

Дурманило парня, замаялся, не зная, что ответить.

— Сохнут по тебе. Надо же жалость иметь, — смеялась Галина. — Завтра одна вечеровать буду, придешь скуку разогнать?

— Может приду, — нерешительно согласился Мишка.

Сперва Мишка держался, мучился сомнениями. Каждый раз, когда приходил от Галины, давал себе слово — „последний раз“. Но снова вспоминал ее, кружилась голова, и снова, как наступал вечер, прячась от самого себя, пробирался к Рочевым.

Потом окончательно сорвался, махнул рукой на все. Незаметно завелись новые друзья — Рочевы, Чупровы, все бывшие его враги теперь усиленно навязывали дружбу.

Поздно кончались вечерки. До утра пили просянку, щупали девок и горланили песни. Мишка стал завсегдаем разгула, ему как почетному гостю всегда предоставлялось первое место. Противно распуская слюни, целовался Мишка с долговязым Ануфрием Рочевым. Тот, пьяно коверкая слова, приставал:

— Друг ты мне али нет? Скажи прямо. Может я в комсомол записаться хочу... и запишусь, в начальство вылезу!

После одной из таких попок, когда еще мутило в голове и к горлу подступала тошнота, Мишка встретил Фильку.

— Ты что ж?

Терентьев хотел бежать, но секретарь крепко вцепился в рукав малицы. Мишка смотрел осоловелыми глазами и, кажется, ничего не соображал.

— Отвечай!?

Мишка встрепенулся, едва выдавил из себя:

— У вас все кулаки, да кулаки. А по правде сказать, мерещится вам все. Какие они теперь кулаки? Одно слово осталось...

Филька не дал ему докончить.

— Не твой это слова. Черный зырянин так говорит. Смотри, Мишка, катишься ты в пропасть.

— Меня учить! — завопил Мишка. — Сами с усами, не маленькие.

— Дружишь с кулаками, тогда с комсомолом придется расстаться, — обрезал ему Филька.

— Не напугаешь! — кричал Мишка вслед Фильке.

Когда он оставался наедине с Галиной, она ловко, как к слову пришлось, спрашивала о делах в нацсовете. В первые дни их знакомства Мишка отвечал неохотно. Потом привык и сам уже рассказывал все, что делается в совете. Галина из слова в слово передавала новости Чупрову и Попову.

Чем дальше, тем упорнее становилась девка. Она снова лезла к нему с „ласками“.

— Братьям справки нужно, только в нацсовет пойти неудобно. Скажут — мне помогаешь. Ты поставь печати и сам распишись. Принеси побольше таких бумажек, мало ли зачем понадобятся.

VI

Князья и кулаки ушли вглубь тундры.

В стадах колхоза „Виль-туй“ началась сибирка, уже пало больше двухсот оленей. Из оленеводческого совхоза с Надьма прискакал, замучив упряжки, ветеринарно-зоотехнический отряд спасать колхоз от беды.

Выяснилось, что старик Чупров с сыновьями сбежали из поселка с подложными документами.

Пошли в тундре разговоры: „дали возможность безнаказанно орудовать Черному зырянину и его злой своре волков. Вот теперь любуйтесь...“

На комсомольском собрании говорили:

— Были комсомольцы в колхозе, а почему они не видели кулацкого вредительства? Почему ячейка забыла работу в тундре? Терентьева нужно гнать из комсомола, а ячейку поставить на ноги.

— Надо спросить Терентьева, пусть он скажет, — предложил кто-то. Терентьев молчал.

— Разговаривать с нами не хочет.

— Тоже судьба! — презрительно протянул Терентьев.

Загаддели все сразу, точно прорвалась набухшая до отказа тишина. Сквозь шум слышался голос Павла Кошелева:

— За что исключать Мишку? Комсомольцам, поди, и с девками гулять нельзя?

Тогда вышла на середину Варя Хатанзеева. От волнения она с трудом говорила:

— Тут думают, ерунда с Мишкой, а кулачье, поди, радуется. Проходу не стало, травят на каждом шагу, за водой нельзя пройти. Выгнать нужно Терентьева из комсомола, а если ячейка хочет в дружбе с Черным зырянином жить, тогда... — она остановилась чтобы перевести дух, — тогда нам с Дуней в такой ячейке нечего делать!

Звонко рассыпалось стекло в раме, на пол упал кирпич, затем ввалила шумная орава под предводительством Ануфрия Рочева.

— Драки не затевать! — кричал Филька, но разве удержишь! Не прошло и минуты — выгнали рочевцев, а вместе с ними выбросили в снег и Мишку Терентьева.

— Собрание продолжается, — заговорил Филька. — Надо смыть позор! У кого предложения?

Поднялся Ларька Артеев.

— Предлагаю организовать комсомольскую рыбацкую бригаду и опередить всех рыбаков на понизовьях. Хочу быть руководителем бригады.

Предложение не голосовали, так как не было возражений. Еще создали ударную оленеводческую бригаду на летние кочевья.

...Полярную ночь сменил сверкающий день. Теперь солнце совсем не уходило с неба. Весна, как всегда, пришла неожиданно, застигнув врасплох тундру.

Отправились кочевники искать сочные ягельники. С колхозными стадами пошла ударная бригада пастухов.

Ларион Артеев с рыбацкой бригадой готовил снасти. И скоро уже давал первую тонь...

...Шли дни напряженного труда и борьбы. Слово комсомольцев — твердое слово. Они лучше всех справились с вонзевым ловом, перевыполнили задание.

Из тундры шло пополнение, принимали в комсомол: Хэно Пекас, Мишку Пекас, Марынка, Ядко Сегоя, Оповой Голе...

...Так росла и закалялась в борьбе Норинская комсомольская ячейка.

* * *

Мы снова в Норях, но их уже трудно узнать.

От старого поселка остались только следы. Теперь здесь есть большая школа, клуб и ясли, два мощных колхоза, радио.

А где же наши старые друзья из комсомольской ячейки?

Она почти вся обновилась вновь выросшими ребятами.

Филька и Ануфриев — в Красной армии. Сегой Ядко, Магин Пантелей, Артеев Ларька — старшими бригадирами в колхозе.

Гребнев Иван — счетовод „Виль-туя“. Варя Хатанзеева учится в Ненецком педтехникуме. Дуня Янгасова — член правления Ямальского окружного кооперативного товарищества.

Крепких большевиков вырастила ячейка.

... А ведь прошло всего несколько лет.

ПО НОВОЙ ДОРОГЕ

В долгие полярные ночи, когда в черной пустоте неба играли фантастические сполохи северного сияния, ко мне на радиостанцию часто приезжал на собачьей упряжке молодой ненец.

Это был мой постоянный гость. Он обыкновенно молча садился в углу на оленью шкуру и внимательно рассматривал оборудование радиостанции. Особенно сильное впечатление производила на него работа мотора, когда сразу вспыхивали ярким светом электролампы зарядного щитка.

Первые дни он боялся выходить из своего угла, и когда я хотел объяснить ему, как работает мотор или почему говорит репродуктор, он отрицательно качал головой.

— Старики говорят, что в твоём ящике есть нечистая сила...

Он набрасывал на себя малицу, брал карабин и исчезал в сумраке полярной ночи.

Звали его Вынику-Хан.

Он ловко бросал гарпун в голову показавшегося тюленя, без промаха бил налету турпана и безошибочно определял дорогу по застругам снега.

Я его знал давно и многим ему был обязан. Однажды на охоте за нерпой я ушел на припой, далеко от берега. Вдруг заметил, как начал ломаться лед. Я кинулся к берегу. Но молодой лед быстро давал трещину. Между берегом и мною образовалась полынья, через которую перебраться было нельзя. Меня понесло. Я быстро снял карабин и стал стрелять в воздух. Не знаю, чем бы кончилось мое приключение, если бы меня не заметил Вынику-Хан, который, к счастью, охотился недалеко. Он быстро сбросил в воду свою легкую байдарку и снял меня с льдины.

На Севере особенно высоко ценят чувство товарищества, здесь как нигде прочна товарищеская спайка. Наша дружба крепла с каждым днем.

Он уже перестал бояться мотора и был особенно счастлив, когда я научил его самого запускать мотор.

В ту пору, когда за окнами били свирепые шквалы пурги и нельзя было ездить на охоту, Вынику-Хан не покидал меня. Я любил слушать его рассказы об охотниках. Он учил меня, как ставить капкан, как определить свой путь по застругам снега и как по цвету льда узнать его прочность. И когда жутко завывала пурга, как-то особенно при-

ятно было слышать монотонную работу двигателя.

...Прошло полтора года. Я был переброшен со своей маленькой полярной станции на Югорский Шар. Оттуда приходилось часто ездить в Амдерму на собачьей упряжке, обменивать почту или перебрасывать груз. Однажды, подвезая к Амдерме, мои собаки внезапно рванули вперед. Можно было подумать, что они заметили зверя. Я приготовил винтовку. Однако вместо медведя оказался... трактор, тащивший плавник.

Я поравнялся с машиной, и как-то мое удивление, когда за рулем я увидел Вынику-Хана.

— Вот видишь, я научился управлять машиной, — весело сказал он, — теперь готовлюсь в Москву, хочу учиться стать летчиком. Меня приняли в комсомол, и я хочу учиться сам, а потом приехать опять в тундру и учить ненцев.

Мы долго разговаривали о прошлом, и как-то не верилось, что за такой срок этот парень, боявшийся звука мотора, теперь уверенно держал в руках штурвал автомашины.

— Да не один я учусь здесь, вот Вылка, Тарборей, Хатанзейский — все они тоже теперь работают у машин. Мы приедем к вам на Первое мая и расскажем о наших успехах...

Он сел за руль и уверенно повел свой трактор. Я долго следил за ним. По новой, совсем еще не объезженной дороге был его путь.

...Наступало Первое мая. В этот день солнце как-то по особому ярко засверкало в голубых льдах Карского моря. Легкий норд-вест взвил в небо символический вымпел Арктики и яркокрасное знамя Страны Советов. По морским традициям наша полярная станция украсилась расцветченными флагами.

Одна за другой приходили собачьи упряжки. С берегов Вайгача, с полярных факторий спешили люди услышать Москву, Красную площадь — речь наркома Оборона и непобедимый марш армии социализма.

За банкетом выступил Вынику-Хан. Он благодарил советскую власть и великого Сталина за ту счастливую и радостную жизнь, которую создала партия ВКП(б) народам Севера, ранее обреченным царским правительством на вымирание и нищету, он благодарил Сталина за счастливую юность и за ту дорогу, которая была открыта перед молодежью тундры.

ДВА ТОВАРИЩА

I

На советском берегу Берингова пролива жили два юных эскимоса Каля и Касыга. Каля жил в Чаплине, Касыга — в Сирениках. Мальчики были почти ровесниками. Они не уходили на байдарках далеко от родных яранг и не знали друг друга. От Чаплина до Сиреник будущих друзей разделяли шестьдесят морских миль.

Летом солнце светило днем и ночью, редко бушевали штормы, только часто стлался туман, по цвету которого мальчики научились узнавать его густоту и длительность. С юных лет они прислушивались к разговорам старых охотников о предстоящей охоте, погоде, приметах. Приметы эти передавались из поколения в поколение. По закату солнца, по новолунию, по характеру облаков они предугадывали направление ветра. Ветер — могучая сила — был властелином в жизни людей на Чукотской земле, где стояли яранги чукчей и эскимосов. Ветер пригонял к берегам лед. На нем лежали стада моржей и тюленей, кормильцев берегового человека. Если ветер был отжимной и далеко отгонял лед от берегов в море, то вместе со льдом ветер угонял и зверя. Это было

несчастьем для берегового жителя. И, наоборот, прижимной ветер даровал северным людям блага жизни: он посылал к ярангам свет, тепло и пищу. Зверинный жир в светильниках давал тепло и свет в пологе. Из нерпичьих шкур эскимосы шили одежды, из моржовых шкур стлали крыши своих яранг.

И Каля и Касыга помнили, как их отцы бросали в море кусочки мяса, чтобы задобрить зверя, не обидеть его, не отвернуть звериного пути от эскимосских яранг. Если случалось, что охотник возвращался домой с пустыми руками, он брал пок — пузырь из нерпичьей шкуры, служивший буюм и поплавком, и ударял в него ногой. Пок с треском лопался. Это была жертва зверю. Охотник верил, что после такого жертвоприношения он начнет удачно бить нерпу, лахтака и моржа. В яранге вновь засветится огонек, станет сытно, тепло и радостно, захочется петь, исполнить танец моржа или танец нерпы, ритмично передающие картины охоты на морского зверя.

Отец Касыги приносил сыну с фактории цветные карандаши и бумагу. Мальчик любил рисовать. Острый глаз юного эскимоса с удивительной точностью подмечал движения моржа на льдине,

Каля (первый слева) и Касыга (второй справа) среди своих товарищей

заметившего приближение вельбота с охотниками. В красках, скупом, но выразительно, он показывал моржуху, спрятавшую под грудь своего детеныша от нападения белого медведя. Голодный медведь осмеливался нападать на более сильного зверя с помощью хитрости. Когда моржиха поднимала вверх свою могучую голову, чтобы ударить клыками медведя, тот протягивал вперед одну переднюю лапу и ударял ею черную, будто игольчатую морду моржихи, а другой лапой выбивал из-под нее детеныша, набрасываясь на него и, пользуясь малой подвижностью моржихи, убегал с добычей. Моржиха, потеряв детеныша, металась у ледяной закраины и ревела от горя.

Касыга графически передавал эти сцены звериной борьбы. В других рисунках он изображал моржиху, перехитрившую белого медведя. Она успевала сильным ластом сама выбить из-под себя детеныша в воду. Насколько морж неподвижен и вял на льду, настолько он силен и ловок в воде. Здесь он не знает себе соперников. Очутившись в воде, морженок быстро уходил от преследователя.

Поджав под себя ноги на разостланной в пологе оленьей шкуре, Касыга усердно зарисовывал картинку охоты. Когда рисунок удавался, отец ласково и одобрительно хлопал сына по плечу, проводил своей заскорузлой, шершавой рукой по его жестким, иссиня-черным топорщившимся волосам. Широкоскулое лицо Касыги расплывалось в улыбке, обнажая ровный строй мелких зубов.

Небольшое селение, однообразие яранг, малочисленность жителей сужали круг восприятий мальчика. Разнообразна была только природа. И пытливый Касыга изучал ее, часами смотрел на море, небо, горы, богато раскиданные вокруг родного селения. Следил за тем, как удлиняются тени за камнями, когда солнце садится; как укорачиваются тени, когда солнце идет к зениту. Любовался переливчатым северным сиянием, озарявшим небо в ясные морозные ночи.

Касыга подмечал все детали: рисуя моржа — клыкастого самца, он выводил его жирные складки на шее, чуть загнутые крепкие бивни, могучие лапы, маленькую голову на громадном корпусе, напоминавшем слона, о котором слышал он лишь по древним сказкам про далекие теплые моря.

II

Касыге исполнилось четырнадцать лет, когда его впервые взяли на большую охоту в море. Это было в конце января.

Берингов пролив не замерзает круглый год. Иногда только северными вет-

рами в него выносятся лед из океана, но, едва лишь стихнет ветер, пролив быстро очищается от льда.

Эскимосские вельботы стояли у самого сиренижского берега всегда наготове. Дежурные китобои выматривали с ближней сопки, не покажет ли зверь свои высокие фонтаны.

Как военная тревога пронеслась по всему селению весть о том, что в море замечены киты. Мигом сбежали к снаряженным вельботам эскимосы и вместе с ними маленький Касыга. Подняли паруса и с попутным ветром поплыли к китам. Зверя было много, он играл на воде, показывая свои крутые мощные спины. Ослепительно на солнце сверкали столбы фонтанов, выбиваемых китами.

Сильный ветер дул с запада. Вельбот пронесло мимо зверя так стремительно, что гарпунер не успел бросить гарпуна.

Против селения Имтук снова увидели фонтаны. Здесь пролив был усеян блинчатым льдом. Через этот лед шли на парусах до вечера.

Касыга с интересом наблюдал, как вертятся и резвятся киты. То тут, то там радугой вспыхивали на солнце фонтаны. Одного большого кита поддерживали на себе два других, как две могучие подставки. Кит лежал на весу, опираясь на одного головой, на другого хвостом, и нежился на солнышке.

Гарпунщик стоит на носу вельбота. У старого китобоя вспотело от напряжения лицо. Бригадир — черноголовый, с блестками седины эскимос — рулит прямо на зверей, на большого кита, покоящегося на живых подставках. Касыга держит в обеих руках туго надутый пок. От него идет линь с клубка. Клубок размотан. На одном конце линия — гарпун, на другом пок. Кит вместе с всаженым в него гарпуном немедленно уйдет под воду, но когда раненый зверь будет обессилен разорвавшейся внутри его тела бомбой, он пойдет, как говорят эскимосы, помирать ближе к берегу. Тогда всплывает и буй-пок.

Касыга напряженно держит пок. Нельзя потерять ни секунды. Едва лишь гарпунщик бросит свой гарпун с разрывным снарядом, немедленно нужно кидать в море и пок вместе с линем, тянущимся от гарпуна. Иначе беда! Запутается линь в вельботе за уключину, мачту или мотор, раненый кит рванет линь и опрокинет в море вельбот вместе с людьми.

Если подоспеют товарищи на других вельботах, то спасение возможно, а иначе — верная гибель.

Гарпунщик метнул гарпун, он вонзился в жирную спину зверя, и раздался взрыв бомбы. Кит рванулся в сторону. Касыга ловко выбросил пок с линем в море. Раненый кит далеко утащил с собой пок. Все затихло кругом. На поверх-

ности не видно ни кита, ни пока. Лица охотников стали напряженно-выжидающими, и черные глаза смотрят с надеждой и волнением в ту сторону, куда ушел раненый зверь.

Киты, служившие подставками раненому зверю, с испуга бросились в стороны. Один из них столкнулся с вельботом. Удар был настолько силен, что все люди попадали на дно вельбота.

Касыга был расстроен, он тоскливо смотрел на море, но нигде не было видно ни китов, ни брошенного пока.

Прошло с полчаса. Вдруг один из охотников заметил вдалеке от вельбота, у самого берега плывающий пок. Народ в вельботе радостно зашевелился, подняли паруса, запустили мотор и быстро устремились к поку. Вот показалась и спина зверя. Гарпунер снова бросил гаргун с бомбой, но теперь без пока. Чудовище опять ушло в пучину, но уже не с прежней горячностью. Минут через десять его спина еще раз показалась близ берега, куда спешили и остальные вельботы.

Снова послышался взрыв бомбы. Она dokonала зверя, он всплыл на поверхность у самого вельбота. Гарпунер достал огромный нож, клинок которого был в полметра, а рукоятка — длиной в два метра. Этим ножом эскимос немного вспорол спину зверя, выступавшую над водой, и люди сняли часть китового жира к себе в вельбот. Это делалось для того, чтобы придать вельботу большую осадку для предстоящего похода.

Надо обладать большим умением, чтобы при вспарывании звериной кожи и слоя жира не выпустить воздуха из тела кита, иначе оно камнем пойдет на дно, и тогда понапрасну пропадет весь тяжелый труд, потраченный на охоту.

Кит был длиной около двадцати метров. Его заарканили, прикрепив к хвосту надежный буксир из каната и ремня. К голове и хвосту подвязали большие поки, чтобы сделать тело более пловучим.

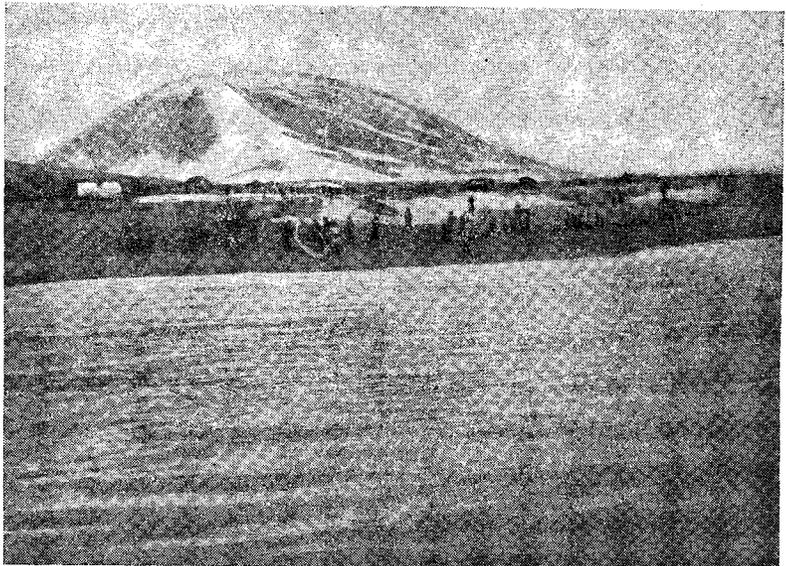
Только теперь понял Касыга, почему его сородичи исполняют танец охоты на кита. Эта охота была и величественна, и опасна, и давала много мяса и жира всему селению.

Везли кита весь день и всю ночь. Еще целые сутки не спали охотники. Не спал и молодой Касыга. На утро подошли с китом к Сиреникам. С сопок народ так и не расходился, несмотря на ночь. Здесь жгли костры, грелись, варили на кострах чай, пили и рассуждали о том, какие удалцы сиреникские охотники. Весело и сытно будет скоро в эскимосских ярангах. На все селение хватит мяса. Дадут его и приедем из других селений, всем дадут, кто нуждается.

На Касыгу все смотрели теперь как на взрослого. Во время охоты он проявил свою деловитость и расторопность.

III

В шестидесяти милях от Сиреник в селении Чаплин маленький Каля тоже думал о предстоящей охоте на зверя.

Эскимосы готовят байдары для встречи детей, едущих на каникулы (село Сиреники)
Фото И. Воблова

Но его еще не брали в море, он был мал ростом и слабосилен. Мальчи́к любил слушать рассказы взрослых, ходивших на моржа и кита далеко в море. Так же, как и у Касыги, тетрадки его были испещрены рисунками, изображавшими охоту на белого медведя, тюленя, моржа и кита.

Однажды учитель в Чаплине обратил внимание на тетрадку с рисунками Кали. По голубому морю плыли яркие, освещенные солнцем льдины. На отдельных обломках лежали шоколадного цвета туши клыкастых моржей. К ним спешили на байдарках и вельботах эскимосы.

На другом рисунке большой морж лежал на краю льдины, а сбоку к нему крались два больших медведя с медвежонком.

— Зачем же у тебя медвежонки идет к моржу впереди больших медведей? — удивленно спросил Калю русский учитель.

— Как зачем? — в свою очередь удивился Каля. — Его большие медведи специально посылают, чтобы заманить моржа подальше от воды. Морж заинтересуется медвежонком, уйдет от воды, тогда большие медведи отрежут ему путь к отступлению, и морж в их лапах. Понятно?

Маленький Каля со слов охотников знал все повадки морского зверя и верно передавал их в своих живых рисунках.

Родители Кали, провожая сына на первую охоту, долго смотрели вслед удаляющемуся вельботу. Мать украдкой смахивала слезу, отец посмеивался над ней, но и самому было страшно за сына. На море — не на земле: поднимется дикий шторм, опрокинет вельбот, унесет в пучину дорогого сына. Или в тумане потеряют берег, не найдут дороги к родному Чаплину, померзнут в море...

На дорогу мать приготовила Кале северные лакомства — оленьего языка и нерпичьей печени, нарезанных тонкими ломтиками.

В море пошло два вельбота. Нигде не было видно ни моржей, ни нерп, хоть и старался Каля разыскать их своими быстрыми глазенками.

Шли на парусах, экономя горячее к тому часу, когда вельбот пойдет в погоню за раненым зверем.

Солнце встало из-за моря. Скоро оно будет кружить над эскимосскими селениями без отдыха и днем и ночью.

Вельботы шли в кильватер, удаляясь от берегов. Посмотрел Каля в последний раз на родную ярангу, скрывавшуюся в сизой дымке, на селение Чаплин, где ему знаком был каждый камень, и вдруг стало грустно мальчику. Здесь, в вельботе, не было никого из родных у Кали. В первый раз уходил он так далеко от родной яранги.

Быстроглазый Каля раньше всех заметил игравшего вдалеке моржа. Бригадир вскинул бинокль к глазам. И верно: то был крупный морж. В помощь парусам запустили мотор, и вельбот птицей понесся к зверю. Все с одобрением поглядывали на Калю, и он почувствовал неожиданный прилив бодрости и уверенности. Он перестал быть мальчиком, он стал равным членом бригады охотников. Вельбот гнался сейчас за зверем, открытым Калей.

Задний вельбот был далеко и не знал еще о том, что передний уже разыскал зверя. Гарпунер выстрелил из винчестера в зверя, ранил его, но не убил. Тогда метнул в него гарпун с бомбой. Послышался взрыв. Зверь завертелся от боли близ вельбота и сильным ударом клыков пробил насквозь его днище. Пробойна оказалась большой, и вельбот стал быстро наполняться водой и погружаться в море.

Хлюпая по воде нерпичьими торбами, бригадир подбежал к парусу и стал торопливо поднимать и опускать его. Это был условный сигнал бедствия. По этому сигналу каждый вельбот в море должен был прийти на помощь товарищам.

Задний вельбот, заметив сигнал, дал ход мотору и поспешил на помощь гибнущим охотникам. Середина тонущего вельбота была уже заполнена водой, над поверхностью моря возвышались еще корма и нос, на которых и стояли люди.

Старик-эскимос, бригадир вельбота, чтобы не подмочить рульмотор, положил его к себе на плечо. Все охотники держали в руках ружья.

Каля стоял возле рулевого и думал о том, что спасение уже невозможно. Вспомнились ему родной Чаплин, мать и отец, провожавшие сына в море, где теперь ожидал он свою гибель. Когда смерть казалась Кале неотвратимой, второй вельбот подошел и снял товарищей.

...Все охотники сильно промокли, и каждый торопился в свою ярангу обсушиться у огня.

Мать Кали, узнав о несчастье, стала бранить мужа за то, что он отпустил мальчика в море.

— Ты попусту сердись на меня! — защищался отец. — Видишь, твой сын целым вернулся домой.

— Но он мог и утонуть! Взрослые, быть может, и спаслись бы, а про маленького забыли...

— Бросать товарищей в беде — это не по-эскимосски, — ответил старик. — Каждый из нас человеку в беде поможет.

Мальчик с волнением слушал отца. В пологе было тепло. Приятно было переодеться и переобуться во все сухое.

К вечеру в селение доставили убитого моржа. Кале досталось любимое его кушанье — кусок звериной печени.

В ярангу к ним пришел старик-бригадир. Он похвалил Калю.

— Мальчик держался хорошо, не суетился во время тяжелого испытания, как и подобает эскимосу.

— Будь всегда честным и смелым, — говорил старик, положив руку на плечо Кали. — Честному и смелому человеку жизнь будет казаться хорошей и счастливой. Никогда не жалея ничего для товарища. Случится тебе захватить, скажем, в Сиреники или Янадагай, в каждой яранге найдется гостю приют и угощение. На Севере положено помогать друг другу. Если у нас, у береговых, не стало бы морского зверя, не пришел бы он к нашим берегам, плохо бы нам было, хоть умирай с голоду. Но мы знаем, что чаучу — кочевые чукчи — придут к нам тогда на помощь со своими стадами оленей. А случится так, что выпадет в тундре сильный снег, потом подает он во время оттепели, а затем ударит морозцем, образуется ледяная корка, гололедица. Не может олень достать из-под льда свой корм — ягель. Тогда начинается падеж оленей. Беда! И чаучу знает, что всегда найдет помощь у берегового человека. Понял?

— Еще скажу тебе, — продолжал старик, — никогда не скупись, угощая проезжего человека. И тебе может слу-

читься где-нибудь проезжать, припомнят тогда твою скупость. Вот я в любое селение приеду, мне денег не надо. В каждой яранге я ем, пью, сплю, как дома. Мне каждый даст. Заслужи и ты к себе уважение.

В пологе стало жарко от дымящегося чайника. Каля поел моржовой печени и, засыпая, думал о предстоящих охотах на кита и белого медведя. Ему представлялось, что он, знаменитый охотник, возвращается в Чаплин с богатыми трофеями и в честь него поют песни и танцуют в самой большой чаплинской яранге.

IV

Селения, где жили Каля и Касыга, лежат у самой трассы Северного морского пути. Ежегодно здесь проходят корабли с красным флагом Советов на корме. Корабли несут в своих глубоких трюмах разнообразные товары на Чукотскую землю...

В 1932 году пришло письмо из Уэлена в Сиреники, приглашавшее пионеров на слет.

Касыга поехал на слет в Уэлен.

В Чаплине, куда пристал вельбот с Касыгой, народу было мало. Проезжие быстро перезнакомились со всем селением. Тут впервые увидел Касыга своего сверстника Калю, с которым впоследствии их надолго связала одинаковая судьба.

Разделка убитого эскимосами кита

Фото Т. Семушкина

Калю и Касыгу объединяло одно стремление — учиться. Первая ступень в Сирениках и Чаплине ими уже пройдена. Но в бухте Лаврентия есть культбаза, там можно продолжать учение в семилетке. Мальчики договорились вместе ехать учиться в бухту Лаврентия.

Осенью они оставили свои дымные яранги, покинули родные берега. В бурную сентябрьскую погоду шхуна повезла мальчиков на культбазу. У острова Аракомчен его застал сильный шторм. Шхуна долго отставалась от разыгравшейся непогоды, и только в середине октября прибыли ученики к желанной бухте Лаврентия.

В ту пору морской зверь начал собираться стаями, самцы косяками ходили в море. Птицы улетали на юг. Часто наползали туманы, налетала буйная пурга. Но детям светло и тепло было на культбазе. Они жили в просторных, светлых комнатах интерната. Каля и Касыга учились в одном классе, жили в одной комнате.

Они часто вспоминали свои родные яранги и рассказывали друг другу о своем одинаковом детстве.

Наступил апрель. Скоро конец долгой зиме. Каля рассказывал своему другу о том, что сейчас в Чаплине началось птичье оживление — прилетели с юга чайки... Касыга понимающе кивал головой. Ведь и у них в Сирениках тоже сейчас стоял неумолчный шум от чаек, прилетевших с юга и принесших на своих белых крыльях радостную весть о быстро идущей весне...

Стрелок и бригадир в заливе Лаврентия обучали Касыгу стрелять и гарпунить. Очень трудно было попасть в моржа с вельбота, когда шла большая волна.

В вельбот брали с собой чаю, сахару и немного хлеба. Хлеб не обязательная пища для жителя Севера, но без мяса и без жира никогда далеко не уезжают, иначе можно скоро замерзнуть.

Перед началом учения Каля ушел с охотниками на вельботе бить морского зверя. Вскоре поднялся свежий ветер, началась сильная зыбь, и вельбот понесло далеко в море.

Над разбушевавшимся морем спустилась холодная, осенняя ночь. Вдали чуть белели полосы льда. К ним и несло вельбот. Старик-охотник тонкими ломтями нарезал моржатины и побросал их в море. Губы охотника шептали просьбу к морю смилостивиться, убавить свою ярость и не погубить вельбота с людьми. Во льдах зыбь стала спокойнее. Бригадир выбрал льдину поровней, втащил на нее вельбот, и здесь заночевали.

Ночью ветер усилился. Спать стало холодно. Люди лежали, тесно прижавшись друг к другу, чтобы не заколечеть на лютом ветру.

Старые эскимосы говорили, что, если погода скоро не стихнет, льдину с вельботом может унести далеко от родных берегов. Кале было немного страшновато. Но все держались спокойно, и он стараясь походить на остальных.

В тумане льдина дрейфовала целые сутки. На следующее утро, когда туман рассеялся, эскимосы увидели недалеко от себя американский остров Лаврентия. Там стояли яранги американских эскимосов. По неписанному закону Севера американские эскимосы, занесенные к советским берегам, пользовались гостеприимством советских эскимосов. В свою очередь и советские эскимосы находили приют у своих американских сородичей.

Когда бригадир увидел, что льдину с вельботом совсем близко поднесло к берегу, он вместе со всей бригадой стащил вельбот в воду и на веслах поплыл к острову.

В вельботе было восемь человек. Их встретили радушно, повели в яранги сушиться, закусить и отдохнуть. Каля попал в ярангу богатого эскимоса и с трудом сдерживался от смеха, когда старик-хозяин молился перед каждой едой. При этом все домашние закрывали ладонями глаза, очевидно в знак уважения к молящемуся и к богу. Никто, кроме Кали, в это время к еде не притрагивался. Кусочки оленьего мяса были разложены по тарелкам. У Кали, изголодавшегося на льдине, нехватало терпения переждать надоедливое священнодействие. Тарелка Кали быстро опустела.

Миссионер, одетый, как и все эскимосы, в меха, ходил по ярангам и, поправляя роговые очки, шептался с хозяевами. Его возмущало безбожие советских эскимосов, и он оберегал своих от появившихся безбожников.

Хозяева жаловались гостям, что худо стало жить на американской стороне. Перекупщики-спекулянты приходили к острову Лаврентия на пароходе и покупали только костяные изделия из моржового клыка, белого и голубого песка да китовый ус. Остальной продукцией промыслов они совсем не интересовались.

А гости с оживлением рассказывали американским сородичам, что весь их промысел состоит из добычи на советской земле — и шкуры, и жир, все, что добывается тяжелым трудом северный человек в студенном море.

Пятнадцать дней жила бригада на острове Лаврентия. Погода злилась, и на море не переставал бушевать шторм. Пятнадцать дней молились хозяева острова о ниспослании тихой погоды. Каля с товарищами подсмеивались над ними, так как они знали, что за такой продолжительный срок ожидания обязательно наступит перемена погоды, ветер стихнет или с северного изменится на южный.

Так и вышло. Шторм угас, и вельбот поплыл к родному берегу.

Касыга скучал на культбазе без Кали. Он ходил по берегу и все поджидал, не покажется ли где вельбот.

Наконец Каля вернулся, и товарищи вместе зашагали в интернат.

— Интересно было на море!

— Интересно было ночевать на льдине во время шторма в открытом море!

— Интересно было возвращаться на родину от чужих берегов!

Так рассказывал Каля своему другу о приключениях в Беринговом проливе. «Интересно» — было любимым словом Кали и Касыги.

После сытного ужина они долго говорили о том, что сейчас из Сиреник наверно уже едут эскимосы на вельботах и байдарках в Курупкан, из Чаплина в Пинкигней, куда подходят кочевые чукчи-оленьеводы со своими стадами меняться с береговыми эскимосами на лахтачи ремни для упряжи, на моржовые шкуры для яранг, на звериный жир для светильника.

V

Учитель Лаврентьевской культбазы поехал на Большую землю, в Ленинград. Через некоторое время он прислал письмо, в котором просил направить в Ленинград для учебы в Институте народов Севера лучших учеников. В Ленинград поехали Каля и Касыга.

Был конец октября — самое беспокойное время на море. На большом корабле «Хабаровск» молодым эскимосам во время шторма было куда тяжелей, чем на вельботе или байдаре. Им казалось, что они никогда не доберутся до берега.

Размахи судна были стремительны. Чемоданы Кали и Касыги, искусно сделанные из нерпичьей шкуры и украшенные резьбой из моржовой кости, катались по каюте, точно живые. Каля поймал их и привязал к коечной ножке. В каюте стало потише.

Петропавловск на Камчатке был первым большим городом на жизненном пути Кали и Касыги. Они приехали сюда ночью, и молодые эскимосы привели в изумление мощные прожекторы, расквашившие небо Камчатки.

Утром недалеко от пришвартованного к пристани «Хабаровска» проехали

грузовики. Кино, электричество, самолеты давно перестали быть для эскимосов новостью, но вот грузовиков ни Каля, ни Касыга ни разу не видели. И двухэтажные дома поразили молодых путников: яранга стояла на яранге и не легкие, из моржовой шкуры, а сложенные из тяжелого камня.

Каля и Касыга вместе ходили и ездили по городу, смотрели в зверинце разных зверей, никогда ими невиданных.

Ключевская сопка, островерхая и дымящаяся, напоминала Кале и Касыге далекую ярангу.

Никогда молодые эскимосы не видели такой красивой пристани, как во Владивостоке. На берегу высилось множество домов. Мощные улицы выглядели празднично. Асфальтовые тротуары приводили юных пешеходов в восторг. Им казалось, что по таким дорогам можно всю жизнь ходить и не уставать. Это не то, что по береговой гальке у родных берегов или по мшистой, кочковатой, заболоченной тундре.

На рейде стояло множество красивых пароходов.

...Находясь в вагоне железной дороги, Каля думал, что он мчится на нарте в далекую неизвестность. За окнами пролетают леса, горы, реки, селения, большие города... На Забайкальской железной дороге они вместе с Касыгой считали тоннели, но сбились, не досчитав до полусотни.

На станционных базарах продавали булки, молоко в бутылках и всякую снедь. Эта торговля с «зазыванием» немало забавляла будущих студентов.

Наконец поезд домчал их до Ленинграда. Каля и Касыга с особым интересом присматривались к шумным улицам, цветным огням светофоров, пестрым вывескам магазинов, многоголосой толпе.

— В этом городе жил и боролся Ленин, — задумчиво сказал Касыга.

— Да, и вместе с ним работал его великий ученик Сталин, — сказал Каля.

На троллейбусе поехали друзья в Институт народов Севера.

Через несколько дней Каля и Касыга одели морские шинели и фуражки с голубыми флажками Северного морского пути. Это была форма студентов Института народов Севера. Она больше всего подходила северянам, потому что почти все они были людьми моря, настоящими бесстрашными моряками.

СРЕДИ ТУНДРЫ ГОРОД ВЫМАХАЛ

Сказ колхозницы М. Р. Голубковой о Нарьян-Маре

Сказительница М. Р. Голубкова

Маремьяне Романовне Голубковой сорок четыре года. Она работает дояркой в Голубовском колхозе Нижнепечорского района Ненецкого округа.

Голубкова до революции прожила тяжелую жизнь: в детстве ходила по миру, потом батрачила. Единственным развлечением в ее тяжелой жизни были песни. Но какова жизнь — таковы и песни. До революции Голубкова пела грустные песни о тяжелой женской доле. К ним относится, например, сказ „Я не жизнь жила — горе мыкала“.

Только после Октябрьской революции Маремьяна Романовна узнала настоящую счастливую жизнь, и обо всем новом и радостном она рассказывает в своих песнях и сказах. Она откликается на

все происходящие события. О строительстве колхозов на Севере она сложила сказ „Мы пошли в поход на кулацкий род“, о Красной армии — „Сила храбрая, красноармейская“, о выборах в Верховный Совет — „Про выборы всенародные“. Впервые побывав в городе Нарьян-Маре, Голубкова и о нем сложила сказ, рассказав обо всем там виденном и пережитом. Ниже мы печатаем этот сказ, записанный и обработанный Ник. Леонтьевым в феврале 1938 года.

Не на давней поры-времени —
На моих годах мне-ка в памятку,
Не на дальней реке—на Печорушке,
На знакомых местах Белощельских,
Посередке тундры Большой земли,
Зачиналось тут дело многодельно,
Многодельно да многодумно.

Те места мы знали-вызнали,
Ко окияну морю ходючи,
Бечевою лодку тянучи.
Парусами где-ка бегучи,
Где на веслах шли на еловых,
Мимо тех мелей песчаных,
Мимо омутов глубоких,
По крутому бережку по правому.

На крутом-то бережку на правом
Ничего-то было не видно,
Окромя ли того желта песка,
Окромя ли той мелкой частой еры.

Как по тем ли крутым бережкам
Мы ходили бедны, моталисе,
По мелям по песчаным,
Уж мы клади тут перекладывали,
На себе лодки перетягивали,
На жолтом песку ноги вывертывали,
Себе веслами руки мозолили,
Бечевой себе плечи кровавили,
Проклинали ту путь-дороженьку,
К себе в помощь да ветры кликали,
Ветры кликали, Север гневали.

А Север-то на нас да не гневался,
Не гнал он нам в спину поветерь,
И снова мы шли своей силушкой,
Себе веслами руки мозолили,
Бечевой себе плечи кровавили,
Себе ноги о камни изранили,
О те ли о камни об вострые,
И снова ругались да плакались,
Проклинали ту путь-дороженьку,
Проклинали берега Белощельские.

Уж и те ли берега Белощельские,
Они были-то пусты-на-пусты,
Пусты-на-пусты, без строеньица,
Ни двора было, ни хижины.

Не на давней поры-времени, —
На моих годах, мне-ка в памятку,
Не прошло годов и десяточка,

Что по всей ли Печоре снизу до верху
Пронесли-то слух, да слух прославили:

Что во тех ли местах Белошельских,
Посередке тундры Большой земли,
Не пыль в поле поднимаетца,
Нарьян-Мар — чудной город разрастаетца:

Разостроился нов-хорош город
Добрым людям на дивованье —
Не с церквями да колокольнями,
Не с кабаками да не с казенками —
Со строеньями прекрасными,
Со домами да с хорошими.

Я в деревне жила — все не верила,
А теперь сама все увидела,
Все увидела, да уверилась —
Разостроился нов-хорош город:
Все-то улицы широкие,
Все дома ли высокие,
Все фатеры да обширные,
Все палаты-учрежденьица.

Я во тех ли палатах-учрежденьицах,
Я везде сама была, сама все видела.
Я не думала, что приснитца мне,
Я не думала, что привидитца,
Как при старом бы это времени,
Не приснилось бы, не привиделось,
А теперь все в глазах стоит.

Нарьян-Мар-от я насквозь прошла,
Все незнамое я вызнала,
Все несмотрено я высмотрела,
Приглянулся мне нов-хорош город —
Все что видела, все что слышала
Мне любохонько пало на сердце,
Мне милехенько пало в мысльцы.

Что во том ли самом во городе,
Среди хором-строеньицей
Есть большая хоромина:
Что во той-то хоромине
Тут дают ума в голову,
Научают полной грамоте.
Что во этой хоромине
Обучался мой старшой сын,
Добивался ума-разуму,
Проходил науку-грамоту,
Обучали его люди многоумные,
Многоумные да многоученые;
Не по-старому учили, не по-прежнему,

Как по-нашему да по-советскому.
Научился он полной грамоты,
Он достал ума-разуму,
Стал учителем народным,
Отдает теперь науку-грамоту
В Варандэе, в школе ненецкой.

Что во том ли во городе
Есть другая хоромина:
Что во той-то хоромине
Лекаря есть ученые,
Лечат все болести-хворости.
Что во эту-то хоромину
Я возила своих деточек,
Лекаря давали средство,
Исцеляли их от хворости
По наукам премудрым.
Что во том ли во городе,
Есть другие хоромины:
Во первой торгуют книжками,
Тонкой белою бумагою,
Тем ли перьем скорописчатым;
Во второй — пальтами-платьями,
Миткалями да сатинами,
Левонтерами да бархатом,
Что платками да подшалками;
Что во третьей — полсапожками,
Во четвертой — сдобой-булками,
Еще пряниками сладкими.

Я ходила, все оглядывала,
Все товары присматривала,
Выбирала я лучшее,
Покупала отменное.

Во другой-то хоромине
Уж я видела себе на-диво
Представленье чудесное,
Да картину антиресную:

Будто сам Емельян Пугачев
Со народом войной пошел
На дворян на помещиков,
На народных кровопивщиков,
На царицу-блудильщицу.
Емельян-от сложил голову
На той ли плахе кровавоей,
Как помещикам на весельице,
Мужикам на слезы горькие,
На печаль на великую.
Я смотрела и плакала
На его ли долю горькую,
Что на участь горемычную,
На несчастну-бесталанную.

Он бы дожил до нашей поры-времени,
Он увидел бы наше счастьеце,
Наше счастьеце мерой немеряно,
Он приехал бы на Печорушку,
Посмотрел на нашу жизнь колхозную,
Что на новую кака нать ему,
Он увидел бы здесь, как все идет,
Как все идет, да как все растет:

По краям моря поселки выросли,
Среди тундры город вымахал,
Нарьян-Маром он называется,
Красным городом величаетца.

Того ли Емельяна Пугачева-свет
Повела бы я его первым-на-перво
По всему по новому по городу,
Показала бы я широки улочки,
Все хорошие устройные палатушки,
Новы-тесаны строеньица,
Все ему на удивленьице,
Все отменные хоромины,
Со большима со окошками,
Со высокима лестницами,
Со фатерами обширными.
Завела бы я его в Окружной музей.
Где поставлена всяка-всячина,
Показала бы ему все богатство,
Все, чем славитца округ Ненецкой,
Чем силен-богат Нарьян-Мар-город.

Уж как те ли места Белощельские,
Они были раньше на отшибе,
Ото всей земли на стороночке,
Позабытые да позаброшены,
А теперь те места оприючены:
По Печоре они первы-на-первы.

Из Москвы идет в Нарьян-Мар-город
Путь-дорожечка прямоезжая;
Прямоезжая да прямолетная.
Что по этой-то путь-дорожечки
Приезжают-то люди ученые,
Прилетают-то да смелы соколы,
Смелы соколы, да наши летчики.

Из-за синя-моря да из дальних земель,
Из дальних земель да чужестранных,
Что из наших далеких краев,
Из далеких краев, из больших городов
Приплывают к нам в Нарьян-Мар-город
Богатые корабли черные
С товарами да со продуктами,
Со всяким разным богатством.

И знают все от старого до малого,
 Что стоит на Печоре Нарьян-Мар-город ...
 Нарьян-Мар-от наш, тундровой город,
 Не на давной поры-времени, —
 Не прошло годов и десяточка,
 Во глухих местах Белошельских
 Он как деревцо в тундре выращен,
 Он как в день один в тундре выстроен,
 Рощен он все заботами Сталина,
 Строен силушкой большевицкою.

В. СЕНКЕВИЧ

ХАНТЭЙСКИЙ ПОЭТ

В 1937 году в газете «Остяко-Вогульская Правда» появился ряд хантэйских стихов Григория Лазарева — первого хантэйского поэта.

Лазарев — комсомолец, студент четвертого курса Хантэ-Мансийского педучилища. Он начал писать стихи с 1935 года, но его первые произведения были неудачны. Три года понадобилось Лазареву на то, чтобы стать на единственно правильный путь — национально-социалистического по форме и по содержанию творчества.

У Григория Лазарева нет предшественников, так как у хантэ не было художественной литературы, ее функции выполняет только устное народное творчество. К этому-то роднику народной поэтики и обратился молодой поэт. Несмотря на ряд стилистических недочетов, неизбежных у молодых поэтов, нынешние стихи Лазарева — это уже настоящие поэтические произведения, первые ласточки зарождения хантэйской художественной литературы.

У хантэйского народа есть три вида поэтического фольклора: героическая народная поэзия (былины о богатырях), тотемистический эпос (песни медвежьего праздника) и бытовые лирические песни. Хантэйскому языку свойственна поэзия без рифмы. Отсутствие рифмы в хантэйском народном стихосложении заменяется музыкальным сочетанием слов в каждой поэтической строке. В лексике хантэйского языка стремление к благозвучию выражено целым рядом фонетических законов. Например, хантэйские слова никогда не начинаются с двух рядом стоящих согласных букв; поэтому, например, русские имена Григорий и Прасковья превратились у хантэ в Кирпур и Пурсаль.

Еще большей требовательностью к благозвучному сочетанию слов и целых куплетов отличается хантэйское устное

народное творчество. Хантэйские народные сказители (аринлюс-хо, что в дословном переводе означает песенно-сказочный человек) уделяют исключительное внимание мелодичности сочетаний слов и целых строф. Для этого они стараются не употреблять рядом слов, начинающихся с одинаковой согласной, например «хув хоп» (длинная лодка); избегается также соседство фонетически близких слов, вроде «интом антом» (теперь нет).

Другой, не менее оригинальной особенностью хантэйской народной поэтики является смена стихотворного размера в местах, акцентируемых автором, и в наиболее драматических моментах. С эстетической стороны этот прием очень удачен, так как изменение ритма сразу привлекает к этому месту внимание слушателей.

На эти законы хантэйской народной поэтики опирается в своем творчестве Лазарев и, кроме того, ищет новые пути, углубляя и расширяя стиль народного стихосложения.

Особенно большое внимание уделяет Лазарев благозвучному сочетанию слов, или так называемой звуковой инструментровке каждой поэтической фразы. Приводим пример из одного наиболее удачного стихотворения Лазарева, носящего название его родной реки — «Обь», по-хантэйски Ас:

Ма люстем нангет Ас!
 Ма нехаттым онпем.

Автор, стремясь к музыкальности строки, избегает часто встречающихся в хантэйском языке резких односложных слов. Избегать односложные слова приходится не только из-за их резкости, но и из опасения, чтобы они, слившись с соседним словом, не дали бы нового понятия. Например, если рядом поставить слова: «и мет вууп», что означает

«и самый великий», то два первые слова могут слиться в одно и дать «имет вууп», что означает «женщины великие».

Подобно народным хантэйским певцам, Лазарев часто меняет стихотворные размеры внутри одного произведения. Этим свойством хантэйской поэтики он пользуется еще шире, чем хантэйская песня, изображая каждое поэтическое настроение или образ в новом ритмическом оформлении. Эта своеобразная ритмическая трактовка образа особенно ярко выступает в его «Оби».

Оби! Я люблю тебя
Больше всей природы.
Ты люлькой мне была
В младенческие годы.

Я качался на волнах
В лодке одинокой,
Вырос на твоих глазах
Синих и глубоких.

Книзу много раз
Чайки плыли быстрой.
Не охватит глаз
Ширины твоей.

Крапивы волокна
Легче лодка моя,
Качаясь слегка,
Вдаль плыла, плыла, плыла.

Разной рыбы не сочтешь
В твоих водах.
Ты их кормишь, бережешь
Для обского народа.

И весной, и летом теплым
У твоих берегов
Ходят неводные лодки
Хантэйских рыбаков.

В ясную погоду
Ты зеркала ровней,
Но ветер лепит горы
Из глубины твоей.

Зимой мороз остановит
На север стремления твой,
Одеялом снежным покроет
Голубое лицо Оби.

Весной ты вновь блистаешь
Беспредельной глубиной,
Я песнь о тебе слагаю —
Поэт, возвращенный тобой.

Каждое четверостишие этого стихотворения имеет своеобразное ритмическое оформление, которое переводчик постарался сохранить и в русском переводе. В первом куплете, говоря о любви к родной реке, автор взял стихотворный размер хантэйских героических песен, своим спокойным величием импонирующий глубине этого чувства.

Второе четверостишие своей ритмикой пытается иллюстрировать легкое покачивание лодки при спокойной погоде.

Третья строфа изображает ускоренный бег лодки по течению. Четвертый куплет еще ярче изображает это быстрое скольжение по волнам хантэйской лодочки (ай хоп). Если продолжать ритмический анализ этого стихотворения, то в каждом его четверостишии мы найдем тесную связь поэтического ритма с образом или настроением, изображенным в нем. Дополнение образа ритмической трактовкой — одна из основных особенностей хантэйской народной поэтики. Ритмическим разнообразием народные певцы стремятся возместить недостаток эпитетов и определяющих слов в хантэйском языке. Это стремление творчески воспринял поэт Лазарев, и от этого его стихи тесно связаны своими поэтическими корнями с хантэйским устным народным творчеством. Еще рельефнее связь с хантэйским фольклором в поэтических сравнениях Лазарева:

Крапивы волокна
Легче лодка моя.

Это сравнение, указывающее на исключительную легкость предмета, описывает старинный хантэйский способ выделки холста из крапивы и часто встречается в героических былинах у хантэ.

В пятом куплете стихотворения, также как и в хантэйском фольклоре, Обь и другие реки часто воспеваются как народные кормильцы. Этот же мотив встречается и в песнях мансийских рыбаков, называющих свою реку «питательной Юкондой». Во второй части куплета поэт называет хантэ «обским народом». Это название широко распространено у среднеобских хантэ в фольклоре и в быту.

Еще ближе к хантэйской народной песне небольшое стихотворение Лазарева «Молодой охотник — новый человек». Недаром оно сразу стало песней: студенты-националы переложили его на хантэйский народный напев и поют его соло и хором.

Я в лесной глуши родился,
Вырос средь седой тайги.
Я ребенком научился
Делать лыжи и ножи.

Зверей, белок убивая,
Все урманы исходил
И в родной тайге не мало
Я тропинок проложил.

Стал я грамоте учиться,
В городе живу,
Чтоб культурным возвратиться
В дальнюю тайгу;

Чтобы ленинской тропой
Повести родной народ
Большевицкою, прямою,
Куда Сталин нас ведет.

В Елогуйской тайге

Фото С. Малобичко

Оригинальна в этом стихотворении строчка: «Зверей, белок убивая», указывающая на своеобразную особенность хантэйской промысловой терминологии, по которой белка не считается зверем, подобно тому как щука не считается рыбой. Например, охотник хантэ может сказать: «ни одного зверя не убил, только белок настрелял». А рыбацк скажет: «Я продал много рыбы и щуки».

По своей форме это стихотворение относится к очень распространенному у хантэ жанру — лирической песни-портрета. Хантэ любят слагать такие песни о самих себе и о своих близких. В этом произведении Лазарева подлинно народная форма гармонически сливается с новым социалистическим содержанием. Автор вводит здесь аллгорию: молодой охотник проложил в тайге охотничьи тропинки, по которым идут охотиться его земляки. Обучившись грамоте, этот охотник возвращается в родные места и показывает своему народу великую ленинскую тропу, по которой ведет к счастью и победам нашу родину Сталин.

Гармоническая связь народного стиля с социалистическим содержанием — одно из основных достоинств лазаревского таланта. Уменье найти простые, понятные слова для поэтического оформления новых социалистических идей и образов помогает Лазареву еще крепче сроднить нашу эпоху со своим народом. Чувствуя в себе эту способность, Лазарев берется за такие ответственные темы, как поэтические образы вождей революции Ленина и Сталина. Искренность чувства и величественная простота народного стиля помогают поэту осилить эту творческую задачу. Стихотворение: «Мунг питевны Ленин» — «С нами Ленин» особенно удалось Лазареву, несмотря на некоторую наивность отдельных строк. В первой части стихотворения поэт описывает любовь хантэйского народа к Ленину и его горе в момент утраты великого вождя. Далее идет поэтическое объяснение, за что так любят Ленина хантэ. Ленин показан здесь как освободитель от капиталистического ярма, уничтоживший навеки нужду и голод хантэйского народа.

Ты прогнал метели, туманы.
Реки рыбные и урманы
Ты отдал беднякам голодным.

Далее поэт говорит о Ленине как о мудром руководителе партии и нашей

родины, потеряв которого осиротели все народы Советского Союза:

Кто нам путь укажет?
В тайге тропинок так много,
Кто нам по-ленински скажет —
Вот эта к счастью дорога?

Задав этот вопрос, Лазарев отвечает на него и дает краткими штрихами образ Сталина:

Кто в непогоду и в бурю
Нашей ладьей будет править?
Кто нашим солнцем будет?
Лучший друг Ленина — Сталин!
Ленинской силы Сталин
Народные весла берет,
Лодкой по-ленински правит,
К свету и счастью ведет.

Вот последнее четверостишие, в котором поэт сравнивает Сталина с самым благородным образом хантэйского героического эпоса — орлом:

Мой лыжный северный народ,
Тебя, наш вождь любимый,
Звездю яркою зовет —
Орел наш стальнокрылый!

К последним достижениям Лазарева относится удачный перевод «Интернационала» на хантэйский язык.

В творчестве Лазарева наряду с достоинствами — искренностью, народной образностью и простотой языка — имеется ряд недостатков, свойственных начинающим поэтам. Прежде всего это излишнее увлечение газетным непоэтичным языком, в котором он видит большую культуру, но не замечает его прозаичности. Эти прозаизмы буквально испортили некоторые его стихи, например «Юрмунг мусев» («Сильна наша страна»).

Иногда Лазарев не уделяет должного внимания звуковой инструментровке строф, и тогда у него получаются стихи менее благозвучные, чем хантэйское устное творчество. Эти недочеты Лазарев постепенно преодолевает в процессе творческого роста. Но для того, чтобы окончательно избавиться от всех этих недостатков, Лазареву необходимо учиться у лучших мастеров художественной литературы и у хантэйских народных певцов. Только при условии соединения природного таланта с высокой культурой из Лазарева может вырасти художник.

ЭТО ВОЗМОЖНО ТОЛЬКО В НАШЕЙ СТРАНЕ

На себе я вижу, что дала нам партия Ленина — Сталина и советская власть, какую большую заботу они проявляют к трудящейся женщине.

Я якутка с Дальнего Севера — Якутии. Раньше я не видела радости труда — была батрачка, не имевшая никаких прав. Но советская власть раскрепостила женщину, сделала ее равноправной, активной участницей социалистического строительства.

В 1932 году я вступила в колхоз, и сейчас — стахановка пушного промысла. Ежегодно выполняю план пушного добывчи на 200—400%.

За стахановскую работу в этом году послали меня на экскурсию в Москву — Красную столицу нашей родины. Я увидела всю страну во всем ее величии. Я отдыхала в санатории в Крыму, отдохнула как нельзя лучше.

Какое счастье нам жить в Сталинскую эпоху, когда народ поднят Лениным и Сталиным из бездн бесправия и темноты на вершины радостной и счастливой жизни! Могли ли раньше народы Севера и мы, якутские женщины, мечтать о такой счастливой жизни?

Несколько слов о нашем колхозе.

Село Темтор, где я родилась и выросла, в прошлом — пустое место. Там до революции стояла деревянная церковь да поповский дом. Вот и все. А сейчас там выросло большое село. С 1926 года существует начальная школа. В 1931 году был организован колхоз «Большевик», который в этом году объединяет 105 хозяйств, где я теперь работаю заместителем председателя правления.

В колхозе имеется 30 промысловых охотников, колхоз ежегодно выполняет пушную заготовку на десятки тысяч рублей.

Колхозники живут культурно и зажиточно. Раньше у нас люди жили в юртах. Теперь же колхозники колхоза «Большевик» живут в уютных новых домах. В колхозе имеются детские ясли,

детская площадка, новые постройки — оленьи дворы и т. д.

В колхозе ликвидирована неграмотность. Безвозвратно потонуло прошлое с грязными юртами, попами, шаманами и купцами. Созданы новая жизнь и новые люди.

Хочется сказать и о недостатках в нашей работе. Не скрою, что мы еще далеко не все сделали в развертывании стахановского движения. Слабо еще развито социальное соревнование между охотничьими бригадами.

В нашем колхозе из 30 охотников только 7 стахановцев. Опыт передовых охотников еще не сделан достоянием всех колхозников. Нужно чаще устраивать слеты охотников для обмена опытом. Это поможет подтянуть отстающих до уровня передовых.

Мешает нам еще и то, что нередко ощущаются недостатки в снабжении охотобоеприпасами. Нехватает огнеприпасов, отсутствуют тозовские патроны, нет железных листов для печей, не хватает палаток. Капканы есть, но плохого качества.

Наша промышленность, в частности местная, обязана снабдить охотников Крайнего Севера всем необходимым промысловым оборудованием. И тогда мы еще больше добудем нашей стране богатств Севера.

Все эти недостатки мы постараемся изжить стахановской работой. Поручкой тому является забота о нас со стороны партии и правительства, товарища Сталина. Несмотря на все недостатки и трудности работы в условиях Крайнего Севера, мы под руководством партии добились больших побед и быстро идем в гору.

От имени всех колхозников колхоза «Большевик» благодарю партию и правительство за хорошую жизнь, за то, что они привели нас к счастливой и радостной жизни, дали нам великие права советских граждан.

УСИЛИМ БОРЬБУ ПРОТИВ ШАМАНСТВА!

— Как известно, шаманство в прошлом было верхней опорой царизма, родовых старейшин и местных богачей, их наиболее действенным отрядом идеологического поражения широких масс трудящихся национального населения Крайнего Севера. Влияние шаманов сказывалось на экономике и быте десятков тысяч семей: шаман «лечил» оленя, собаку; шаман «лечил» людей; шаман вмешивался в дела семьи, разрешал ее споры, воспитывал ее в покорности духам, царским властям и местным богачам; шаман проецировал свой голос при решении общественных вопросов.

Одним словом, шаманство было и осталось реакционной силой, стремящейся тормозить развитие культуры, было и осталось опорой контрреволюции.

Безусловно, за годы советской власти положение в корне изменилось. Партия и правительство оказывают народам Севера исключительную помощь и поддержку в деле развития хозяйства и культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. Организация производственных товариществ и артелей; создание сети пушных факторий и пушно-промысловых станций; организация рыболовецкого хозяйства Крайнего Севера; открытие огромной сети больниц, школ, ликвидация неграмотности, создание культбаз; техникумы и институты для народов Крайнего Севера; появление на Крайнем Севере полярных станций, производственных предприятий, портов, авиации, тракторов, глассеров, пароходов, вездеходов, метеостанций, радио, книг на национальном языке — все это нарушило старые кабальные и эксплуататорские отношения на Крайнем Севере, невиданно подняло культурность, классовую сознательность и политическую грамотность широких трудящихся масс.

Все это привело к созданию своей национальной интеллигенции, большого количества рабочих из местных национальностей; вызвало к жизни и дало блестящий расцвет национальной самостоятельности; резко ограничило кабальные устремления местных кулаков и полуфеодалов и подорвало почву их идеологического орудия — шаманства.

* * *

В настоящей статье¹ мы хотим показать, главным образом, пути преодоления влия-

ния шаманов в их «монопольной» области — в области врачевания людей, а также формы контрреволюционной подрывной работы шаманов.

Преодоление предрассудков, боязни лечиться, усиленно поддерживаемых и распространяемых кулаками, местными националистами и их агентурой — шаманами, требует настойчивой и гибкой агитации, показа примером превосходства науки над домашними и тем более шаманскими «способами» лечения.

Покажем это на примере работы Чукотской культбазы.

Шаг за шагом в борьбе с классовыми врагами больница Чукотской культбазы отвоевывала население от часто смертоносных «методов» лечения, применяемых шаманами. Наличие в больнице испытанных полярников, любящих свою работу, авторитетных врачей, руководивших больницей тт. Кузьминой Е. П. и Леонтьева Ф. Л., улучшение партийнополитической работы на культбазе — самым сильным образом подняли доверие широких масс луораветланов к больнице и подорвали влияние шаманов в области врачевания. Об этом свидетельствует ряд фактов.

— Гражданка Р. из села Яндагай, — рассказывает врач Кузьмина, — летом прошлого года была взята на учет бригадой курсантов медсестер как беременная. Р. страдала заболеванием желудка, следствием чего у нее бывали частые метеоризмы. Это ввело ее в заблуждение относительно сроков беременности, и она обратилась за «советом» к шаману. Шаман сделал «заключение»: беременность тянется больше года и самостоятельно, без его помощи, роды произойти не могут, она умрет. Р. была очень напугана. Под влиянием шамана она решила, что беременность действительно продолжается больше года. Она потеряла сон и аппетит. Но после продолжительных сомнений и колебаний она все-таки отказалась от помощи шамана и поехала в больницу. Здесь выяснилось, что до родов оставалось еще два месяца. Приезжали женщины из Яндагай ее проведать, рассказывали, что шаман очень сердится. В селении спорили и гадали, что будет с Р.: «останется ли она жить без помощи шамана?» Благодаря нормальному питанию и лечению явления метеоризма у нее стихли, самочувствие улучшилось. Она родила прекрасную девочку 4 кило весом. После родов была счастлива. Грозил кулаком и говорила: «Плохой шаман, врет шаман!» Культбаза устроила торжественные октябрины, и с богатым приданым она уехала домой.

¹ Статья написана по материалам Чукотской культбазы и совещания по антирелигиозной работе при Институте народов Севера.

Медицинские сестры и санитарки (дуораветланки) Чукотской культбазы

Фото Т. Семущкина

Или вот еще интересный факт.

У одного старика из селения Аккани была флегмона грудной клетки. По предсказаниям шамана он должен был умереть. Об этом сообщили дуораветланы на культбазу. На место выехала за стариком сестра-дуораветланка. Она сумела уговорить старика и привезла его в больницу, где ему сделали операцию. В результате больной стал выздоравливать и выписался из больницы в хорошем состоянии. Во время нахождения больного в больнице все селение Аккани разделилось на два лагеря — молодых и стариков. Первые были убеждены, что больной в больнице поправится, вторые утверждали, что больной в больнице умрет, так как шаман не смог его вылечить. Ходом болезни очень интересовались как те, так и другие. Навешали каждый день. По выздоровлении больного шаман окончательно подорвал свой авторитет.

Так постепенно Чукотская культбаза отвоевывала у шаманов их «клиентуру», дуораветланов и эскимосов, у которых авторитет врачей и больницы поднялся очень высоко.

Более того, даже сами шаманы, не веря, конечно, в свое «лечение», заболевая, сами стали обращаться в больницу за помощью, что еще больше подорвало их «авторитет» как «лекарей».

В результате проделанной работы больница культбазы имеет определенный успех в области отрыва больных от «врачевания» шаманами: если в 1933 году в больнице насчитывалось 2375 койкодней, то уже к 1937 году было 5139, а в 1938 году еще больше. Обращаемость в амбулаторию,

первичная и повторная, также резко поднималась.

Все эти факты говорят о небывалом росте доверия национального населения к мероприятиям партии и правительства по физическому оздоровлению населения Крайнего Севера. Это находит свое выражение и в резком увеличении обращаемости женщин, и в том, что родители перестали бояться приводить в больницу своих детей. Резко подорван «авторитет» шаманов в их наиболее сильной области — в области «врачевания», что с неизбежностью подорвало также и их политическое влияние на местное население.

* * *

Первую серьезную попытку организовать антирелигиозную пропаганду предприняла неполная средняя школа Чукотской культбазы. В 1937 году 7 человек эскимосов впервые окончили семилетку в заливе Лаврентия на Чукотской культбазе. Вот что рассказывает об антирелигиозной работе в школе педагог А. А. Красинская:

— Впервые попав в интернат, ребята не знали, как ложиться на постель. Они никогда не бывали в бане, не стирали свою одежду, так как шаманы запрещали вывешивать мокрое на улице: «если вывешивать мокрое на улице, то будет плохая погода, плохая охота». В долгие пуржливые вечера ребята занимались под руководством директора школы И. К. Воблова в краеведческом кружке. Сначала очень трудно было добиться полной открытости от ребят, особенно молчаливы были девочки. Как впоследствии выяснилось, перед их отправкой в школу с ними не раз

беседовали шаманы и запрещали рассказы-
вать о верованиях и быте эскимосов. Но
скоро ребята освоились в новой обстанов-
ке, привыкли к нам.

Много ценного и интересного расска-
зали ребята. Они рассказывали о праздни-
ках эскимосов, о роли шамана в них. Ре-
бята не только рассказывали, а и сами за-
писывали отдельные случаи подрывной ра-
боты шамана. Например, Ктуге написал на
эскимосском языке и затем перевел на
русский язык яркую и содержательную
пьесу «Шаман». Он же написал антирели-
гиозные стихи о шамане. Ачиргин, Умка-
уге, Касыга также написали несколько
статей о верованиях эскимосов, дали це-
лый ряд зарисовок отдельных моментов
праздников. Особенно ценно то, что ре-
бята самостоятельно делали вывод о том,
что шаман всегда дружен с богачем, ша-
ман помогает богачу. Каждый комсомолец
и пионер был воодушевлен стремлением
жить по-новому, «по социализму», как они
говорили, а не по старым шаманским за-
конам.

Ребята действительно сумели свои
знания, свои навыки, полученные от педа-
огогов и врачей, прививать в селениях. Они
ввели в селениях Сиреники, Чаплино
утреннюю физзарядку. Приятно было смот-
реть, как молодежь высыпала утром на
морской берег и организованно занималась
физзарядкой. В школе все ребята соревно-
вались друг с другом, и надо сказать, что
они очень серьезно относились к своим
обязательствам. Методами соцсоревнова-
ния они работали и в селениях, соревно-
вались — чья яранга чище, культурнее.
О своих достижениях они радостно писа-

ли нам: «У нас теперь в ярангах умыва-
ются, едят из отдельных тарелок». Нам,
педагогам, это было лучшей наградой за
упорную работу.

Не только медпомощью и работой шко-
лы предстояло культбазе завоевать влия-
ние и авторитет среди местного националь-
ного населения. Выезды работников в се-
ления привели к такому положению, что
луораветланы и эскимосы, разрешая свои
повседневные нужды, стали обращаться в
культбазы за помощью и советом по са-
мым разнообразным вопросам своей произ-
водственной жизни и быта. Культбаза ста-
ралась быстро найти ответ и помочь нац-
совету, колхозу. Вопросы, касающиеся
районных организаций, культбаза переда-
вала непосредственно в район, и при ее
участии эти вопросы разрешались.

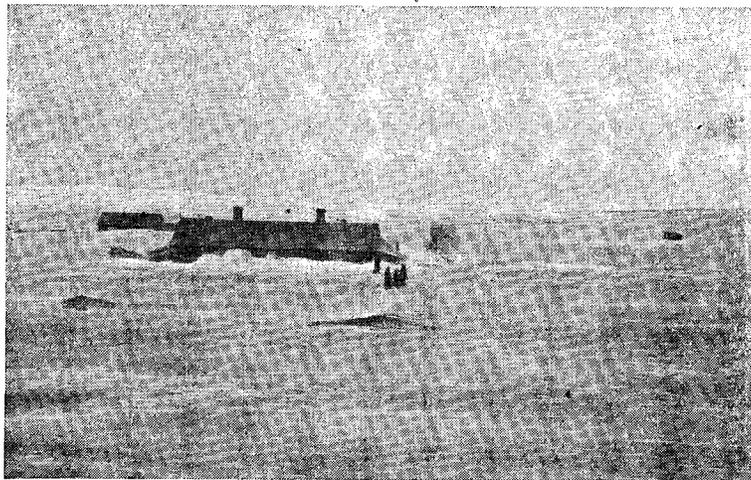
Культбаза попыталась помочь нацио-
нальной молодежи, которая речке, чем ста-
рики, проявляет сдвиг в сторону отхода от
влияния шаманов и стремление к культур-
ным формам быта. В этом отношении по-
казателен следующий факт.

— Шаман Анкауге, — сообщается в от-
чете культбазы, — предложил жителю се-
ления Пинакуль, Кияуге, перебраться к
нему по соседству со своей ярангой на
совместную охоту. Кияуге перенес свою
ярангу. Через некоторое время Анкауге
всякими угрозами требует у Кияуге пере-
вести его дочь, 18-летнюю Кавав, к нему
на жительство в ярангу. Отец под давле-
нием шамана, под влиянием его угроз, со-
гласился, и на второй день Анкауге, 54-
летний старик, предлагает Кавав сожи-
тельство. Кавав убегает от него на культ-
базу и просит устроить ее на работу и

На занятиях
в Уэленской
школе

Фото Т. Семушкина

**Постройки Чу-
ботской культ-
базы**

Фото И. Воблова

одновременно подает заявление в нацсовет о защите ее от преследования шамана. Кавав осталась работать в больнице санитаркой. Анкауге не оставил своих преследований ее через родителей. Тогда культбаза предложила Кияуге перебраться на культбазу со своей ярангой, что он и сделал, получив на культбазе работу.

Укрепление связи культбазы с местным населением подняло авторитет культбазы и местных советских органов и, естественно, вызвало яростное сопротивление шаманов и кулаков, влияние которых местные органы советов и колхозов стали подрывать смелее и действеннее.

В селении Яндыгай, насчитывающем 18 яранг, в 1936 году было пять шаманов, имевших родственные связи среди населения Яндыгай. Культбаза по договоренности с риком выделила в школу Яндыгай учителя-комсомольца т. Зорина в помощь нацсовету. Там он, наряду с педагогической деятельностью, проводил работу и по нацсовету. С приездом т. Зорина преднацсовета т. Аттуги резко усилил борьбу с шаманством. В результате этого выселили шамана Анкауге.

Другой шаман, Онно, стал шаманить среди населения Яндыгай двурушническими методами: выступая на собраниях, он «критиковал шаманов», в то же время занимался браговарением, спивал население. Часто появляясь в пьяном виде среди населения с винчестером, он угрожал расправиться с советскими работниками. Он подготовил среди шаманов почву для классовой мести, которую совершил другой шаман, Таюги, выстрелом убивший председателя нацсовета т. Аттуги. Убийцу арестовали. И лишь после этого было изолировано гнездо шаманства в селении Яндыгай.

Шаманы везде выступали и выступают, скрыто и открыто, против всех мероприя-

тий партии и правительства. Шаманы были и остаются злейшими врагами трудящихся Крайнего Севера.

На состоявшемся 23 июня 1938 года при Институте народов Севера совещании выступавшие студенты и курсанты привели много ярких примеров подрывной работы шаманов.

Там, где революционная бдительность была слаба, шаманы всевозможными провокационными выпадами пытались сорвать выборы. Шаманы агитируют против вступления в колхоз. Они тихой сапой пролезают в колхоз, пытаются взорвать его изнутри методом расхищения колхозной собственности: в Большеземельской тундре один шаман попал в колхоз. Потихоньку он начал распродавать колхозных оленей. Стадо уменьшилось. И лишь потом обнаружили это и разоблачили шамана.

Шаманы неустанно запугивают взрослых и детей, требуя не посылать детей в школы.

Тов. Аксенов (Авамский район, Таймырского округа) рассказал о следующем выступлении шамана: «Если вы отдадите в школу своих детей, то их возьмут в город, отправят на войну, они там погибнут, и вы их не увидите». А детей он так наставлял: «Вы не ходите в школу, а когда за вами придут, то вы плачьте, плачьте, а в школу не ходите».

Тов. Христофоров (Хатангский район) тоже привел пример «агитации» шамана среди родителей: «Не надо учить, ученый умрет — будет кипеть в смоле, а верующий понадет в рай».

— В Ямальском округе проводили противощепную прививку, — сообщила т. Ануфриева, — шаманы немедленно откликнулись: «Остой должен переболеть каждый человек. Это — закон природы. А делать прививку оспы очень вредно».

Партия и правительство вынесли историческое решение о материальной помощи многосемейным. Шаманы не обходят и это решение. Тов. Евсюгин (Мезенский район, Архангельской области) рассказал о таком факте:

— У моего дяди 7 детей. Ему прислали извещение, чтобы он получил 2000 рублей правительственной помощи. Тогда шаман ему говорит: «Не ходи получать эти деньги, этим ты продаешь своих детей, и они не будут тебя кормить в старости».

В район прибыли прекрасные продавцы-стахановцы. Шаман опешит и их всячески дискредитировать.

Впервые прибыл сахар в селение. Шаман тут как тут. Как известно, сахар при нагреве краснеет. Это дало повод шаманам для пакостной «агитации»: «Не надо кушать сахар, он сделан из человеческой крови».

И так далее, и тому подобное.

Что бы партия и правительство ни предприняли для подъема материального и культурного уровня национального населения, шаманы выступают как контрреволюционные толкователи этих мероприятий, всеми силами стремящиеся их затормозить, сорвать.

* * *

При всех этих фактах картина была бы не полной, если бы мы умолчали о серьезных недостатках в антирелигиозной работе Чукотской культбазы.

Первый и наиболее серьезный недостаток — это недопустимый самотек в антирелигиозной работе. Все, что мы ранее показывали, это результат работы больницы. Сам факт культурного лечения агитирует против «лечения» шаманом. Но эти факты не использованы для глубокой, организованной антирелигиозной пропаганды.

Культбаза, за исключением школы, совершенно не вела и не ведет серьезной антирелигиозной работы. Ни кружков, ни лекций, ни докладов, ни общества воинствующих безбожников — ничего этого на культбазе нет.

Второй недостаток — отсутствие какого-либо изучения методов и форм подрывной работы шаманов, их приспособленчества к новым условиям, а это знать необходимо, чтобы вооружиться в борьбе с шаманами.

Следует отметить, что и Отдел культуры Главсевморпути за последние годы совершенно не интересовался вопросами антирелигиозной работы на культбазах, проявив тем самым недопустимую политическую недооценку борьбы с шаманством. В Отделе культуры ни анализа антирелигиозной работы в культбазах, ни директив о формах и методах борьбы с шаманством, — ничего этого не было. Отдел культуры также не позаботился о выпуске про-

тивошаманской литературы и плакатов на национальных языках, предоставил культбазы в антирелигиозной борьбе самим себе.

Ясно, что антирелигиозная работа на культбазах должна быть усилена — усилена резко и решительно.

Но прежде всего сам Отдел культуры должен взяться за дело так, как этого требует партия — со всей большевистской серьезностью, гибкостью и настойчивостью, используя и распространяя лучшие образцы антирелигиозной пропаганды, которые имеются на отдельных культбазах, строжайше учитывая специфические национальные особенности отдельных районов Крайнего Севера.

Отдел культуры, связавшись с Союзом воинствующих безбожников, должен помочь изданию противощаманской литературы и плакатов на национальных языках, тщательно изучить весь имеющийся материал с культбаз в отношении антирелигиозной пропаганды и организовать систематическое и конкретное руководство этой работой в культбазах.

На самих культбазах следует приступить к организации Союза воинствующих безбожников, который должен широко развернуть свою работу, опираясь на национальную интеллигенцию: учителей школ, агрономов, зоотехников, воспитателей, врачей и др.

Продуманные, глубокие, основанные на строго проверенных фактах лекции и доклады должны проводиться на культбазах систематически. Наиболее проверенных, психически грамотных и выдержанных лекторов — преимущественно из товарищей местных национальностей — следует командировать в стойбища. Лекции и доклады должны иллюстрироваться примерами, фактами и сопровождаться показом диапозитивов, плакатов, фотоснимков.

Словом, агитация должна быть предметной, образной и яркой, разоблачающей реакционность и контрреволюционную сущность шаманства.

Необходимо организовать в среде национальной интеллигенции и в среде учеников старших классов кружки антирелигиозной пропаганды, в которых работа должна быть поставлена на высокой научной основе.

Все это даст возможность подготовить серьезные кадры антирелигиозников для организации более широкой и массовой противощаманской борьбы.

Борьба с шаманизмом тем более необходима и возможна, что прошедшие выборы в Верховные Советы показали небывалый рост политического сознания масс национального населения, их любовь и преданность делу партии Ленина—Сталина. Эту возрастную активность надо использовать в борьбе с шаманизмом.

ГОВОРЯЩАЯ КАРТА АРКТИКИ

ЗЕМЛЯ ФРАНЦА-ИОСИФА

В истории географических названий встречаются нередко внутренние противоречия, досадные неувязки и неудачно выбранные термины.

Случаются в области географических открытий и такие явления, когда никем не открытые в сущности земли появляются на карте мира, а потом приходится их «закрывать», когда выясняется, что на самом деле их не существует.

Наконец, бывает и так, что открывают землю, так сказать, заочно, никогда и в глаза ее не видев, а лишь по догадке, по некоторым физико-географическим или иным признакам, которые привлекли внимание пытливого человека.

Все эти три случая как раз и относятся к архипелагу Франца-Иосифа. Раскроем же карту этой земли и заставим ее рассказать нам о происхождении некоторых ее названий.

Карта этого архипелага имеется в томе 58 «Большой Советской энциклопедии». Она сделана в красках, и на ней весьма отчетливо показан целый десяток маршрутов важнейших научных экспедиций, начиная с первой экспедиции Пайера и Вейпрехта (1872—1874) и кончая советскими, а также детали острова Гукера с бухтой Тихой, где находится советская метео- и радиостанция.

Географическое название «Земля Франца-Иосифа», данное этому полярному архипелагу открывшими его австрийцами, не может быть принято нами на карте советского сектора Арктики как должное. Этот император сразу же по занятии «престола» жестоко расправился с венгерской революцией при помощи русского царя (1849). Досадно звучит этот термин еще и потому, что Франц-Иосиф не имел, в сущности, никакого отношения ни к географической науке, ни к организации австро-венгерской экспедиции Пайера и Вейпрехта.

Тогда возникает вопрос: какое же имели отношение к Арктике Пайер и Вейпрехт?

Юлий Пайер состоял профессором истории в венской военной школе, но, наряду с этим, провел большую и длительную работу по военно-стратегической съемке австрийских и тирольских Альп. Это была, несомненно, и чисто географическая работа. Альпинизм дал ему физическую закалку и тренировку передвижения среди льдов. Отсюда нетрудно будет понять участие Пайера в экспедиции Кольдевея в Гренландию в 1869 году, во время которой он уже пристрастился к Арктике. Вскоре же после гренландской экспедиции он принял участие в другой, организатором которой явился лейтенант австрийского флота Вейпрехт: в 1871 году оба они плавали в Баренцовом море между Шпицбергом и Новой Землей.

В следующем году, на частные средства Вильчека и Зичи, была снаряжена полярная экспедиция на судне «Тегетгоф», под начальством Вейпрехта, с целью достичь возможно более северных широт, опять-таки между Шпицбергом и Новой Землей.

Вернувшись из этой экспедиции и выйдя в отставку, Пайер, как художник-живописец, стал служить Арктике кистью и карандашом. Он написал целый ряд картин, в том числе свою известную картину «Назад — никогда!». Эта картина производит сильное впечатление даже в репродукциях, помещаемых в книгах о завоевании Арктики, а оригинал ее получил в свое время высокую оценку на художественной выставке 1883 года в Мюнхене, где автор получил за нее золотую медаль. Не меньшее впечатление производит и другая его картина: „«Тегетгоф», покинутый во льдах”.

Заслуги Вейпрехта перед Арктикой тоже значительны. Помимо своих полярных путешествий, проделанных с Пайером, Вейпрехт выпустил целый ряд научных трудов в этой области и выдвинул замечательный план систематического исследования полярных стран путем устройства наблюдательных станций.

Земля, открытая заочно

Прежде чем приступить к повествованию о том, как и при каких обстоятельствах была открыта Пайером и Вейпрехтом Земля Франца-Иосифа, наша карта напомнит о замечательном русском географе и путешественнике Петре Алексеевиче Кропоткине.

Нельзя не проникнуться уважением к редкой книжечке, объемом менее 100 страниц, лежащей перед нами и называющейся «Экспедиция для исследования русских северных морей», которая представляет собою доклад Кропоткина Русскому географическому обществу, сделанный по предложению этого общества. Доклад содержал полную программу предстоящих научных работ задуманной полярной экспедиции.

Но самым замечательным в докладе была мысль, что эта экспедиция могла бы сделать также попытку достигнуть большой неизвестной земли, которая, по предположениям Кропоткина, должна находиться в недалеком расстоянии к северу от Новой Земли. Возможное существование такой земли указал в своем превосходном, но мало известном сообщении о течениях в Ледовитом океане еще русский ученый моряк Шиллинг.

Когда Кропоткин прочитал его сообщения, а также книгу Литке «Четырехкратное плавание на Новую Землю» и ознакомился с общими условиями этой части Арктики, ему стало ясно, что к северу от Новой Земли действительно должна существовать земля, лежащая под более высокой широтой, чем Шпицберген. На это указывали неподвижное состояние льда на северо-запад от Новой Земли, камни и грязь, находимые на плавающих здесь ледяных чолах и некоторые другие мелкие признаки.

Кроме того, если бы такой земли не существовало, то холодное течение, несущееся на запад от меридиана Берингова пролива к Гренландии, то самое, в котором дрейфовали Де-Лонг на «Жаннетте», Хансен на «Фраме», на которое указывал еще гениальный Ломоносов, — непременно достигло бы Нордкапа и забило берега Мурманского побережья льдами, как это мы видим на крайнем севере Гренландии. Теплая ветвь Гольфштрема, проникающая из Атлантического океана в Баренцево море, недостаточно сильная, не могла бы помешать этому оледенению северных берегов Европы.

Доклад Кропоткина имел совершенно неожиданные для него последствия: он сразу же был признан знатоком по вопросам Арктики, и ему было предложено стать во главе разведочной экспедиции, для которой предполагалось нанять норвежскую шхуну. И Кропоткина ждала была судьба полярного исследователя, если бы не русское министерство финан-

сов: оно заявило, что министр не может отпустить необходимых для организации экспедиции 30—40 тысяч рублей...

Таким образом, экспедиция, еще не родившись, села на «финансовую мель», но вместе с тем мысли Кропоткина обогатили географическую науку замечательной идеей о существовании земли к северу между Новой Землей и Шпицбергенем, которая, собственно, и была им открыта заочно. И действительно, на землю, которую Кропоткин «провидел» сквозь полярную мглу, два года спустя случайно наткнулись Пайер и Вейпрехт.

Географические названия Пайера

Австрийская полярная экспедиция 1872 года вдохновлялась известным географом Петерманом и финансировалась «покровителями географических наук» графами Вильчеком и Зичи.

Однако Вильчек был не только «золстым мешком» и покровителем австрийской экспедиции, но и деятельным ее помощником. Он осуществил вспомогательную экспедицию, приняв в ней личное участие. В то время как судно «Тегетгоф» с Пайером и Вейпрехтом на борту, борясь со льдами, пробиралось к северу вдоль берегов Новой Земли, его настигла яхта «Белый медведь», на которой находился Вильчек. Оказалось, что он поджидал уже «Тегетгоф» в устье Маточкина Шара в течение шести дней и организовал здесь вспомогательный провизионный склад.

Некоторое время «Тегетгоф» и «Белый медведь» шли к северу вместе, но, дойдя до острова Баренца, расстались. Первый пошел дальше к северу, второй повернул к югу и, исследуя по пути некоторые мысы, губы и острова Новой Земли с целью собирания зоологических и геологических коллекций, прошел через Костин Шар к устью Печоры.

Отсюда Вильчек с геологом Гефером совершили очень своеобразное и нелегкое для того времени шестинедельное путешествие до самой Перми. Путь их лежал через Усть-Цильму вверх по Ишиму, притоку Печоры, через Усть-Ухту и Роздын, по волоку через водораздел в Северную Кельтьму, по давно заброшенному Екатерининскому каналу в Южную Кельтьму, которая вынесла их в Каму. Здесь, через Чердынью у Полюдова Камня, по первобытным тогда еще лесам, через г. Соликамск и Дедюхин Камень путешественники добрались до Нового Усолья, где воспользовались последним отходившим пароходом и прибыли в Пермь. Тогда уж без труда они могли попасть в Казань, Нижний-Новгород и по железной дороге через Москву вернуться в Австро-Венгрию.

С памятного дня 21 августа 1873 года, когда Вильчек в последний раз видел

дым «Тегеттгофа», в течение двух лет об экспедиции Пайера и Вейпрехта не было никаких известий. Хотя Вильчек и был сравнительно спокоен за ее судьбу, тем не менее предпринял ряд мер к ее обнаружению. Он заказал 50 воздушных шаров, которые с привязанными к ним записками раздавались норвежским китобоям и русским промышленникам, уходившим на промыслы в Северный Ледовитый океан. Они должны были выпустить их в различных местах Арктики для установления связи с австрийской экспедицией. Кроме того, Вильчек назначил премию в 1000 гульденов тому, кто обнаружит следы местопребывания этой экспедиции.

21 августа, непосредственно после того, как «Тегеттгоф» расстался с «Белым медведем» вблизи мыса Нассау, «Тегеттгоф» вмерз во льдах так, что никогда уже больше не мог освободиться из их крепких объятий. Целый год его дрейфовало причудливыми зигзагами к северо-востоку.

С наступлением лета северный ветер погнал льды с кораблем к югу, но в августе ветер с юга снова погнал льды и вмерзший в них корабль к северу. Давно уже австрийцы вступили в такие северные широты, которых не достигал до них еще ни один человек.

В конце августа, после годичного дрейфа, потеряв уже всякую надежду высвободиться из ледового плена, австрийцы неожиданно увидели приблизительно на расстоянии 25 километров выплывающий из тумана высокий берег неведомой земли. Первый же крутой скалистый мыс, обозначившийся на этом берегу, Пайер назвал именем австрийского адмирала Тегеттгофа, какое носило и их судно.

К вечеру с палубы корабля были замечены еще несколько островов, покрытых глетчерами. Тогда-то капитан Вейпрехт и назвал новооткрытую землю Землей Франца-Иосифа.

Но прошло около двух месяцев, прежде чем австрийцы смогли высадиться на берег этой страны. По всей видимости, это был остров. «Трудно было себе представить что-нибудь более печальное и пустынное этого острова, покрытого льдом и снегом, но для нас он был столь ценным, что мы решили, впредь до дальнейших открытий, назвать его в честь организатора нашей экспедиции — именем Вильчека», говорит Пайер.

Но шел уже октябрь, в Арктике наступила полярная ночь. 125 дней австрийцы были прикованы к месту высадки, не имея возможности приступить к обследованию открытой ими земли, ограничиваясь лишь поддержанием своей жизни путем охоты на медведей да производством магнитных наблюдений. Только с наступлением нового поляр-

ного дня они приступили к санным экспедициям вглубь неведомой земли при помощи собакей тяги. Ими руководил Пайер. Он совершил три похода: два на запад и один к северу. Его сопровождали два горных проводника-тирольца и четверо матросов.

В марте 1874 года маленький караван поднялся на высокий мыс Тегеттгоф, прошел по живописному фиорду, названному в честь знаменитого шведского исследователя Арктики Норденшельда его именем. В глубине этого фиорда высилась мощная ледяная стена — край огромного глетчера Санклар. Поход этот длился всего шесть дней, но он был мучителен и тяжел вследствие низкой температуры (50° ниже нуля), так что одежда путников, несмотря на полное безветрие, застывала и становилась подобной жести, а ром во фляжках казался сгущенным и потерявшим крепость.

Второй поход Пайера, на этот раз к северу, длился целый месяц, так как температура установилась более сносная, — 32° Ц, но зато исследователей дожимали метели и сырость. Двигаясь по замерзшему проливу, люди видели направо и налево, как им казалось, сплошную землю, разделенную лишь глубокими долинами, заполненными льдом. Поэтому Пайер назвал землю, лежавшую слева, к западу от пути каравана — Землею Зичи, а справа, к востоку — Землею Вильчека. Так Пайер и нанес эти две земли на свою карту, не подозревая, что находится в архипелаге, насчитывающем 75—80 островов, а долины — не что иное, как многочисленные проливы, забитые льдом. Широкий пролив, служивший ему дорогой к северу, он назвал Австрийским проливом.

С большими трудностями и после целого ряда приключений Пайер добрался наконец до острова, который он назвал именем наследного принца кровавой австро-венгерской монархии — островом Рудольфа, вдоль западного берега которого он и продолжал подвигаться к северу.

Наступило лето и здесь. На крутых и скалистых берегах этого острова люди встретили огромные птичьи базары. Миновав мыс, который получил название Топорковый, так как здесь они прокладывали себе путь через подтаившие торсы топорами, и мыс Столбовой, прозванный так за башнеобразные, пригупленные сверху скалы, австрийцы вышли к открытому морю, сверкавшему под солнцем. «Эта область далекого Севера была исполнена величайшей красоты, — говорит Пайер, — с вершины мыса можно окинуть взором темносинее море, в котором плавали ледяные горы, отливая всеми цветами радуги, подобно роскошным жемчужным украшениям. Вдали рисовались новые возвышенности

Земли Рудольфа, окутанные розовой эфирной дымкой и казавшиеся вследствие рефракции более высокими, чем они были на самом деле. Температура стояла всего—30° Ц. Путь, которым мы до сих пор следовали по морскому льду вокруг мыса Столбового, становился уже немислимым. Необходимо было подняться на вершины хребта и там продолжать его».

Наконец они достигли самой северной точки острова—мыса Флигели. Пайер назвал его так в честь Августа Флигели, фельдмаршала австрийской армии, за его географические заслуги.

С высоты мыса Пайер усмотрел на севере, как ему казалось, новые обширные пространства земли, отделенные морем. Одну из земель, лежавшую к северо-западу, он назвал Землей короля Оскара, другую — к северо-востоку — Землей Петермана.

Остров Рудольфа и мыс Флигели были предельными географическими точками к северу, достигнутыми Пайером. Здесь, в шели утеса, он оставил письменный документ, свидетельствующий о его пребывании, и пустился в обратный путь к месту стоянки своего судна, давая по пути географические названия вновь замеченным им островам, мысам и проливам. Так на карте Земли Франца-Иосифа возникли пайеровские острова имени путешественника Кэна, мыс географа Гельвальда, еще мыс, посвященный географу Риттеру, пролив географа Неймайера и т. д.

Третья экскурсия Пайера по новооткрытой земле ограничилась поверхностным обзором местности с высокой горы мыса Брюна к западу. Австрийцы убедились, что в этом направлении земля имеет огромное протяжение. Она казалась гористою странюю, пересеченною многочисленными фиордами с кряжами и вершинами характера абиссинских гор. Неприятное зрелище представляло отсюда для них море к югу: наступала пора возвращения на родину, а оно было до самого горизонта сплошь покрыто льдами. Кроме того, выяснилось, что состояние «Тегетгофа» столь плачевно, что об использовании его для плавания нечего было и думать. Им оставался лишь один способ пробиться к югу — на лодках. Значительные зоологические коллекции, множество медвежьих шкур, большую часть продовольственных запасов и тысячи прочих нужных и полезных на корабле вещей пришлось оставить на покидаемом «Тегетгофе», а взять с собой лишь самое необходимое для поддержания жизни.

20 мая 1874 года на четырех санях и четырех вельботах австрийцы выступили по морскому торосистому льду к югу в поисках свободного моря. Девяносто шесть дней тащились они то по

льду, то по воде, придерживаясь исключительно указания магнитной стрелки компаса, пока не вышли наконец к открытому морю.

Последние крохи их пищи приходили уже к концу, когда они увидели желанный берег Новой Земли. Здесь, у мыса Адмиралтейства, встретили суда русских промышленников, которые их и подобрали. У поморов оказалась копия распространенного по всему Северу воззвания заботливого покровителя экспедиции Вильчека, так что они знали о всех обстоятельствах дела и оказали австрийцам всяческую помощь, доставив их на шхуне «Николай» в гавань Варде.

Земли-призраки

В течение целых десятилетий на всех картах Арктики значились Земля Оскара и Земля Петермана, лежащие к северу от Земли Франца-Иосифа и «виденные» Пайером с мыса Флигели. Необходимо напомнить, что в условиях ледовых нагромождений, облачности горизонта и вибрации воздуха при таянии льдов полярные ландшафты нередко бывают весьма обманчивыми и действительность иногда может казаться миражом, а мираж — реальностью.

Как бы то ни было, с легкой руки Пайера географы всех стран считались и с этими землями, как с действительностью, а у Пайера были все основания, чтобы назвать землю, виденную им к северо-востоку, Землей Петермана.

Август Петерман был известный гео-картограф своего времени. Он занимался научно-картографическими работами сначала в Англии — Эдинбурге и Лондоне, где изготовил множество карт для Британской энциклопедии, составивших целую эпоху в области европейской картографии. Петерману же принадлежала крупная заслуга возбуждения интереса к полярным исследованиям.

Однако рядом последующих исследователей Земли Франца-Иосифа: Нансена, герцога Абруццкого, неудачно пытавшегося достичь отсюда Северного полюса, а значительно позже и ледовыми блужданиями штурмана Альбанова, была доказана мало-помалу полная призрачность существования Земли Петермана.

Эту географическую ошибку Пайера можно объяснить тем, что «полярная оптика» весьма своеобразна и обманчива, и надо иметь особо тренированный глаз, чтобы видеть и определять правильно зрительные явления.

Вот что говорит, например, по этому поводу тот же штурман Альбанов, совершивший мучительный переход с группой матросов после того, как они покинули дрейфующую «Анну» под начальством Брусилова в 1914 году и подвигались с севера к Земле Франца-Иосифа.

«31 мая. А на горизонте ничего не видно. Впрочем, не так. Теперь, когда мы так страстно ждем увидеть землю, мы видим ее в каждой тучке, в каждом ропаке или в светлом пятне на горизонте. Вот-вот ждем, что станет горизонт яснее, и мы убедимся, что там — земля во всей ее прелести. Но проходит некоторое время, уносится тучка, ясно, в бинокль мы рассмотрели ропок, и от наших островов не осталось и следа...»

Немудрено поэтому, что Пайеру мерещилась Земля Петермана, которой на самом деле не существовало.

Чтобы покончить с частью пайеровских географических названий, о которых рассказывала карта, она должна напомнить, что, помимо земель Оскара и Петермана, с карты архипелага пришлось впоследствии убрать и Землю Зичи. Последующие путешественники с полной несомненностью выяснили, что место, занимаемое на карте этой землей, занято на самом деле большой группой островов, из которых каждый получил впоследствии свое собственное имя.

Остров Галля

Таинственная точка земного шара — Северный полюс — служила притягательной силой для путешественников разных стран. Временами эта тяга к полюсу затухала, временами вновь ярко разгоралась. Никакие неудачи, связанные сего достижением, не могли остановить новых полюсоискателей от попыток достигнуть этой заветной точки. Так было и с американцами.

В 1869 году испытанному уже в опасностях и лишениях полярных плаваний путешественнику капитану Чарльсу Галлю удалось убедить Конгресс США снарядить новую экспедицию к Северному полюсу.

Для экспедиции был выбран мощный винтовой буксирный пароход, который был переименован в «Полярис». Пароход был переделан и снаряжен всем, что только могло обеспечить ему успешное плавание в полярных областях. Общее начальство над экспедицией было вручено капитану Галлю, а научная часть поступила в ведение Бессельса из Гейдельберга — врача, зоолога, ботаника и фотографа. К участию в этой экспедиции были привлечены также эскимосы Иосиф и Ганс, которых Галль знал еще по Гренландии. Иосиф должен был служить главным охотником-зверобоем на «Полярисе».

В конце июня 1871 года «Полярис» вышел из Нью-Йорка, направив свой курс к северу. Из Нью-Фаундленда он пересек Девисов пролив и пошел вдоль западного побережья Гренландии, заходя в различные датские колонии.

Из последней, самой северной датской колонии Таасунсак судно направилось к Смитову проливу. Не встретив ледовых препятствий, капитан Галль пересек на следующий день залив Мельвиля и обогнул мыс Дуддлей-Диг, где поставил каменный знак с последними вестями о ходе экспедиции. «Полярису» удалось беспрепятственно дойти до Смитова пролива. Миновав порт Фульке, место зимовки предшественника Галля, американского полярного путешественника Хаиса, «Полярис» пошел дальше вдоль Гренландии, берег которой принял уже теперь северо-восточное направление, до мыса Ингельфильда. Отсюда взяли курс прямо на север и перешли предел, достигнутый восемнадцать лет назад другим предшественником капитана Галля, арктическим мореплавателем Кэном.

К полуночи показались первые обширные массы льдов, двигавшиеся с востока на запад. «Полярис» продолжал двигаться все в более высокие широты. Между тем, в море, в которое вступил «Полярис» и которое Галль назвал в честь президента США морем Линкольна, экспедиция встретила несметные массы плоских льдин. После долгих поисков была найдена под 81°36' сев. шир. неглубокая бухта, которую Галль назвал гаванью «Полярис», а место самой стоянки корабля — «Приют благодарение богу». Но «приют» этот оказался никуда негодным и не заслуживал никакой благодарности, так как плохо защищал судно от напора льдов.

В этой бухте экспедиции пришлось зимовать. Капитан Галль и до этого чувствовал себя плохо, а зимовка еще ухудшила состояние его здоровья. Он не выдержал ее и скончался, разбитый параличом, в глухую полярную ночь.

Смерть начальника экспедиции оказалась для оставшихся тяжелым ударом. С этого момента никто уже не думал о ее продолжении.

Казалось бы, что на этом наша карта и могла бы закончить свои историко-географические изыскания в связи с названием острова Галля в архипелаге Франца-Иосифа. Но дальнейшая судьба членов экспедиции «Поляриса» столь необычна даже в летописях арктических путешествий, что мы позволим нашей карте докончить повествование о ней.

С наступлением полярного «дня» зимовщики оживились, тем более, что к июню земля освободилась от снежного покрова и даже оделась скудной полярной растительностью, а это, в свою очередь, привлекло к береговой полосе массу птиц и стада мускусных быков — этих живых современников вымершего мамонта и великого обледенения Европы и Америки, сохранившихся лишь в некоторых полярных областях западного полушария.

25 августа «Полярис» был затерт льдами и подвергся сильному сжатию. Вместе со льдами его продрейфовало к югу до северного входа в пролив принца Уэльского, где громадная льдина подняла его высоко из воды, и он лег на борт. Все, что было плохо прикреплено к палубе, и люди, в количестве 19 человек, были сброшены на лед. Из запасов успели выбросить на лед 11 мешков хлеба, 14 окороков, несколько банок мясных консервов, 1000 килограммов шоколада, ружья, порох и свинец, много одеял и шкур, 1 палатку и 2 вельбота. Судно же с оставшимися на нем четырнадцатью человеками соскользнуло опять в воду и исчезло в темноте ночи...

Обе партии с этого момента разъединились и совершали свое плавание самостоятельно: большая группа — на пловучей льдине, меньшая — на «Полярисе», который вышел из этой перелетки достаточно побитым. «Полярис» вследствие сильной течи пришлось посадить на отмель у мыса Литльтон, где соорудив себе избушку, «четырнадцать» и провели полярную ночь 1872/73 года под 77° сев. шир., продолжая свои научные работы.

Значительные запасы продуктов и товарообмен с эскимосами, появившимися по соседству с ними, позволили им прожить зиму в довольно благоприятных условиях. 3 июня зимовщики, построив себе две больших лодки, вышли в море. Двадцать дней плыли они к югу, пока не встретились с шотландским китобойным судном, которое их и подобрало.

Какая же судьба постигла девятнадцать пловучих полярных робинзонов?

Эскимосы Иосиф и Ганс оказали неоценимые услуги своим товарищам по ледовому дрейфу. Они, прежде всего, сложили иглу — полусферические ледяные жилища, которые умеют строить одни лишь эскимосы и которые в полярных условиях лучше всего предохраняют людей от стужи и ветров. Как замечательные стрелки и гарпунеры, они снабжали весь лагерь свежим тюленьим и медвежьим мясом. Запасы продуктов с «Поляриса» и эта добыча позволили — худо ли, хорошо ли — существовать им в течение полных восьми месяцев их блужданий на пловучих льдинах, которые им не раз приходилось менять, пользуясь в таких случаях единственным уцелевшим у них вельботом. Но наступили и у них черные дни: запасы с «Поляриса» истощились, пришлось кормиться сырыми невыделанными кожами, пока истощенные дрейфом люди не заметили однажды вдалеке корабль. Одиночными выстрелами и ружейными залпами они привлекли к себе внимание его экипажа.

«Четырнадцать» и «девятнадцать» были, как это ни странно, доставлены в США почти одновременно. Все участ-

ники этой необычайной по своим приключениям экспедиции оказались налицо. Нехватало лишь капитана Чарльса Галля. И немудрено поэтому, что Пайер вспомнил имя этого мужественного полюсоискателя и назвал в память его большой остров архипелага Франца-Иосифа островом Галля.

Белая Земля

Если мы взглянем на карту архипелага Франца-Иосифа, то в северо-восточном углу ее, несколько оторванном от остальной массы островов, заметим небольшую группу — Белую Землю. Она находится «на задворках» этого островного скопления и представляет собой как бы отдельное «созвездие».

По поводу названий этих островков говорящая карта расскажет большую и, вместе с тем, самую волнующую историю. Для этого нам придется, прежде всего, перенестись на крыльях машины времени за сорок шесть лет назад, на заседание Королевского географического общества в Лондоне, происходившее 14 ноября 1892 года.

На этом заседании должен был обсуждаться доклад норвежца Фритюфа Нансена, несколько лет назад прославившегося своим смелым переходом на лыжах поперек Гренландии. Это было рискованное и смелое предприятие. Но, по сравнению с новым его планом, то было лишь небольшой экскурсией: ведь теперь Нансен готовил уже не более, не менее как экспедицию к самому Северному полюсу, и в Норвегии даже строилось для этого по его чертежам специальное судно.

Вначале докладчик подвел итоги прежним попыткам исследовать внутренние пространства полярных морей. Он напомнил, что все экспедиции заканчивались неудачей потому, что суда наталкивались на сплошные массы льда и либо относились назад к югу, либо же гибли, будучи раздавлены в их тисках. Итти на санях по дрейфующим льдам было и рискованно и трудно. Значит, повидимому, оставалось признать, что при существующей технике передвижения достигнуть полюса нельзя. Но значит ли это, что надо вообще оставить всякие попытки пройти через полярные моря при помощи корабля? Разве нет других способов достигнуть Северного полюса?

«Я думаю, что если мы внимательно присмотримся к тем силам, которые природа дает в наше распоряжение, и постараемся использовать их, а не итти против них, то найдем если и не самый краткий, то во всяком случае самый верный путь. Мы уже видели, что большинство полярных экспедиций было за-

держано непреодолимыми течениями из неизвестной части северного бассейна, несущими громадные массы пловучего льда. Отсюда мы вправе сделать простое заключение: если имелись течения, идущие из этих областей, то должны быть также где-нибудь и течения, которые вливаются в Полярный бассейн, и если одни экспедиции дрейфующие льды относили к югу, то другие, если только они достигли бы этих течений в соответствующем месте, могли бы отнести к северу. Таким образом, мы уже наметили путь, вопрос заключается лишь в том, где найти соответствующее место.

«Но нег ли непосредственных доказательств, что такое течение существует? Я думаю, что да. Уже плавание «Жаннетты» под командой Де-Лонга показало, что в море к северу от Берингова пролива должно находиться течение в северо-западном направлении. Это течение, повидимому, не было сильным в первое время дрейфа «Жаннетты», но по мере приближения ее к области севернее Новосибирских островов, оно становилось все сильнее, и в последнюю неделю перед погружением судно несло с быстротою 8 миль в сутки. Это место находится как раз поблизости той области, где, по моим предположениям, начинается Восточногренландское течение.

«Однако еще более значительным, чем дрейф самой «Жаннетты», является тот факт, что 58 предметов, принадлежавших ей и ее экипажу, было найдено на пловучей льдине поблизости от Юлиангоба, на южной конечности Гренландии, через три года после того, как в июне 1884 года корабль потонул. Они были найдены одним эскимосом и собраны директором колонии Юлиангоба Литценном, который описал их в журнале Датского географического общества в Копенгагене. И тут возникает вопрос: каким путем льдина эта прошла от Новосибирских островов до южной оконечности Гренландии? Самый короткий и естественный путь ее, несомненно, лежал через область к северу от Земли Франца-Иосифа, через область, близкую к полюсу, и мы вынуждены признать этот путь единственно возможным».

Нансен стал приводить дополнительный ряд доказательств, одно ярче другого. Говорили сами вещи, предметы, найденные на восточном побережье Гренландии, принесенные великим полярным потоком с Аляски, с берегов Восточной Сибири. Здесь упоминались и стволы сибирских лиственниц, и анализ собранной со льдины грязи с частицами гумуса — плодородной земли, вынесенной течением какой-нибудь сибирской реки во льды Арктики, и путешественные диатомеи, приплывшие на льдине с мыса Ванкарем в Беринговом проливе.

Далее он продолжал:

«Но если дело обстоит так, то наиболее простой способ пересечь неизведанные области Арктики,—это отправиться вместе с этими льдами, т. е. войти в течение с той стороны, где оно восходит к северу, и дать ему нести себя к тем широтам, достигнуть которых оно до сих пор так мешало».

Все это и предполагал проделать Нансен на специальном судне, конструкцию которого он тут же и объяснил со всеми подробностями.

Срок своей экспедиции Нансен устанавливал на 5—6 лет и соответственно этому сроку обеспечивал свой экипаж продовольствием. Впервые в полярную экспедицию он вводил электрическое освещение посредством динамомашин, приводимой в действие при помощи ветряка, установленного на палубе корабля, и ручного привода на случай его бездействия. Верчение этого привода мускульной силой он считал здоровым упражнением для людей своего экипажа.

Свой доклад Нансен закончил полухитливой фразой: «И я надеюсь, что вы иногда вспомните добром о нас в то время, как мы будем ходить кругом нашей мельницы на далеком Севере в торжественной тиши долгой полярной ночи».

Многие из выступавших по докладу Нансена пророчили ему одни невзгоды и бедствия, а позже, уже в печати, известный руководитель американской экспедиции Грили подлил масла в огонь недоверия к нансеновской затее, закончив свое мнение о ней такими словами: «Уже общепризнанные и проверенные методы полярных исследований представляют множество опасностей и требуют громадного мужества, так что здесь нансеновские планы добровольного самоуничтожения совершенно излишни».

Но не таков был Нансен, чтобы отступать пред лепетом старых адмиралов, хотя бы и заслуженных. Он верил в свои собственные силы, в конструкцию корабля, в свои научные наблюдения и выводы.

* * *

Покинув берега Норвегии в Варде, «Фрам» Нансена («Фрам» значит «вперед») взял курс на Новую Землю и в начале августа сделал остановку у поселка Хабаровки в воротах Карского моря. Здесь он встретился с экспедицией Тронтейма, русского, происходившего из норвежцев, который специально доставил ему сюда сибирских упряжных собак. Далее «Фрам» шел путем, пройденным норденшельдовской «Вегой»: вдоль берегов Сибири к устьям Лены и Новосибирским островам. На своем пути «Фрам» встречал не раз большие ледовые трудности и, казалось, был обречен на зимовку, но тем не менее прорвался

к самой северной оконечности Азии — мысу Челюскина — и приветствовал пушечным салютом имя славного русского штурмана.

Дойдя до параллели устьев Лены, «Фрам» взял курс на север, мимо западных берегов Новосибирских островов. Нансен стремился достигнуть широты, в которой дрейфовала де-лонговская «Жаннетта», с тем, чтобы отыскать поток великого северо-восточного течения и, включившись в него, дрейфовать на «Фраме» к северу и, быть может, пересечь Северный полюс.

Плавание и дрейф проходили превосходно. «Фрам» не поддавался никаким тискам льдов, которые при сжатии выпирали его лишь наружу.

Нансен, однако, все время был полон тревоги за успех своего предприятия. Правда, его расчеты оказались правильными и уже множество мрачных предсказаний было опровергнуто, но не хватало самого главного: того течения, которое должно было нести «Фрам» к полюсу и на существовании которого были построены основные надежды.

За долгое время зимнего дрейфа «Фраму» не удалось перешагнуть далее $82^{\circ}2'$ сев. широты. Долго обдумывая создавшееся положение, Нансен пришел, наконец, к решению проникнуть в более северные широты на санях с собачьими упряжками и с каяками и не более, как вдвоем. Такой поход был связан с большим риском и бесконечно более опасен, чем самый длительный дрейф на верном «Фраме». Если бы и удалось даже достигнуть полюса, то вернуться на продолжающий свой дрейф корабль не было бы никакой возможности.

Как бы то ни было, Нансен шел на этот риск. Осталось только подыскать подходящего спутника из состава экипажа. Этим добровольным спутником оказался Иогансен — прекрасный гимнаст и лыжебежец.

Приступили к постройке легких саней и каяков, применение которых для ледового путешествия было новой идеей, впервые осуществленной именно Нансеном. «Фрамом» остался командовать капитан Свердруп.

Трижды отправлялась санная экспедиция и возвращалась на судно, совершенствуя свое снаряжение. Она была снабжена всем необходимым, но все же это была невиданно смелая и рискованная затея.

14 марта Нансен и Иогансен окончательно покинули «Фрам», (находившийся в этот день на $84^{\circ}4'$ сев. шир.) с упряжками в 28 собак, а «Фрам» продолжал свой ледовый дрейф. Но и та и другая группы экспедиции в основном стремились пройти на северо-запад, севернее Земли Франца-Иосифа. Шпицберген должен был послужить местом возвращения Нансена, в случае достижения им

Северного полюса. Судно же предстояло через этот же проход стремиться к возвращению в Норвегию.

Наша карта не будет останавливаться на всех перипетиях этого похода, а отметит лишь, что двум смельчакам удалось достигнуть $86^{\circ}13'$ сев. шир. и что они были в пути четыре месяца, прежде чем им показалось, что они увидели землю. В это время они шли уже к югу от упомянутой широты.

Как-то после полудня Нансен побежал вперед высмотреть дорогу. Тем временем Иогансен вскарабкался на ближайший торос и стал рассматривать открывшуюся даль. Его внимание остановила темная полоска на самом горизонте. Но он решил, что это облачко. Через некоторое время Нансен тоже обратил внимание на эту полоску. Ему показалось подозрительной недвижимость этого облачка. Взяв подзорную трубу, он тотчас же убедился, что это была земля и притом не слишком отдаленная.

Всматриваясь внимательнее, они увидели, что темная полоска составляла лишь небольшую часть земли, выступ на белом фоне покрытых льдом и снегами скал. За этой землей виднелась белая масса более далекой земли. Замечательно, что эта земля не раз была видна с места их последней стоянки и они не раз всматривались в нее подозрительно. Но туманы и облачка на горизонте то открывали, то закрывали очертания земли, линии, казалось, колебались и двигались, и каждый раз Нансен приходил к выводу, что это лишь облака.

Теперь же не могло быть сомнений — перед ними была земля. Правда, выглядела она не совсем так, как мечталось им во время пути. Они представляли себе, что увидят перед собой отвесные, гордо высвисящие к небу скалы со светлыми долинами между ними. Здесь же виднелись только льды, снега и небольшой клочок голой скалы. Но это не уменьшало их восторга. И путники спорили только о том, как скоро достигнут они этой земли. Нансен думал, что они доберутся до нее на следующий день. Иогансен же утверждал, что до земли — рукой подать. На самом же деле они добрались до нее лишь через тринадцать дней.

На следующий день Нансен, внимательно всматриваясь в горизонт, увидел еще новую землю, которая лежала как выпуклый серебряный щит. Земля все время была в виду, но она, казалось, не приближалась, а отдалялась к западу. Сильные юго-западные ветры, повидимому, отгоняли льды, по которым они шли, от земли. Лишь начиная с 1 августа движение льдов прекратилось, и земля стала по-настоящему приближаться.

Но вот перед путниками открылось, наконец, волнующееся, свободное от

льдов море. Каяки были быстро приготовлены к плаванию и спущены на воду, и, сперва на веслах, а потом на парусах, среди тумана, норвежцы понеслись навстречу земле. Два дня плыли они таким образом на сдвоенных каяках вдоль неведомой земли, не отмеченной на карте. Лишь на третий день плавания удалось наконец высадиться на маленький остров и взобраться на его ледник. Как раз к этому времени туман несколько рассеялся, и Нансен с Иогансеном могли рассмотреть окружающую местность. Прежде всего, они окончательно убедились, что находятся среди целой группы небольших островов.

Нансен определил их широтное и долготное местонахождение, и с того момента на карте Арктики вспыхнуло новое маленькое «созвездие серебряных звезд».

Первый остров, который норвежцы увидели еще с дрейфующего ледяного поля, Нансен назвал в честь своей жены — островом Евы. Второй, поменьше, — именем своей дочери — Лив. Третий островок был назван именем матери Нансена — Аделаиды. И, наконец, четвертый остров, лежащий несколько в стороне, получил название Фреден, что значит мир. Вся же группа островов в целом была наименована Белой Землей.

Острова Нансена, Джексона и Нордбрук

История географических названий этих островов, занимающих видное место на карте Земли Франца-Иосифа, весьма своеобразна.

После случайного открытия этого полярного архипелага экспедицией на «Теттгофе» ее дважды посетил англичанин Ли-Смит. В первый раз он произвел исследование и благополучно вернулся домой. Но на второй год его яхта «Эйра» была затерта льдами, погибла у здешних берегов, и ему пришлось спастись на берег, где экспедиция и зимовала, построив себе из остатков яхты хижину и поддерживая свою жизнь охотничьей добычей. Наблюдения Ли-Смита на этот раз оказались ничтожными, так как экспедиция лишилась всех своих приборов и инструментов. Спасательная экспедиция, высланная ей на помощь, подобрала шлюпку, на которой вышли в море люди с погибшей «Эйры». Поэтому-то на карте архипелага мы находим географическое название Ли-Смит, данное одному из многих островов архипелага, и остров Эйра.

Малонаследованность Земли Франца-Иосифа привлекла тогда внимание другого англичанина — Джексона, который на средства своего соотечественника Гармворса, на корабле «Уиндворт» сна-

рядил туда экспедицию. Джексон водворился здесь на целых три года.

Третий год его пребывания на мысе Флора (остров Нордбрук) совпал с путешествием Нансена, походом его среди лабиринта островов этой земли и с его вынужденной зимовкой на одном из них. Новая полярная ночь настигла Нансена именно здесь, так как он не добрался до Шпицбергена, которого первоначально стремился достигнуть, расставшись с «Фрамом».

Ни запасной одежды, ни провианта, ни сносной палатки, ни плавника для топлива и постройки жилища у Нансена не имелось. Поэтому и жилье, и пищу и топливо, и одежду — все это надо было добыть собственными руками здесь, на этом пустынном, обледенелом острове в короткое время, до суровой зимы.

И норвежцы зазимовали. Жилищем им служила звериная нора с надстроенными стенками из плоских камней и крышей из моржовой шкуры. Ворвань — источником скудных света и тепла. Пищей их была моржоватина и медвежатина.

С наступлением полярного «утра» норвежцы двинулись дальше к югу, пользуясь то санями, то каяками. Чем дальше они шли, тем больше Нансен убеждался в том, что они находятся на Земле Франца-Иосифа.

Много рискованных моментов пережили они во время этого похода, много раз жизнь их висела на волоске, пока они не добрались до острова Нордбрук, о чем они, однако, не догадывались. Здесь, на одном из привалов, вблизи мыса Флоры, Нансену вдруг показалось, что ветер донес до его слуха собачий лай... Это было совершенно невероятно, потому что присутствие собак обозначало наличие людей, которых менее всего ожидал встретить здесь Нансен. Однако повторные обрывки лая заставили норвежцев насторожиться, а Нансена надеть лыжи и пуститься на разведку.

Встреча Нансена с Джексоном настолько известна, что наша карта не станет рассказывать о ней. Она напомнит лишь, что здесь, на мысе Флора, оба норвежца в лагере Джексона нашли радужный прием.

Теперь, имея под руками бумагу, перья, чернила и чертежные принадлежности, Нансен мог спокойно проверять свои вычисления, подводить итоги и делать картографические сводки и сопоставления со съемками других путешественников. Но и теперь все же для него было загадочным, каким образом получалось такое несоответствие его наблюдений с наблюдениями Пайера. Единственное, что он мог предположить, что австрийский путешественник был введен в заблуждение туманом и особой формой облаков и принял море за новые земли (Оскара и Петермана). Во всяком

случае, для Нансена было несомненно, что то, что до сих пор называлось Землей Франца-Иосифа и считалось двумя массивами суши (Земли Зичи и Вильчека), представляет собой группу многочисленных островов, берега которых изрезаны фьордами.

На основании своих личных наблюдений, которые он вел во время своего похода, и набросков Пайера и Джексона, он составил новую карту архипелага, пройденного им с северо-востока, от Белой Земли, по суше и морю вдоль Британского канала до южного острова Нордбрук, где произошла его замечательная встреча с Джексоном. И здесь произошел единственный в истории географических открытий случай, когда два путешественника на месте действия «обменялись» географическими названиями, преподнеся друг другу по внушительному острову: Нансен назвал и нанес на новую карту остров имени Джексона, — тот, на котором он зимовал, а Джексон настоял, чтобы другой остров был назван островом Нансена.

Бухта Тихая и остров Гукера

Среди множества иностранных географических названий, которыми пестрит карта Земли Франца-Иосифа, для нас, советских людей, приятно звучит знакомое и дорогое имя — Бухта Тихая.

Оно воскрешает, прежде всего, в нашей памяти образ Седова — первого русского путешественника, решившего штурмовать Северный полюс. Когда, после первой своей зимовки на Новой Земле, в 1912 году экспедиция Седова пришла на «Фоке» к Земле Франца-Иосифа, то здесь ей предстояла вторая зимовка. Седов намеревался пройти на своем «Фоке» как можно дальше к северу, к Земле Рудольфа, которая могла бы послужить ему трамплином для похода к Северному полюсу. Но водный лабиринт архипелага находился под льдами и не давал возможности пробиться на север.

Вот что вспоминает участник этой экспедиции В. Ю. Визе по поводу происхождения названия Бухта Тихая при его вторичном посещении этого памятного места на ледокольном пароходе «Седов» в 1929 году.

«Живо вспомнилось [мне], как мы добрались сюда на старом «Фоке». Он уже целый год провел в полярных льдах и теперь упрямо пробивался по Британскому каналу на север. В средней части этого пролива он уперся в тяжелые льды. Седов стоял на мостике и обдумывал, в какую бы лязку проскользнуть, чтобы добраться до северного острова Земли Франца-Иосифа, где предполагалось зазимовать. В это время на мостик

поднялся механик Зандер и со свойственным ему спокойствием доложил:

«— А топлива, знаете, хватит только на несколько часов.

«Это известие, которое, собственно говоря, ни для кого не было неожиданным, как будто поразило Седова. Он смотрел на механика, беспомощно улыбаясь, но затем быстро овладел собой.

«— Ну, что же! Значит не суждено зимовать на острове Рудольфа! Надо искать другое место для зимовки. Владимир Юльевич, — обратился он ко мне, так как я как раз стоял у руля, — держите на эту большую скалу (Рубинирок).

«Через несколько часов «Фока» вошел в бухту. Машина, дотавив судно до стоянки, точно в изнеможении остановилась сама по себе и замолкла на долгое время. Топливо было сожжено все. Осмотром бухты, в которую нам невольно пришлось забраться, Седов остался очень доволен. Он назвал ее бухтой Тихой, и это свое название она вполне оправдала: «Фока» стоял здесь десять месяцев, и льды ни разу не тревожили его.

«Когда я глядел на бухту Тихую теперь, пятнадцать лет спустя, мне временами казалось, что я и не покидал ее... Так же чернеет недвижный Рубини, так же проплывают по зеркальной глади бухты белые льдины, даже айсберги как будто остались все на тех же местах... А этот неутомимый крик птиц! Ведь это тот самый, который я изо дня в день слышал здесь в течение месяцев! Кажется, будто это происходило еще вчера и что между этим «вчера» и «сегодня» никаких пятнадцати лет нет.

«... Да, все-таки эти пятнадцать лет были. Разве слово «радиостанция» раздавалось здесь пятнадцать лет назад? А красный флаг на корме «Седова»? Нет, все ново, и только старый базальтовый Рубини все так же угрюмо неподвижен».

Бухта Тихая находится, как известно, в северо-западной части острова Гукера. Что это за название? Имеет ли оно какое-нибудь отношение к Арктике?

Гукеров было два — отец и сын, и оба были крупными английскими ботаниками, оба — директорами английского ботанического сада в Кью-гарден, в окрестностях Лондона. Иосиф Гукер — сын — был сначала морским врачом и в качестве такового совершил четырехлетнее плавание в морях Антарктики. Во время этих плаваний он изучал флору Антарктики. В результате этого изучения он опубликовал три своих научных ботанических труда: «Флора Новой Зеландии», «Флора Тасмании» и «Флора Антарктики».

Дальнейшие путешествия его по Индии, Гималаям, Тибету, Марокко обогатили науку множеством новых сведений по флористике и множеством новых ви-

дов растений. Богатейший гербарий и материал, собранный им, хранится в Кью и разослан оттуда, путем обмена, по многим другим европейским ботаническим садам.

Хотя Иосиф Гукер никогда не бывал в Арктике, тем не менее название этого острова оправдывается научной деятельностью этого выдающегося английского «охотника» за растениями.

* * *

По впечатлению, произведенному бухтой Тихой на Героя Советского Союза т. Водопьянова, совершившего свой замечательный полет на Землю Франца-Иосифа, это — самое красивое место из всех, которые ему пришлось видеть за полярным кругом в течение месяца своего перелета.

Он же рассказывает о своих наблюдениях и над жизнью и работой советских зимовщиков: «В 1929 году экспедиция О. Ю. Шмидта положила начало его освоения. В этом году на острове Гукера был сооружен первый жилой дом и оставлена первая группа зимовщиков. С тех пор с каждым годом росли объем научной работы на Земле Франца-Иосифа, сама зимовка и количество зимовщиков. Население поселка свыше двадцати человек. Во всем, даже в мелочах, здесь сказывается советский стиль, сталинская забота о живом человеке. В этой точке Арктики, на 80° северной широты, заботливой рукой нашей родины создано все, чтобы облегчить существование советским людям в суровых условиях Арктики. Здания зимовки построены прочно, добротно. Каждый зимовщик имеет отдельную комнату с электросветом и телефоном. К услугам зимовщиков уютная, светлая столовая, чистая баня. В свободное от работы время все собираются в большой кают-компании. Репродуктор передает музыку из Москвы. Здесь имеется богатая библиотека, пианино, звуковая киноустановка. Кроме всего прочего, зимовщики хорошо обеспечены питанием. У них имеется скотный двор, где находятся двадцать свиней и корова. В складе сложены штабелями окорока, грудинка, копченые колбасы, рулеты, консервы. Есть мука, сахар, сыры, конфеты, шоколад,

какао, кофе, виноградные вина. Запасов здесь заготовлено на несколько лет. Никогда в истории полярных исследований научные работники не смели даже мечтать о таких условиях жизни и работы в Арктике. За эту материнскую заботу о себе они оплачивают самоотверженным трудом. Они влюблены в свое дело, готовы работать круглые сутки, чтобы лучше выполнить поставленные перед ними задачи по «заготовлению» погоды для всей территории Советского Союза. Глаза этих тружеников Арктики, усиленные в миллионы раз точнейшими приборами, пытливо изучают ее свойства, и под пристальным их взглядом одна за другой разгадываются ее вековые тайны, разрешаются извечные загадки Арктики».

Впервые за время существования архипелага над его проливами, островами и ледниками взвилась ширококрылая механическая птица с зоркими и наблюдательными человеческими глазами и обозрела «провиденную» Кропоткиным землю. Водимая замечательным советским летчиком Водопьяновым, эта чудесная птица пролетала над островами и Гукера, и Галля, и Грэм-Белля, ознакомилась с ледовыми условиями острова Рудольфа и крайнего его северного мыса Флигели.

Чего же искала эта птица, что нужно было ей в холодной полярной стране, столь далеко заброшенной от Европы в полярное море?

Она искала ледового трамплина для прыжка к Северному полюсу, ради открытия которого сложило свои головы столько отважных полярных путешественников. И она нашла этот трамплин. Прыжок, расчетливый и уверенный, был сделан позже сразу четырьмя другими советскими самолетами, и полюс был впервые и окончательно завоеван большевиками.

На острове Рудольфа — самой северной советской зимовке, расположенной всего в 900 км от полюса — советские полярники ведут обширную научно-исследовательскую работу. Зимовщики полярной станции Рудольфа образцово подготовились к операциям героической полярной экспедиции и бесперебойно обслужили все полеты на Северный полюс.

БОРИС РИХТЕР

ГРЕНЛАНДИЯ

„А если спросишь — свободна ли от льда страна, или покрыта им, как и море, то ведай, что лишь малая часть земли свободна от льда, а остальная вся покрыта льдом“.

„Королевское зеркало“
(Средневековая хроника)

I

Гренландия — остров, величайший в свете, занимающий пространство в 2 180 000 кв. км, т. е. в два с половиной раза больше Новой Гвинеи и Борнео, в три раза больше Мадагаскара. С юга, от мыса Фарвел (59°45' сев. шир.), лежащего почти на широте Ленинграда, до северной оконечности — мыса Морриса Джезупа под 83°39', остров этот захватывает почти 23 градуса широты (приблизительно 2500 км). Гренландия равняется $\frac{2}{5}$ Европейской части СССР.

В истории полярных исследований Гренландия занимает весьма видное место. Гренландию изучали датчане, норвежцы, шведы, англичане, французы, американцы. Плеяда замечательных полярных путешественников, среди которых в первую очередь упомянем Пири, Грили, Локвуда, Норденшельда, Нансена и Расмуссена, связала свои имена с исследованием Гренландии. В наши дни свой замечательный вклад в сокровищницу арктической науки внесли папанинцы — четыре героических советских полярника, закончившие исторический дрейф на льдине в Гренландском море вблизи восточного берега Гренландии.

Почему же так «повезло» Гренландии? Чем объясняется тот интерес, который проявляют люди науки к этому острову?

Гренландия, эта северная Сахара, приобрела первоначально огромный интерес для науки как прообраз Европы в ее ледниковом периоде. Изучение материкового ледяного покрова Гренландии имеет весьма важное значение не только для геолога, но и для биолога, метеоролога, географа, выясняя целый ряд актуальных для науки вопросов.

Действительно, если не считать узкой прибрежной полосы, местами суживающейся до 10 км и нигде не превышающей по ширине 250 км, то вся Гренландия покрыта материковым льдом, сплошным ледяным щитом.

Лишь в самое последнее время стало известно, что представляет из себя ледяная сердцевина Гренландии. На протяжении ряда веков попытки проникнуть вглубь острова оставались безрезультатными. И в то время, как мореплаватели, постепенно все дальше продвигаясь на север, достаточно хорошо изучили сначала западное побережье Гренландии, а потом и восточное побережье, — внутреннее пространство страны до последних десятилетий оставалось загадкой.

В особом интересе к Гренландии играет также роль ее географическое положение. Гренландия является участком суши, наиболее приближенным к Северному полюсу. По данным современной географической науки, северная оконечность Гренландии выдвинута к полюсу дальше, чем какой бы то ни было другой остров или точка материка. У западных и восточных берегов Гренландии проходят те пути, которые, по мнению мореплавателей прошлого времени, были кратчайшими из Атлантического океана в Тихий.

А в последнее десятилетие, в связи с новыми открывшимися возможностями экономического использования Арктики и успехами полярной авиации, Гренландия, лежащая на проектируемой трансарктической воздушной трассе, связывающей Европу и Америку, вызывает острый интерес, прежде всего у англичан и американцев, — интерес, в котором соображения практического порядка уже несомненно преобладают над научными.

Какими же путями шло изучение Гренландии? Что мы уже знаем об этой стране и чего еще не знаем?

II

Исландские памятники X—XI веков сообщают о том, что человек по имени Гуннбьерн открыл острова к западу от Исландии и оттуда увидел лежащую вдали страну. Поездка его относится к первой половине X века. Под островами Гуннбьерна² следует понимать несколько островов у восточного побережья Гренландии. Благодаря путешествию Гуннбьерна было получено первое известие о Гренландии.

Более же подробные сведения о Гренландии европейцы получили в конце того же X века. Некий исландец, по имени Эрик Рыжий, вынужден был покинуть свою родину, опасаясь преследования за совершенное им убийство. Эрик Рыжий находился в безвестном отсутствии несколько лет, после чего так же неожиданно вернулся домой.

Эрик рассказал своим соотечественникам любопытные вещи. Если плыть от Исландии на северо-запад, то в океане встретишь неизвестную страну, покрытую обильной растительностью — «Зеленую страну». Рассказывая соотечественникам о своем путешествии, Эрик Рыжий не жалел красок и звал всех, кому не по душе суровая природа Исландии, ехать с ним в «Зеленую страну», куда вновь собирался предприимчивый конунг. За ним в новое путешествие отправилось немало желающих попытать счастья в этой сказочной стране.

По высадке на берег новые поселенцы образовали ряд мелких поселков на юго-восточном и юго-западном побережье новой страны. Очень скоро они пришли к выводу, что условия жизни здесь не только не соответствуют рассказам их предводителя, но и значительно хуже, чем в Исландии. Однако отступать было некуда, бороться с лишениями они привыкли еще в Исландии, к природе можно было приспособиться, и в то же время новая страна была не лишена некоторых богатств: здесь имелось много морского зверя, на суше водились обладавшие ценным мехом песцы. Можно было, кроме того, заняться в некоторых местах и скотоводством.

Во второй половине XIII века гренландские колонии подпали под власть норвежских королей и с той поры стали приходить в упадок. Начало этому положили тягостная монополия торговли, болезни, а главное — набеги являвшихся с севера «скрæлингеров»-эскимосов, которые заканчивались кровопролитными схватками. К концу XIII века сношения с Гренландией почти совершенно пре-

рвались, и с начала XV века мы более не встречаем в старинных хрониках записей об этой колонии.

Гренландия была забыта, ее пришлось открывать снова. Эта честь выпала на долю английского капитана Мартина Фробишера, который видел побережье Гренландии в каждое из его трех путешествий, в 1576, 1577 и 1578 годах, но на берега острова Фробишер не высаживался.

Вскоре, в 1585 году, к берегам Гренландии подошел новый мореплаватель Джон Дэвис, обследовавший западное побережье до 72°12' сев. шир. и назвавший открытую землю «Страной отчаяния» «Land of desolation».

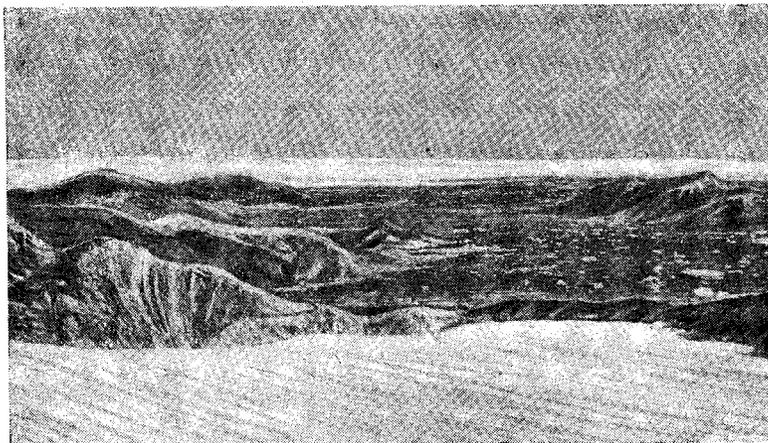
С совершенно определенными целями — установление торговых сношений с эскимосами — к берегам Гренландии отправились в 1605 году датские суда под командой шотландца Кэнинггема и, благополучно достигнув намеченной цели, произвели обмен товарами.

Далее мы видим у Гренландских берегов снова англичан: в 1607 году Гудзон вел свой корабль вдоль восточного гренландского побережья, направляясь в Берингово море; после него в 1616 году Бейлот и Баффин прошли вдоль западного побережья до 76° сев. шир., надолго установив рекорд самого северного плавания.

В XVII веке голландские китоловы неоднократно добирались до восточного побережья, и тогда же не сохранившийся в истории своего имени мореплаватель, посланный датским генеральным податным начальником Генриком Меллером, объехал восточное и западное побережье Гренландии, доставив довольно точные сведения об острове.

Затем снова наступает период, в продолжение которого прерываются сношения с Гренландией, пока в начале XVIII века норвежский пастор Ханс Эгге не основывает в Бергене «Торговое Гренландское общество». На одном из кораблей последнего он в 1721 году прибыл с женою и детьми в Гренландию. Началась меновая торговля с туземцами, и когда последняя оказалась прибыльной, в метрополии стали относиться к Гренландии благосклоннее. Появились корабли, миссионерские станции, миссионеры стали получать субсидию, торговля оживилась. Торговая монополия перешла в 1750 году в руки «Всеобщей торговой компании», и число поселений с тех пор стало расти из года в год.

Новая торговая компания снарядила в 1751 году экспедицию, чтобы разыскать легендарный «Эстербюгд» — в Скандинавии упорно держался переживший века миф, что где-то на восточном берегу сохранилась старая нормандская колония «Эстербюгд», уцелевшая от разгрома. Одновременно с этим торговец

**Юго-западное
побережье
Гренландии**

Валлэ проехал вдоль западного побережья к югу и достиг острова Ненеца на широте $60^{\circ}56'$.

В 1774 году «Всеобщая торговая компания» распалась, но торговля с Гренландией продолжалась. Все еще предполагалось существование «Эстербюгда». Для отыскания его была снаряжена вторая экспедиция в 1786 году; хотя ей и не удалось достигнуть цели, однако ее участники прошли вдоль восточного побережья далеко к северу.

III

XIX век покончил со всеми фантастическими поисками легендарных колоний. Перед капиталистическими странами запада, уже сформировавшими основы своей колониальной политики, встали новые задачи — нужно было найти морские пути к странам Востока, в Тихий океан. Благодаря географическому положению Гренландии изучение ее западного побережья в XIX столетии совпало с попытками разрешить вопрос о Северо-западном проходе из Атлантического океана в Тихий. Отдельные экспедиции для открытия Северо-западного прохода, продвигаясь проливом Дэвиса, Баффиновым заливом, затем проливом Смита, морем Кэна и далее к Северному полярному морю, естественно накапливали материал о берегах земли, служившей им базой на пути к северу.

Первым на этом пути был Инглфильд, которому удалось продвинуться севернее точки, достигнутой Баффином, на полградуса. 27 августа 1852 года он был на $78^{\circ}28'$ сев. шир.

В последующие годы дело пошло значительно быстрее. Кэйна на «Адвэнсе» в 1853 году, Гэйс на шхуне «Юнайтед

Стэтс» в 1860, Холл на корабле «Полярис» в 1870, Нэрс и Маркхам на кораблях «Алерт» и «Дискавери» в 1875 году продвигались все дальше к северу.

Кэйна, пройдя проливом Смита, открыл бассейн, названный впоследствии «морем Кэйна», и вошел в южную часть пролива, получившего название канала Кэннеди. Крайняя северная точка, достигнутая санными партиями экспедиции Кэйна, была $80^{\circ}50'$ сев. шир. Кэйна зимовал у берегов Гренландии, и материалы, собранные им, дали много нового для познания северо-западного берега Гренландии.

Научные работы Кэйна были продолжены спустя несколько лет участником его экспедиции — доктором Гэйсом. Хотя ему удалось продвинуться всего лишь на $1'$ севернее Кэйна, тем не менее научные результаты его путешествия были значительны. К океанографическим и метеорологическим наблюдениям Кэйна Гэйс добавил топографические материалы, полученные в результате съемки соответствующей части берегов Гренландии.

Холл достиг уже широты $82^{\circ}11'$. Он прошел насквозь канал Кэннеди, в северной своей части называющийся каналом Робсона, тщательно изучив его берега и собрав ценные материалы об этой почти недоступной северо-западной окраине острова.

Нэрс, прошедший тем же путем, что и Холл, но зимовавший не на восточном берегу пролива у берегов Гренландии, как Холл, а на западной его стороне у побережья земли Гранта, произвел не мало ценных наблюдений и у берегов Гренландии.

Пока шло таким образом изучение западного побережья, восточное также не оставалось без усиленного внимания со стороны все тех же англичан.

В 1822 году английский китобой Ско-ресби добрался до восточного побережья и обследовал его от 69°3' сев. шир. до 75-й параллели, открыв залив, названный его именем.

В следующем году это же побережье было изучено англичанами Клеверингом и Сабинном. Их экспедиции легко могли подчинить новые земли английской короны; обеспокоенные датчане, привыкшие уже смотреть на Гренландию как на свою колонию, послали лейтенанта В. А. Граа закрепить восточный берег за королевством. Граа провел в Гренландии три года, с 1828 по 1831, обследовав восточное побережье до 65°14' широты.

Промысловые богатства вод, омывающих восточное побережье Гренландии, привлекают сюда китобоев и промышленников, плавающих под флагами различных наций. Естественно, что вслед за искателями удачи двинулись туда и официальные экспедиции в надежде открыть и присоединить новые земли.

Несчастливо окончилось плавание французского военного судна «La Lilloise», которое в 1833 году зашло в восточно-гренландские льды и там погибло бесследно.

В 1883—1885 годах была тщательно обследована датской экспедицией капитана Холма южная часть восточного побережья до 66-й параллели. С этого времени начинаются регулярные работы датчан с целью детального изучения своей колонии.

В 1883 году Норденшельд высаживался на восточном побережье у мыса Дана, а в 1889 году капитан Р. Кнудсен на «Гекле» снова посетил этот берег. Датская экспедиция в 1891 и 1892 годах под начальством Ридера произвела иссле-

дование залива Скоресби. Берег от этого залива до станции Ангмагссалик был исследован Амдрупом. В 1889 году Натгорст сделал съемку фиорда Франца-Иосифа.

За рассмотренный период западное побережье, бывшее в начале XIX века только второстепенным объектом исследований, к концу века попадает в центр внимания специальных экспедиций.

Более доступное по ледовым и навигационным условиям западное побережье посетило за тот же период времени очень много торговых и промысловых экспедиций, оно изучалось датскими чиновниками, немецкими миссионерами и в меньшей степени учеными. Достаточно будет упомянуть Норденшельда и Ринка, а также экспедиции Дригальского 1891 и 1892/93 годов.

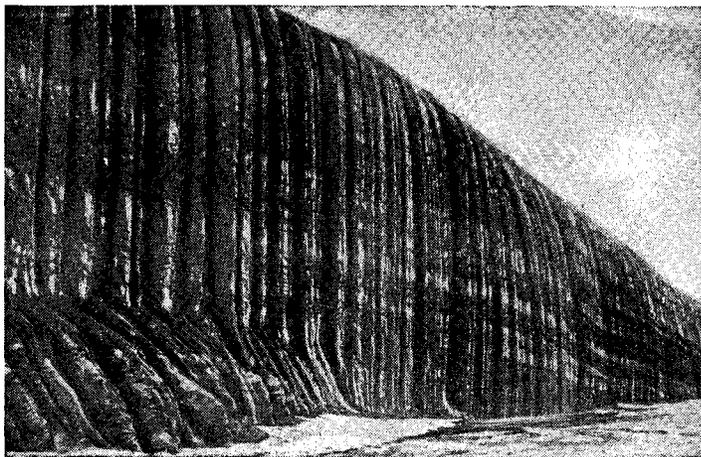
Обследование далекого северного побережья выпало на долю Роберта Пири, который во время своих неоднократных путешествий в 1891—1897 годах определил протяжение Гренландии к северу.

IV

Природа внутренних частей этой страны долго оставалась неразрешенной загадкой.

Первая известная нам попытка взойти на внутреннее ледяное плато Гренландии была сделана датским купцом Ларсом Далагером, обитавшим в колонии Фредериксборг, на юге Гренландии. Он в сентябре 1752 года взшел в сопровождении пяти гренландцев на окраину ледяного щита. Далагер поднялся на высокую, торчащую из льда скалу, чтобы оттуда взглянуть на внутренние пространства Гренландии, и увидел ровное снежно-ледяное поле, уходящее из глаз.

Край ледникового щита, доходящий на северо-восточном берегу до моря. Отвесная стена льда высотой в 50 метров, пересеченная моренными отложениями, с вертикальными жолобками, промытыми водой

Лишь в 1860 году удалось углубиться во внутренние льды Гренландии на значительное расстояние Хейсу, а одновременно с ним предпринятые попытки Джона Рей и в 1867 году Вимпера оказались безуспешными.

В 1870 году Норденшельд и Берггрэн после двухдневного странствования по льдам ушли на 100 км вглубь острова.

Экспедиция Иенсена, Корнерупа и Грота провела во льдах три недели и сделала важные наблюдения.

Шведской экспедиции 1883 года, опять под руководством Норденшельда, удалось под 68½° сев. шир. уйти дальше всех предшественников — на 117 км — от окраины ледяного щита.

В 1887 году Фритиоф Нансен решил пересечь Гренландию поперек от восточного побережья до западного. Это была необычайная для того времени экспедиция.

Плодом работ Нансена явились его книги: «На лыжах через Гренландию» и «Жизнь эскимосов».

Первое пересечение Гренландии, выполненное Нансеном, пролило достаточно света на внутреннее строение страны, хотя путь Нансена шел через южную и, следовательно, очень узкую часть Гренландии. После путешествия Нансена Гренландия представляется уже не загадочной, но крайне интересной для научного исследования страной.

Через четыре года, в 1892 году, Роберт Пири совершает пересечение Гренландии на крайнем севере от Китового пролива до фиорда Независимости. Пири провел в этой работе три года и внес много новых данных в дело изучения Гренландии. Открытие северо-восточного берега Гренландии — вот результат экспедиции Пири. Это достижение опять обращает внимание исследователей на восточный берег, и мы вскоре, в 1898/99 году, видим здесь датскую экспедицию Амдрупа, в 1905 — французскую, под начальством герцога Филиппа Орлеанского, и в 1906 — датскую, возглавляющуюся Миллиусом Эриксоном. Французы дошли до 79° и увязали обследованный берег со съемками предшествующих экспедиций. Руководитель датской экспедиции М. Эриксен поставил себе целью исследование берега от мыса Бисмарка до мыса Бриджмена. Эта экспедиция имела трагическую судьбу. От голода и холода погибли М. Эриксен и два его спутника — Хаген и эскимос Бренлунд. Следующей весной Кох нашел труп Бренлунда, тела же двух остальных не были найдены, как не были обнаружены и научные записи и съемки этого отряда. На розыски пропавших материалов в 1909 году был отправлен Э. Миккельсен, который не только нашел материалы Эриксена, но

повторил его путь на север, пополнив опись берега.

В результате рассмотренных работ восточный берег Гренландии от Ангмагсалика до фиорда Независимости был выяснен и нанесен на карту.

К этому моменту на сцену выступает новый исследователь, тесно связавший свою жизнь с изучением Гренландии, — Кнут Расмуссен. Этот путешественник, не в пример своим предшественникам, даже родился в Гренландии, и его бабушка со стороны матери была эскимоской. Гренландия для Расмуссена — родная страна, и он устраивает в 1910 году на мысе Йорк в заливе Северной звезды постоянную научную станцию и поселок, которым дал название полулегендарной северной страны, известной грекам, — «Туле». Под этим же наименованием Расмуссен организует группу ученых для исследования северных стран и в частности Гренландии.

С этого времени начинается целая серия датских экспедиций Туле, большая часть которых была осуществлена под руководством Расмуссена (1912—1919 гг.).

Нет возможности перечислить многочисленные экспедиции разных национальностей, работавшие у берегов Гренландии за период с 1920 по 1938 год. Останемся только на самых главных по полученным результатам. К таким экспедициям безусловно относится прежде всего экспедиция А. Вегенера в 1929—1931 годах.

Работы экспедиции А. Вегенера дали исключительно богатые результаты по метеорологии, гляциологии и геологии.

В 1930 году в Гренландии работает Британская экспедиция по исследованию воздушных путей. Цель экспедиции была совершенно практическая — изучить обстановку перелетов через Гренландию по трассе Америка — Европа и обследовать места для посадок. Во главе экспедиции из четырнадцати человек находился Уоткинс. Экспедиция располагала двумя самолетами. База экспедиции была в Тасьюсаке, близ Ангмагсалика, а в центральной части Гренландии была сооружена станция так же, как и у Вегенера.

Участники британской экспедиции Рийлл и Хэмpton совершили летом 1931 года пересечение ледникового покрова Гренландии от Ангмагсалика до Холстейнборга. Кроме того, участники этой же экспедиции Скотт, Стефенсон и Линдсей пересекли южную часть Гренландии в направлении с северо-востока на юго-запад.

Третье пересечение Гренландии в том же году было выполнено норвежцами Мэреном и Хейгардом.

В последнее время значительный интерес к Гренландии проявили американцы, отправившие в 1932—1938 годах

целый ряд экспедиций в различные пункты Гренландского берега. Среди них заслуживает внимания американская экспедиция для исследования воздушного пути между Америкой и Европой через Гренландию.

В 1934 году англичане организовали новую экспедицию, которая преследовала те же задачи, что и экспедиция 1930 года. Руководил экспедицией лейтенант М. Линдсэй. Всего экспедиция Линдсэя прошла около 2000 км по совершенно необследованным местам. В результате исследований Уоткинса и Линдсэя англичане пришли к заключению о непригодности гренландского варианта воздушной трассы Европа—Америка.

Очень интересное пересечение Гренландии было проделано летом 1936 года четырьмя французскими учеными, которые, высадившись в Якобсхавне, направились через ледяной щит, сначала поднимаясь в северо-восточном направлении до 70° сев. шир., а отсюда, резко изменив курс на юго-восток, по прямой линии прошли к Ангарсалику, откуда на рейсовом судне вернулись в Европу осенью того же 1936 года.

Наш обзор экспедиций по исследованию Гренландии был бы неполным без указаний на чрезвычайно ценные работы датского геолога д-ра Лауге Коха, который много лет потратил на детальное изучение геологического строения Гренландии и ее ледникового щита. Участник многих экспедиций и руководитель некоторых из них, он пешком, на лыжах, на собаках и наконец на самолетах в разных направлениях многократно пересекал Гренландию, продолжая свои работы до настоящего времени.

V

В результате всех исследований Гренландии, производившихся, как мы уже говорили, в течение последних двух столетий, было установлено, что это — остров и притом один из величайших на земном шаре. Берега его омываются на севере Ледовитым океаном,¹ на западе проливом Дэвиса, Баффиновым заливом, с юга Атлантическим океаном, с востока Гренландским морем и Датским проливом, отделяющим Гренландию от Исландии.

Хотя южная оконечность Гренландии, мыс Фарвел, лежит на широте Ленинграда и значительная часть южной Гренландии заходит далеко к югу за полярный круг, однако по целому ряду особенностей в физико-географических условиях Гренландии мы должны отнести ее всецело к полярным странам.

¹ В этой части Северного Ледовитого океана различают моря: Ванделя и Линдсэя.

При взгляде на карту Гренландии бросается в глаза сильная расчлененность ее береговой линии. Эта расчлененность на севере меньше, на юге же значительно больше, как на восточном, так и на западном побережье. Высота западного берега по сравнению с восточным значительно ниже — самые большие высоты находятся у восточного берега.

Знакомство с береговой чертой лучше всего начать с северной оконечности Гренландии — мыса Мориса Джезуппа. Сведениями о северном берегу мы обязаны, как уже говорилось выше, Пири и Кнуту Расмуссену. На крайнем севере острова ледниковый щит, как это ни парадоксально, не достигает морского берега. Здесь имеется береговая полоса переменной ширины, от 25 до 250 км, свободная от льда и представляющая обычную тундру; берег сравнительно невысок, но вглубь страны повышается параллельными террасами, пересеченными долинами весенних потоков.

Первоначальное представление, что на севере Гренландии находится значительный остров, приходится теперь признать ошибочным. Земля Пири, как называется эта часть Гренландии, непосредственно связана со всем островом.

Береговая линия к западу от мыса Джезуппа принимает направление на юго-запад и идет вдоль узких проливов Робсона, Кэннеди и Смита с заключенным между ними морем Кэйна, отделяющих Гренландию от острова Элзира, относящегося к Канадскому арктическому архипелагу. Эта часть берега расчленена заливами Петермана, Пибоди, Инглфильда и Северной звезды на отдельные полуострова, носящие названия земель Халля, Инглфильда и Гренвиля. Почти на всем протяжении этого берега — от мыса Вебсер к заливу Пибоди и далее к югу до самого Упернивика — ледниковый покров центральной части Гренландии подходит здесь непосредственно к морю. Это единственная часть Гренландии, где центральный ледник на таком большом протяжении омывается морем — на остальном берегу мы встретим только стдельные участки, где мы можем наблюдать то же явление. Берега земли Халля, у мыса Конституции и южный берег залива Пибоди от льда свободны. В этой части заслуживает упоминания обширный ледник Петермана, вливающийся в залив, носящий имя великого географа. На земле Инглфильда мы встретим второй обширный ледник Маркхама. От залива Северной звезды берег изменяет направление на юго-восток, делается менее расчлененным и, описывая от мыса Йорк до Упернивика дугу, образует обширный залив Мелвиля — часть Баффинова залива. Ближе к Упернивику мы встречаем множество мелких островов, образующих шхеры у мощ-

ного ледникового барьера, начавшегося упомянутым ледником Маркхама и идущего непрерывной стеной на протяжении 1000 км береговой линии.

К югу от Упернивика идет опять чрезвычайно расчлененная, узкая полоса свободного от льда берега. Здесь мы, продвигаясь с севера на юг почти по меридиональному направлению, последовательно пройдем мимо обширного полуострова Свартенхук, затем мимо глубоко врезавшейся, расчлененной бухты Уманак и попадем в залив Диско, закрытый с севера большим островом того же наименования. На берегах залива находится много мелких и крупных поселков. Здесь и в древности были самые большие поселения первых колонистов, приехавших в Гренландию следом за Эриком Рыжим.

За заливом Диско берег принимает своеобразные очертания — глубокие узкие фиорды следуют один за другим, врезываясь на 20—25 км вглубь страны навстречу ледниковым языкам, спускающимся к долинам фиордов от центрального ледникового щита. Высоты здесь до 600—800 м, и фиорды имеют отвесные берега, обрывающиеся с этой высоты, и только в районе Готхоба у Амералик-фиорда горы снижаются и отступают от моря, открывая холмистую страну с богатой растительностью: береговая линия ушла уже за полярный круг к югу. На этом берегу сосредоточены основные поселки как эскимосов, так и европейцев — это наилучшая по климатическим и физико-географическим условиям часть побережья Гренландии, наиболее благоприятная для жизни человека. Бесчисленные фиорды сменяют друг друга, и исполинскими зигзагами вьется береговая черта, спускаясь все дальше к югу, пока не достигнет южного мыса Гренландии, носящего поэтическое название Фарвел. Отсюда она начинает подниматься снова к северу, опять изрезав все побережье фиордами, хотя и не такими длинными, как на западе, но еще более глубокими, величественными и суровыми.

Лед центрального щита здесь очень близок от моря — он всюду виден на вершинах бесконечных плато, идущих от фиорда к фиорду, а в некоторых местах он мощными ледниками прорывается к самому морю. Мы отметим здесь фиорды Уманак, Ангмагссалик, Киалинек и Кангердлугсуак. За последним фиордом берег имеет восточное направление и у мыса Бопре подходит к ближайшему расступанию к Исландии, от которой его отделяет здесь Датский пролив, пересеченный почти на середине полярным кругом. Это обстоятельство сказывается на природе берега, которая уже от Киалинек-фиорда резко принимает суровый характер полярных горных тундр. От 70-й параллели восточный

берег изменяет очертания. Здесь к морю подходят высоты в 2000 м, а море отвечает на это завоеванием огромных площадей под заливы и бухты. Залив Скоресби, фиорды короля Оскара и Франца-Иосифа представляют в совокупности, может быть, самый величественный комплекс бухтовых образований на всем земном шаре. Залив Скоресби, носящий имя известного китобоя конца XVIII и начала XIX веков, открывшего его, образует во внешней части широкую бухту, психожую на маленькое море.

Между заливом Скоресби и фиордом короля Оскара лежит Ливерпуль-ланд — величественная горная страна с вершинами до 1200 м. На юг от залива Скоресби берег имеет другой вид — это плато, покрытое льдом, прорезанное долинами, ровное, лишенное резко-выступающих скал и вершин. Склоны плато спускаются к морю террасами, и горизонтальные полосы земных пластов позволяют здесь читать книгу геологической истории страны.

Совершенно иной характер носит средняя часть описываемого берега. На севере, около фиорда Франца-Иосифа и короля Оскара, стены скал отвесно обрываются к глубокому голубым фиордам, на поверхности которых плавают ледяные горы — великаны, по сравнению с человеческими сооружениями, но и они оказываются пигмеями по сравнению с окрестным ландшафтом. Только такое двойное сопоставление может дать представление о грандиозности картины этих мест, эффект которой увеличивается обилием красок: все берега сложены из коренных пород темного, фиолетового, зеленого, желтого, белого и яркокрасного цветов.

К северу за Ливерпуль-ландом лежит обширная земля Джексона, это область в 5000 км², не имеющая ни одного глетчера, покрытая вереском и мхом, со слабо пересеченным рельефом и богатым животным миром. К северу от района больших заливов свободный от льда берег становится уже и ниже, а ледники многочисленнее, и во многих местах прорывается к морю центральный щит, скрывая под собой действительные очертания берега, как это имеет место на земле Ламберта.

Достигнув широты 82°, берег круто берет северо-западное направление и образует опять два грандиозных фиорда — Датский и Независимости: это обширные бассейны, заполненные льдом, нанесенным как с моря, так и с суши глетчерами, впадающими в заливы. За фиордом Независимости мы попадаем на знакомую нам землю Пири и подходим опять к мысу Юриса Джезуита, но теперь уже с восточной стороны. Мы окончили знакомство с берегом Гренландии.

Теперь перейдем к внутренней части Гренландии, рассмотрим ее замечательный ледниковый щит — «живое геологическое тело», по меткому определению Л. Коха.

Если первоначально, до Нансена, считали, что Гренландия покрыта рядом обширных ледников и внутри страны возможно встретить значительные свободные от льда пространства, то Нансен доказал обратное.

Нансен доказал, что внутренний лед проходим, что он лежит сплошным покровом, как бы щитом покрывая Гренландию, без всяких свободных пространств, и только в некоторых местах через щит прорываются отдельные пики — вершины гор, так называемые «нунатаки». Поверхность щита выпуклая, и он равномерно спускается во все стороны по эллипсу, центр которого приблизительно совпадает с центральной частью острова. Гладкая белая поверхность щита удобна для передвижения на лыжах или нартах, но с приближением к окраинам увеличивается число нунатаков, появляются трещины и резко увеличивается склон. По представлению Нансена, щит достигает огромной высоты: на месте пересечения, т. е. на юге страны, максимальная высота перевала была 2700 м над уровнем моря, в центре Нансен считает его еще выше. Определяя толщину льда в 300—400 м, Нансен дал основание предполагать, что под ледниковым щитом скрыта обширная горная страна, и этот взгляд нераздельно властвовал до экспедиции Вегенера, хотя уже в 1912 году, после экспедиции де-Кервена, многие прежние представления поколебались.

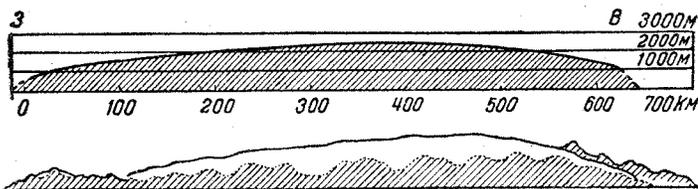
Исследования де-Кервена и Меркантина установили два или три центра оледенения Гренландии, сдвинутые ближе к восточной окраине острова и лежащие приблизительно: первый на 65° сев. шир., 40° зап. долг. и на 2700 м над уровнем моря, второй на 70° сев. шир., 39° зап. долг., на 2500 м и, наконец, предполагаемый 3-й центр может быть помещен под 75° сев. шир., 45° зап. долг., на 3000 м. Указанные исследователи сообщали, что поверхность материкового

льда оказалась ступенчатой — и притом по обе стороны ледораздела. На западном склоне на протяжении 150 км от края определено десять террас, а дальше еще четыре террасы, и лишь с высоты 2200 м начинается пологий подъем ледниковой поверхности. На восточном склоне таких террас оказалось три — на высоте 1650, 1900 и 2300 м; ширина их колеблется от 7 до 15 км. Де-Кервен считает, что такой характер поверхности льда связан с подледниковым рельефом подстилающей поверхности острова.

Исследования экспедиции Альфреда Вегенера внесли еще более значительные перемены во взглядах на внутреннюю Гренландию. Прежде всего было установлено, что мощность ледникового покрова значительно больше, чем она считалась. После произведенных измерений толщины льда сейсмическим методом были получены величины порядка 2500—2700 м для центральной части, а высоты подстилающей почвы дали всего только 300—500 м над уровнем моря. Следовательно, уровень внутренней Гренландии лежит под льдом гораздо ниже, чем береговые горы, на всем протяжении береговой линии. Гренландия должна представлять нам в виде глубокого овального блюда с приподнятыми краями, наполненного льдом, куполом поднимающимся над этим блюдом. Измерения у края щита дали толщину льда в 500 и 1000 м, на расстоянии 100 км от края 1700 м. По краям щита на форму поверхности льда сильно влияет рельеф подстилающей поверхности, и уже на 60 км от края образуются большие трещины оттого, что направление сползания льда предопределено рельефом. По результатам своих измерений участник экспедиции Вегенера Курт Велькен считал, что Гренландию покрывает 3 000 000 куб. км льда. Если весь этот лед растаял бы, то уровень мирового океана поднялся бы на 8 м и низменные места во всех частях света были бы затоплены.

Представление о движении ледникового покрова могут дать ледники, отходящие от общего ледяного массива к морям.

День и ночь — лето и зиму, год за годом — ползут эти бесчисленные лед-

Схематический профиль Гренландии между 70° на западном берегу и 66° на восточном

Наверху — профиль ледникового щита, внизу — примерное положение ледникового щита на подстилающей поверхности (по де-Кервену)

**Горный хребет
в Восточной
Гренландии**

ники, образующие как бы стоки для материкового льда Гренландии. Гелланд определил суточную быстроту передвижения гренландских ледников в районе Якобсхавна в 20 м, Рюдер вычислил скорость движения ледников Аугпадлартока — 31 м в сутки. Как реки образуют стоки для внутренних озер, так и в Гренландии бесчисленные колоссальные ледники образуют стоки для массы центрального льда. И эти реки-ледники ежегодно уносят в море значительное количество льда. Смит делал попытки хотя бы приблизительно определить ежегодную продукцию айсбергов различными ледниками западной Гренландии и Земли Эллисмита, причем дает для больших айсбергов цифру 7500; в объемных единицах это составляет 11 куб. км льда.

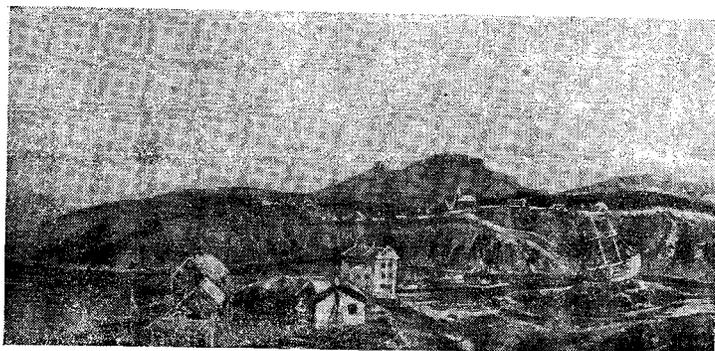
Вдвое большее количество льда откалывается от ледников в виде небольших айсбергов и осколков. Ледники, дающие такую продукцию, должны обладать огромными размерами; и действительно, в Гренландии мы находим величайшие в мире ледовые потоки.

VII

Познакомимся с рельефом и строением Гренландии. Конечно, говорить сейчас о рельефе всей Гренландии мы можем только условно. Мы видим, в какую ошибку впадали авторитетные исследователи, пока они не вооружались новыми методами и новыми приборами. В результате в нашем представлении весь лик Гренландии (конечно, Гренландии подледниковой) претерпел изменение. Если мы раньше считали, что Гренландия большей высоты достигает в центре под ледяным щитом, то теперь мы имеем обратное. Под льдом центральной части Гренландии находится расчлененная мало возвышенная область — всего до

500 м высоты над уровнем моря. Наоборот, рельеф материка значительно повышается к северу, западу и югу, но особого подъема достигает в восточном направлении. Достаточно посмотреть на карту, чтобы убедиться в этом. Обширные исследования, предпринятые в последнее время, открыли новые и новые области высоких гор и плато там, где раньше предполагали ледниковый покров. Еще в 1912 году де-Кервен открыл близ восточного берега гору Фореля в 3440 м. В 1931 году британской экспедицией для исследования арктических воздушных путей была открыта в той же области еще большая вершина в 4000 м, названная горой де-Кервена. Наконец вблизи фиорда Франца-Иосифа открыта гора Петермана — 3100 м. Полеты Уоткинса в 1930 году, Лауге Коха в 1931—1934 годах, Гронау в 1931 году привели к открытию высокогорной страны, расположенной вдоль побережья Гренландского моря от залива Скоресби до Сермелик-фиорда. Лауге Кох сообщает, что в этой системе он определил 4 вершины высотой в 4000—4500 м. М. Линдсей, начавший свой маршрут к северу от Якобсхавна в восточном направлении по 70 параллели, на 756 км вынужден был повернуть на юго-восток, а потом на юго-запад вдоль открытой им горной цепи. Протяжение новой цепи определяется в 1770 км. Мы вправе ожидать новых открытий в области установления рельефа внутренней Гренландии, и это вполне своевременно при существующих возможностях применения самолетов для съемок рельефа.

Вообще, конечно, мы должны признать, что первоначально Гренландии был свойственен рельеф горной страны, только в центральной части в значительных районах этот рельеф нарушен давлением колоссальной массы льда, покрывающей остров. В прибрежных ча-

Гольстенсборг —
поселок и гавань
на западном бере-
гу Гренландии

стях, где нет этого влияния, рельеф сохранился в характерной для него форме, причем наибольшего развития горообразовательные процессы достигли на восточной стороне, в то время как на западной первоначальный рельеф подвергся большим изменениям, благодаря чему здесь в некоторых местах встречаются довольно обширные ровные пространства. Резкие изменения температуры благоприятствуют выветриванию горных пород. Каменные глыбы, щебень и песок уносятся льдами. Таким путем разрушаются целые массивы.

При незначительной ширине прибрежной полосы естественно не могут развиваться более или менее значительные речные системы. Многочисленные речные русла в большинстве случаев коротки и наполняются талой водой, поэтому наибольшее количество воды они имеют в июне — июле, превращаясь в сентябре в небольшие ручьи. Они не судоходны даже для плоских лодок эскимосов. По течению рек часто попадают внутренние озера, в особенности в южной Гренландии.

Что же касается до геологического строения, то на западе свободное от льда побережье состоит главным образом из древних докембрийских образований, в которых наблюдается большое сходство с формациями Канады и Феноскандии. Недостаточность исследований этих образований не позволяет заняться подразделением и внутренним строением докембрия. Последнюю часть докембрия мы можем представить себе как длительный спокойный период. Отложения позднего докембрия незначительной мощности и состоят из песчаников и доломитов.

Далее спокойный период был нарушен вулканическими извержениями. Следы вулканической деятельности мы видим в северной и северо-восточной Гренландии в выходах диабазов. Вулканическая деятельность создала в свое время здесь

высокие горы, на которых начались процессы оледенения; следы этого признака геологической активности можно найти и сейчас — это древние моренные образования и ледниковые шрамы.

Поверх позднего докембрия залегают нижнепалеозойские образования, состоящие из известняков, зачастую богатых окаменелостями. Сюда относятся кембрийские образования на северном и восточном побережьях.

В этот период здесь было море, но затем произошло новое поднятие суши, а потом опять погружение, давшее образование обширным и глубоким заливам. В дальнейшем в них происходили отложения, которые мы теперь видим в виде граптолитовых сланцев, покрытых сверху песчаниками последующей каледонской складчатости.

Северную часть Гренландии можно подразделить на три района — западный, средний и восточный.

Средний район продвинул Земли Пири дальше всех на север. Он образован складчатыми горами. Западный район состоит из древнего основания с осадочной плитой, которая тянется к югу от Земли Пири, сначала в восточном направлении, а затем поворачивает на юг и падает под восточную гренландскую геосинклиналь (область накопления осадков).

Геосинклинали северо-восточной Гренландии сходятся под острым углом за пределами берегов. Видимая часть геосинклинали суживается к северо-востоку, а к югу она идет вглубь страны и образует фундамент всей прибрежной полосы, лишенной ледяного покрова.

В восточной Гренландии имеется также геосинклинали — она тянется вдоль всего восточного побережья до южной оконечности острова, и совершенно естественно связать ее с геосинклиальной системой Ньюфаундленда и Северной Америки.

История восточной Гренландии нам представляется в следующем виде. Мы

видим прежде всего образование каледонской геосинклинали и выполнение ее отложениями докембрия и палеозоя.

Следующий этап—каледонская складчатость с глубинным метаморфизмом и последующей мощной эрозией. В верхнем девоне и карбоне происходит отложение песчаников многотысячметровой толщи, прерываемой складкообразованиями. Далее наступает морская трансгрессия с землетрясениями. Это занимает время от перми до верхнего мела. В третичном периоде широко распространены извержения.

Мезозойский отдел имеет распространение не только в восточной Гренландии, но и на западном ее побережье, где в это время образуется крутой береговой обрыв, более 1000 м высоты. В области шхер здесь отлагаются мощные осадки с большим числом растительных отпечатков. Морские следы мы находим в отложениях как мелового периода, так и в начале третичного. Впоследствии они были перекрыты базальтами.

Рассмотрим несколько ближе гренландскую флору прежних периодов земного шара. Исследования окаменелостей дают возможность предполагать в геологическом прошлом этой арктической страны более теплый климат. В начале мелового периода мы имеем папоротники, хвойные деревья и даже тополя. Совершенно иную картину растительности представляют окаменелости следующего атлантического пласта. Здесь мы обнаруживаем субтропическую флору: лавровые и фиговые деревья, магнолии и другие. Верхние меловые пласты изобилуют представителями лиственных: дуб, береза, платан, клен, осина, фиговое дерево, грецкий орех и лавр. Этот богатый

органический мир погиб и был сменен другою, третьей флорой, которая возникла под влиянием значительно более прохладного, но все еще теплого климата. Из третичных пластов, сохранивших остатки этой флоры, мы извлекаем отпечатки листьев ивы, граба, бука, каштана, сосны, можжевельника и кипариса. Присутствие здесь также некоторых вечнозеленых растений доказывает, что зима в те времена не отличалась еще особой суровостью.

В четвертичных же пластах мы находим указание на дальнейшее ухудшение климатических условий: не только вечнозеленые, но и почти все лиственные умеренного климата исчезают под влиянием резкого похолодания. Размеры и тема настоящей статьи не позволяют нам касаться причин, вызвавших такие изменения в климате Гренландии в прошлые геологические периоды.

VIII

Для современной флоры Гренландии насчитывают до 377 видов явнотрубчатых и сосудисто-тайнотрубчатых растений. Из этого количества 274 вида относятся к южной Гренландии. По направлению к северу флора оскудевает, не обнаруживая, однако, заметного изменения своего характера, так как $\frac{2}{3}$ встречающихся под 72-й параллелью видов растений представлены также и во флоре южной Гренландии. Все встречающиеся здесь деревья довольно низкорослы и в большинстве случаев вытеснены по земле. Это виды березы (*Betula odorata*, *B. intermedia*), ольхи (*Alnus ovata*), малорослого можжевельника (*Juniperus communis*), из них два последних растения поднимаются выше других по склонам гор и встречаются

Уманак-фиорд
на юго-восточном
берегу Гренландии

севернее прочих. Район распространения березы ограничивается исключительно самыми южными частями побережья. Все то, что произрастает, относится к субарктической и арктической флоре, которая бывает различной, смотря по характеру и положению отдельных местностей.

В южной части западного побережья в местах, доступных солнечным лучам, растут деревья — осина, можжевельник, береза, особенно же разрастается один вид ивы (*Salix glauca*), образующий заросли, которые могут служить значительной преградой путешественнику. Растительность восточного берега значительно беднее западного. Между кустарниками растет множество различных трав, в том числе роговик, одуванчик, тысячелистник, колокольчик, иван-чай, пушица, желтый мак, лютик и много других растений, которые вместе с хвощами, плаунами и, особенно, свежими зелеными мхами образуют густой, прекрасный ковер, покрывающий большие пространства. Далее к северу в арктической зоне мы найдем только стелющиеся по самой земле ивы и можжевельники. Между ними попадаются ягодные растения, вроде съедобной голубики. Здесь еще много цветковых растений — например, фиалки, незабудки, анемоны и маки. Многие из этих растений имеют многолетние вечнозеленые листья, оказывающиеся весьма полезными при кратком вегетативном периоде, так как тотчас после таяния снега они в состоянии приступить к размножению. Мы находим здесь торфообразный слой до 15 см толщины. Разрезанный на небольшие куски, этот торф служит топливом.

В северных частях острова, где жизненные условия становятся менее благоприятными, уже не видно связанного растительного покрова, здесь только местами встречаются отдельные особенно живучие и неприязательные травы, мхи и лишай. Последние вообще очень развиты в Гренландии, и мы сейчас уже насчитываем 102 вида, но это далеко не исчерпывает их действительного перечня. Вертикальное протяжение растительного района зависит от границы снеговой линии, проходящей на высоте от 600 до 1100 м.

Приспособление растительного мира к суровым условиям природы характеризуется находкой на крайнем севере до 90 видов цветковых растений. А факт обитания на самой северной оконечности Гренландии, на Земле Пири, оленей и мускусных быков указывает на существование здесь отнюдь не ничтожной флоры.

Животный мир не блещет таким многообразием, как растительный. Здесь повсеместно встречается и часто стадами полярный заяц (*Lepus arcticus*), песец (*Lepus lagopus*). На крайнем севере и в северо-

восточных районах до Земли Джексона включительно распространен мускусный бык (*Ovibos moschatus*), или, как его иногда называют, овцебык. Это крупное животное с рогами, напоминающими бараньи, с густой длинной шерстью, низко посаженной головой, короткими, но сильными ногами, копытами которых он может пробивать корку гололеда в поисках пищи. Он встречается сейчас сравнительно небольшими стадами и не боится человека, вследствие чего подвергся сильному истреблению. В недалеком прошлом стада мускусного быка были очень многочисленны в Гренландии. Это животное представляет желанную добычу как для эскимосов, так и для европейцев. Охота на них легкая, а материальная выгода очень велика. Мясо быка съедобно, а шкура находит многообразное применение в хозяйстве.

Олень (*Cervus tarandus* Linnaeus), ранее водившийся большими стадами, теперь стал также редким животным, он почти истреблен человеком и полярным волком (*Canis lupus albus* Kerr), пришедшим сюда вслед за оленем с островов Канадского архипелага.

В прибрежной полосе в северных широтах довольно распространен белый медведь (*Ursus maritimus groenlandicus* Brula).

В летнее время берега Гренландии оживают: сюда прилетает множество пернатых, покрывающих скалы фиордов тысячными массами. Мы найдем здесь несколько видов чаек, гусей, уток, из которых отметим гагу с ее ценным пухом, пуночек, целый ряд видов хищных птиц, в том числе полярную сову.

Воды, омывающие берега Гренландии, изобилуют морским зверем. Здесь прежде всего большим распространением пользуется гренландский тюлень (*Phoca groenlandica*). Реже встречаются морж, кит и нарвал. Бельуха плавает у берегов Гренландии многочисленными стадами.

Из рыб надо отметить навагу, треску, мелкую, но распространенную среди эскимосов как продукт питания, мойку (*Uallotus villosus*) и, наконец, полярную акулу.

К домашним животным надо отнести прежде всего гренландскую или эскимосскую собаку. Это упряжное животное совершенно необходимо здесь для передвижения в зимнее время.

Европейцы с успехом культивируют различные виды домашнего молочного скота.

IX

Климат Гренландии вследствие значительной протяженности острова в широтном направлении — 23 параллели пересекают Гренландию — неизбежно подвержен некоторому разнообразию, хотя и

не в такой степени, как этого можно было ожидать, если бы Гренландия находилась не в столь высоких широтах. Кроме общей полярности, вторым руководящим фактором является здесь внутренний ледяной покров, а третьим — различные термические характеристики морских бассейнов, омывающих берега Гренландии. В результате взаимодействия всех перечисленных факторов мы найдем не слишком значительную разность летних температур для различных пунктов всего побережья Гренландии.

Самым теплым месяцем является здесь, судя по многолетним наблюдениям гренландских метеорологических станций, июль. Для сравнения мы возьмем средние месячные температуры июля, полученные на метеорологических станциях, расположенных по одной и той же широте на восточном и западном берегах Гренландии.

Температуры июля (в градусах Цельсия)

Западный берег

Туле	4,7
Упернивик	4,9
Икарасак Сатут	8,3
Суккертоппен	9,1
Нанорталик	6,2

Восточный берег

Датская Гавань	4,4
Миггбукта	3,7
Залив Скоресби	4,5
Ангмагссалик	7,1

Зимой, напротив, разность температур очень значительна между севером и югом, а распределение по широтам обратное по отношению к летним температурам, т. е. если летом восточный берег

на равных широтах имел температуру ниже западного, то зимой температуры на западном берегу ниже, чем на восточном.

Самый холодный месяц зимой в Гренландии — февраль. Распределение температуры по средним месячным данным в феврале имеет такой вид.

Температуры февраля

Западный берег

Туле	—29,4
Упернивик	—23,2
Икарасак Сатут	—20,8
Суккертоппен	—11,2
Нанорталик	— 5,2

Восточный берег

Датская Гавань	—27,4
Миггбукта	—21,4
Залив Скоресби	—18,7
Ангмагссалик	— 9,1

Для полноты картины интересно привести средние годовые температуры по многолетним данным.

Средняя годовая температура

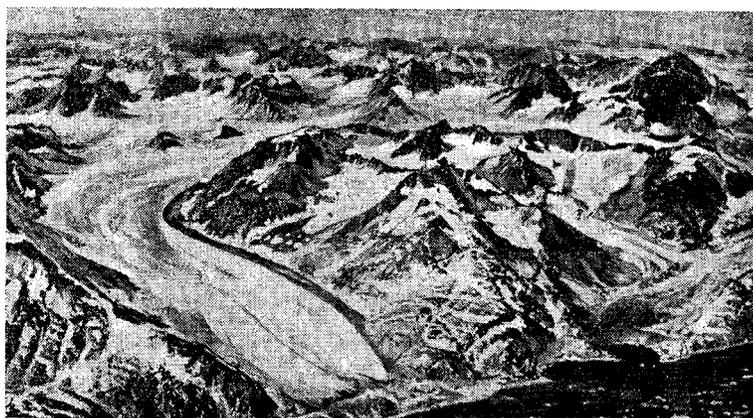
Западный берег

Туле	—12,7
Упернивик	— 8,6
Икарасак Сатут	— 6,0
Суккертоппен	— 1,3
Нанорталик	+ 0,5

Восточный берег

Датская Гавань	—12,6
Миггбукта	—10,5
Залив Скоресби	— 8,0
Ангмагссалик	— 1,6

Ледники и нуна-таки на восточном берегу Гренландии

Совершенно иной режим обнаружен во внутренней части острова, на центральном ледниковом щите. Наблюдения экспедиции А. Вегенера, производившиеся с 1 августа 1930 года по 5 августа 1931 года в центральной части щита на высоте 3030 м над уровнем моря под широтой 70°54' и долготой 40°42', а также на краю щита, на западном берегу на высоте 954 м (71°11' сев. шир. и 51°07' зап. долг.), за тот же период показали, что на ледниковом щите климат отличается невероятной суровостью, нет ни одного месяца в году с положительной температурой, а средняя годовая (—30,2) говорит сама за себя.

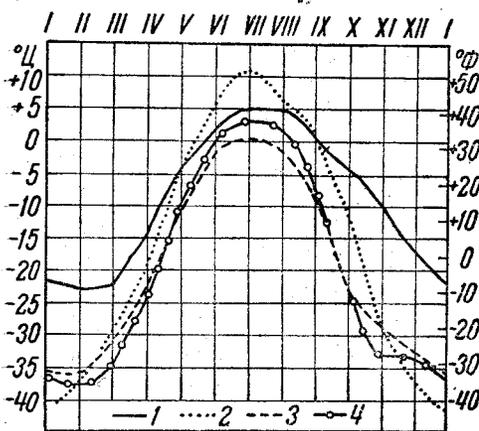
Рассматривая многолетние метеорологические наблюдения Гренландии, мы отмечаем наивысшую из наблюдавшихся здесь температур +20°6, отмеченную метеостанцией в Ивигуте, и наименьшую —36°0, взятую из наблюдений станции в Якобсхавне.

Метеорологические наблюдения, произведенные в 17 точках побережья и на ледниковом щите на двух станциях, дают достаточный материал, чтобы прийти к выводу, что в Гренландии мы можем наметить четыре области, в климатическом отношении различных между собой: 1) центральная область ледникового щита со средней годовой температурой в —30°2, с характерными особенностями ледяной арктической пустыни, 2) северные части восточного и западного побережья со средними годовыми температурами от —8° и ниже; южная граница этой области на западном берегу будет соответствовать,

примерно, 70-й параллели, на восточном же берегу эта граница будет лежать, примерно, на полярном круге, 3) южная часть западного берега с годовыми температурами от —6,0 до 0°. Это наиболее благоприятная по климатическим условиям часть прибрежной полосы для жизни человека, произрастания не только дико растущих, но и культурной в известном отношении флоры. Наконец четвертая область—это часть восточного берега от мыса Фарвел до полярного круга. Мы видим, что эта область очень слабо освещена в метеорологическом отношении: здесь имеется только одна станция в Ангмэгссалике. Однако, анализируя общие физико-географические условия этой части побережья, мы можем сказать, что она находится в значительно худших климатических условиях, чем соответствующая ей часть западного берега.

Очень долгое время господствовало убеждение, что над Гренландией находится область стационарного высокого давления. Метеорологические исследования экспедиций последних лет, однако, дали обширный материал, рассмотрение которого заставляет отказаться от столь упрощенной барической схемы. Барика Гренландии находится в большей зависимости от общей циркуляции атмосферы в полярном районе, чем это считалось раньше. В этой системе циркуляции воздушных масс мы можем отметить три основных типа: летний тип, при котором мы будем иметь характерный для него перенос воздушных масс в арктическом потоке, направленном от Шпицбергена к Баффиновой Земле. Однако мы здесь можем иметь нарушение этого потока в случаях значительных вхождений в средние широты теплых масс тропического происхождения, тогда создаются потоки, как бы обтекающие Гренландию против часовой стрелки. Более устойчивую картину мы можем установить для зимнего типа. Он будет отличаться прохождением арктических воздушных масс, увлекаемых в северо-западном потоке от центральной части Ледовитого океана. Осенью и весной здесь наблюдается крайне неустойчивый режим, находящийся в тесной зависимости от циклонической деятельности в северной части Атлантического океана.

X

Годовой график температур в различных районах Арктики

1 — Упернивик, 2 — Усть-Янск, 3 — Северный Ледовитый океан под 83° с. ш., 4 — северная Гренландия под 82° с. ш.

Мы попытались дать самый сжатый обзор физико-географических условий Гренландии. Мы видели, что это одна из самых суровых по природе частей Арктики. Закованная в броню многовекового льда, Гренландия на 9/10 своей территории представляет условия, исключаящие возможность какой бы то ни было

органической жизни, и только узкая прибрежная часть, свободная от льда, характеризуется условиями, в относительной степени благоприятными для существования здесь самой неприхотливой флоры и фауны, способных противостоять суровой и изменчивой природе.

Точно так же только самое закаленное в борьбе с природой из всех человеческих племен могло выбрать берега Гренландии местом своего обитания. Основное население Гренландии составляют эскимосы. Количество их по сравнению с площадью не только всего острова, но даже с площадью свободной от льда прибрежной полосы, очень невелико. По последним данным, имеющимся в нашем распоряжении по датской переписи 1931 года, в Гренландии живет 16 222 эскимоса. Из этого количества насчитывается 7694 мужчин и 8528 женщин.

Кроме эскимосов, в Гренландии проживают 408 европейцев, из которых 288 мужчин и 120 женщин; по национальности это датчане — 311 человек, гренландцы¹ — 59, немцы — 25, шведы — 13 человек.

Приводим список главнейших населенных районов.

Оуланенхоб . . .	2541	жит.
Нанорталик . . .	1120	"
Фридериксхоб . . .	1205	"
Годхоб	1432	"
Суккертоппен . . .	1487	"
Гольстенсборг . . .	987	"
Эгедесминде . . .	1773	"
Христиансхоб . . .	635	"
Якобсхавен	772	"
Ритенбенг	679	"
Годхавн	448	"
Уманак	1466	"
Упернивик	1199	"
Ангмагссалик	768	"
Скоресбизунд	118	"

Гренландия является датской колонией, и вся торговля в Гренландии является государственной монополией; особая правительственная канцелярия в Копенгагене, подчиненная министерству внутренних дел, руководит хозяйством колонии. В самой Гренландии в факториях живут чиновники, ведущие торговлю с населением и одновременно являющиеся представителями административной и судебной власти.

Территориально западное побережье в административном отношении разделено на две области: южную с главным пунктом Годхоб и северную, где главным поселком является Годхавн. Во главе каждой области стоит инспектор, назна-

чаемый метрополией. Области разделены на округа, каждый из которых имеет главный поселок, несколько постов и промысловых станций. Кроме инспектора, в области имеются еще его помощники— ассистенты, миссионер, доктор и радиотехник.

Управление отдельными поселками основано на патриархальном начале: обычно в каждом поселке живет одна семья, и один из жителей, самый старший, с большим опытом, с авторитетом лучшего охотника, является главой поселка.

Датское правительство развило в Гренландии систему полной опеки туземного населения, проникнутой религиозно-миссионерским духом, стремясь всемерно оградить эскимосов от внешнего мира.

Европейская часть населения занимается или торговлей, или же выполнением служебных своих функций, так как в подавляющем своем большинстве это все датские чиновники— администраторы, таможенники, миссионеры, врачи, радиотехники и т. д. Что же касается до занятий эскимосского населения, то это в основном — промыслы. Прийдя в начале XIII столетия в Гренландию из Америки, следуя на своем пути по областям распространения мускусного быка, на которого эскимосы охотились, они, заняв гренландские побережья, сохранили до наших дней охоту как основную род занятий. Зимой эскимос охотится главным образом на песца и отчасти на белого медведя. С наступлением весенних дней начинается промысел гренландского тюленя, выходящего на лежку, на прибрежный лед. В отдельных местах идет охота также и на моржа. После отхода льдов от берегов Гренландии эскимосы переходят на морской промысел. В легких лодочках специальной конструкции— каяках, сделанных из непромокаемых кож морских зверей, эскимосы выходят в море во всякую погоду. В деле управления каяком эскимос достиг высокого искусства. Если каяк перевернется на воде, то сидящий в нем эскимос всегда может его выправить. Опытные охотники при сильном волнении умышленно переворачивают каяк, подставляя волне его дно, и выправляют каяк снова, когда волна прокатилась. На таких каяках эскимосы охотятся за тюленями, белухой и нарвалом. Кроме охоты, эскимосы занимаются также и рыбной ловлей. Подспорьем в бюджете эскимоса являются заработки, доставляемые обслуживанием многочисленных экспедиций, ежегодно работающих в Гренландии. Для них эскимосы поставляют собак, служат погонщиками последних и проводниками экспедиционных отрядов.

Ввоз в Гренландию составляет 2,3 млн. крон, вывоз 1,8 млн. крон.

¹ Т. е. европейцы, родившиеся в Гренландии.

Семейство эскимосов, живущее в заливе Скорсбё

Ввозятся хозяйственные товары, продукты питания (мука, консервы, овощи, сахар), ткани, охотничьи ружья и боеприпасы. Ввозятся продукты промыслов: жир, шкуры моржовые, песцовые, белых медведей, гагачий пух, птичье перо и моржовая кость, а также добываемый в Ивигтуте криолит — прозрачный минерал, употребляемый при изготовлении соды, алюминия и при выделке опалового стекла. Его разработка сдана в концессию акционерному обществу и дает государству доход в 600 000 крон в год. Кроме того, эксплуатируются небольшие месторождения графита.

В последнее время на Гренландию стала предъявлять права Норвегия, сделавшая попытку оккупации восточного берега. Спор между Данией и Норвегией был передан на разрешение Гаагского трибунала, который решил его в пользу Дании, признав всю Гренландию датской колонией.

* * *

По размерам настоящей статьи мы могли только в общих чертах обрисовать крайне интересную природу Грен-

ландии в свете последних открытий и исследований как ее побережья, так и внутренних частей, а также дать некоторое представление о ее политическом положении и экономическом состоянии.

Мы видим на наглядном примере, как мало могла сделать Дания для этой обширной страны и населяющих ее эскимосов, несмотря на то, что более трехсот лет длится опека капиталистического государства над островом.

Этот пример наглядно показывает невозможность культурного развития и хозяйственного освоения зарубежной Арктики в условиях капиталистического мира. Невольно напрашивается сравнение Гренландии с нашей советской Чукоткой или, например, с островом Врангеля. Свободно развивающееся в условиях советского строя, имея великую Сталинскую Конституцию, местное коренное население Крайнего Севера нашей страны строит новую культурную счастливую жизнь. Только в условиях советского строя возможно освоение безграничных арктических пространств и возрождение народов Севера на основе ленинско-сталинской национальной политики.

Ф. ШЕПЕТОВ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ В НАУКЕ И ПРАКТИКЕ ПО ОЛЕНЕВОДСТВУ ¹

I

Вся научно-исследовательская работа по оленеводству была сосредоточена в прошлом (1931—1935 годы) в Институте оленеводства. Этот институт просуществовал до 1935 года. За четыре года своей работы институт мало продвинул вперед изучение актуальных вопросов оленеводства, а в некоторые периоды его деятельности имело место явное вредительство.

Институт переживал недопустимую текучесть в руководстве. Достаточно сказать, что за это время сменилось три директора (Марчулин, Бурцев, Козлович). За все время институтом не была организована периферийная опытная сеть и не была создана необходимая для нее база. В институте преобладали описательные работы, разбросанность и многогранность; не было акцентирования на основные, наиболее актуальные вопросы, что вело к непроизводительной трате научных сил и государственных средств.

Враги народа, пролезшие в этот институт, пытались всячески пакостить и вредить. Так, была пущена в производство «научная» тема под таким заголовком: «Установление благоприятного времени для весеннего забоя».

В чем заключается вредность этой темы?

Обычно, после полуголодного зимнего содержания на подножном корме, к весне олени бывают в истощенном теле. Весна совпадает с отельным периодом в оленеводстве. Промышленный убой оленей производится осенью. В этот период шкуры телят мало поражены личинками кожного овода и животные бывают в нагульном теле. Институт

в 1933 году задался «целью» найти благоприятный период для промышленного убоя оленей зимой, весной или летом (Родионов). На станции спускается тема без целевой установки о проведении убоя оленей в эти сезоны. Станция начала прорабатывать данную «тему», но сотрудники одной станции (Нарьян-Мар) ближе заинтересовались целевой установкой темы и сделали соответствующий запрос институту. И когда выяснилось, что целевая установка «темы» заключается в искании благоприятного периода зимой, весной и летом для промышленного убоя оленей, то станция отказалась выполнять эту тему, ввиду ее нелепости и вредности. С полгода между институтом и станцией шла переписка. И только после послышки станцией протокола расширенного совещания, на котором присутствовали специалисты и хозяйственники, вскрывшие нелепость и вредность этой темы, институт прекратил переписку по данному вопросу.

Так был предотвращен бесцельный и вредный убой довольно значительного количества животных.

Вот другой пример.

Как известно, почти весь отел в оленеводстве проходит в мае. Институт оленеводства «решает» перенести срок массового отела на июнь, мотивируя это тем, что «он теплый месяц». «Тема» для проработки спускается Нарьянмарской станции. Но станция выполнить тему отказалась, так как перенос отела на июнь является вредным: теленок сразу же попадает в неблагоприятные условия массового появления комаров и до осени он или погибает, или же ввиду недоразвитости будет выбракован при осеннем убое.

Эта тема усилиями местных научных работников была также снята как вредная.

Третий пример: с организацией оленеводческих хозяйств на Крайнем Севере экономика оленеводческого хозяйства резко изменилась. Оленье мясо как

¹ В основу данной статьи положена часть работы, которая вышла в Институте полярного земледелия в результате приказа по Главсевморпути о подготовке материалов к составлению третьего пятилетнего плана.

основной продукт оленеводства стало приобретать все большее и большее значение. Естественно, что при таких условиях специалисты оленеводства должны были искать пути для увеличения выхода оленьего мяса.

Зимой 1932/33 года Нарьянмарская станция поставила вопрос перед Институтом оленеводства о проведении эксперимента с целью обоснования переноса убоя оленей-самцов на более поздний возраст. По мнению станции, наиболее целесообразным должен быть убой в возрасте 3½ лет. Станция своих оленей тогда не имела, и, чтобы провести работу, требовалось утверждение темы институтом и последующее распоряжение Оленеводтреста о выделении для станции Ненецким совхозом нужного количества животных. После долгих дискуссий станции все-таки удалось получить санкцию института на проведение данной работы, но при этом было поставлено условие, чтобы убой перенести на 1½-летний возраст. Между тем, это являлось не только нецелесообразным, но и вредным, так как в возрасте 1½ лет олень дает недостаточное количество мясной продукции и шкура его в этот возраст получается низкого качества.

В свете вопроса об убое молодняка небезынтересно остановиться и на вопросе об истреблении быков.

По установкам Оленеводтреста — с 1931 по 1933 год включительно в совхозах ежегодно забивалось большое количество ездовых быков. Эта директива «обосновывалась», во-первых, «сокращением амплитуды кочевания», что, якобы, снижало степень эксплуатации оленьего транспорта, и, во-вторых, увеличением процента маточной части в стадах. Результат такого истребления ездовых животных привел к тем условиям, которые еще и до сих пор затрудняют должное развитие оленеводческих совхозов.

Хотя амплитуда кочевания действительно была сокращена, но наряду с этим потребность в оленьем транспорте в совхозах еще более увеличилась, так как новые методы ведения хозяйства стали более трудоемкими и для осуществления их требуется большее число ездовых быков. Освоение Крайнего Севера требовало и требует больших перевозок грузов. В частности, на Кольском полуострове олений транспорт является единственным видом местного транспорта. Между тем, именно здесь-то число ездовых быков было доведено до минимума.

Если еще и до сих пор в работе оленеводств мы имеем ряд отрицательных моментов, то надо прямо сказать, что одной из основных причин их является большой недостаток оленьего транспорта. Этот недостаток ухудшался еще тем,

что в оленеводствах ежегодно забивалось большое число телят-самцов. При наличии ежегодной нормальной убыли быков пополнение и ремонт этой группы не могли производиться.

Ясно, что все эти факты являются актами вредительства, результатом подрывной работы врагов народа. Встает вопрос: разгаданы ли, опознаны ли те люди, которые так «направляли» дело? Некоторые из них продолжают и сейчас «подвизаться» в системе Главсевморпути, а иные работают в Институте полярного земледелия. Не ясно ли, что надо заняться строжайшей проверкой кадров сельского хозяйства, до конца разоблачить вредительство и изгнать из системы все сомнительные элементы.

II

В 1935 году Институт оленеводства был реорганизован в Отдел оленеводства Арктического института Главсевморпути (заведующий отделом Сочава, б. директор ВАИ Самойлович).

Как Институт оленеводства, так и Отдел оленеводства Арктического института по большинству разрабатываемых вопросов не дал ожидаемых результатов.

Если взять итоги работы Отдела оленеводства и его опытной сети за 1937 год, то прямо можно сказать, что план был сорван. Из 21 темы, предусмотренных в плане по отделу, закончено всего 8. Огромное недовыполнение имелось и на опытной сети.

Как же обстояло дело после, уже при деятельности Института полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства, организованного в 1937 году на базе Отдела оленеводства и Промыслового отдела ВАИ и находящегося в непосредственном ведении Сельскохозяйственного отдела Главсевморпути?

В конце июня с. г. в Институте полярного земледелия проходила сдача дел бывшим заведующим Отделом животноводства А. Лукиным новому заведующему. После сдачи дел был составлен акт. Этот документ свидетельствует об исключительной, вопиющей бездеятельности Отдела животноводства. (Это является еще одной иллюстрацией к «работе» Института полярного земледелия, возглавлявшегося в недавнем прошлом Шишиным.)

В акте имеется 10 пунктов. И все они без исключения содержат одно слово: «отсутствует»... Не удалось составленным актом, например, выявить степень подготовленности станций к выполнению намеченной тематики. А сам Лукин оказался некомпетентным в этих вопросах. Отсутствовали отчеты по научно-исследовательской работе в зональных стан-

циях, поэтому не удалось определить, как же последние выполнили свой тематический план. Отсутствовали данные по финансированию.

Состояние дел по Отделу животноводства и его сети характеризует и то, что, кроме двух докладных записок, ничего на месте не оказалось. Совершенно нелепая картина обнаружилась с подбором кадров на 1938 год. Не говоря уже о том, что отсутствовали работники на многих станциях, сотрудники нередко принимались без всякого медосвидетельствования, в результате двоих из них (Соловьева и Репонен) пришлось просто уволить с понесением большого материального ущерба. Многие работники отправлялись на места крайне несвоевременно, и это влекло к срыву тематического плана.

Знакомое в акте слово «отсутствует» встречаем мы и в остальных пунктах этого анекдотического акта. В частности, отсутствовали подготовленность к печати и учет научных работ. Все работы не были прорецензированы.

Отсутствовала, наконец, ясность в функциях (права и обязанности) Отдела животноводства в отношении периферийной сети. Совершенно неизвестно, в чем выражалась ответственность отдела за состояние этой сети.

Бывший заведующий отделом животноводства А. Лукин легко и охотно подписал под всем этим актом, за исключением одного пункта, в котором сказано, что «прием-сдача Отдела животноводства, по причине выезда т. Лукина, по его тематике затянута. Фактически т. Лукин самоустранился от работы...» По нашему же мнению, этот пункт далеко еще не полностью вскрывает и характеризует все безобразнейшее попустительское отношение к извращениям науки по оленеводству со стороны руководителя отдела, директора Шишина, и бывшего руководства Сельхозотдела Главсевморпути в лице Богомолкина.

Больше того, в постановлении V пленума Комиссии Крайнего Севера и Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ) записано, что еще и «до настоящего времени ничего не сделано по улучшению хозяйственно-полезных качеств северного оленя и поднятию его продуктивности, не разработаны вопросы организации и оплаты труда в пастушеских бригадах совхозов и колхозов, пастбищеобороты, нормативы по оленеёмкости пастбищ и т. д.»

Чем все это объяснить?

Нижеследующие факты, по нашему мнению, отвечают на поставленный вопрос.

Кадры научных работников в массе недостаточно удовлетворяют предъявляемым требованиям. Работа по подготовке кадров поставлена из рук вон

плохо. Не проводилось никакой работы по подготовке работников к защите диссертации. Это создавало слабую их заинтересованность и вызывало текучесть состава. Имело и имеет место сильная засоренность штатов опытной сети.

Еще и до сих пор сеть (зональные станции и опорные пункты), на которой ведется исследовательская работа по оленеводству, находится в стадии организации. Основной организационный недостаток, тормозящий работу сети, заключается в неудовлетворительном состоянии строительства лабораторий, научных кабинетов, помещений для жилья и для опытных животных. Например в течение трех лет строились помещения для Мурманской и Нарьянмарской станций, но до сих пор они окончательно недостроены (не проконопачены, не обшиты, не оштукатурены и т. д.), а теперь уже требуют капитального ремонта. Прекрасное двухэтажное здание в 16 комнат Ямальской станции распоряжением ГУСМП передано Тобольскому теруправлению, и теперь станция с 18 сотрудниками, их семьями и семьями пастухов опытного стада имеет в своем распоряжении лишь небольшое здание в шесть комнат. И вот при таких условиях протекает работа Ямальской станции.

Анадырская станция и Саранпаульский пункт также не имеют соответствующих помещений для научной работы. Булунский пункт имеет одно небольшое здание, но пользоваться им не может, так как здание построено на большом расстоянии от поселка Булуна — места пребывания станции.

Не лучше обстоит дело и со средствами связи. Известно, что механические средства связи по водным артериям в условиях Заполярья имеют огромное значение, но, несмотря на это, ни одна из станций и пунктов до сих пор не имеет своего моторного катера.

Об этом безобразном состоянии научной сети знают Институт полярного земледелия и Сельхозотдел Главсевморпути, но никто из них не принимал соответствующих мер для быстрой ликвидации этого вопиющего безобразия.

При оленеводческих станциях Института полярного земледелия имеются опытные оленеводческие стада с поголовьем: на Мурманской станции — 3196 голов, Нарьянмарской — 1443, Ямальской — 1250, Саранпаульской — 300 голов. В текущем году намечается организация оленеводческих стад и при самом институте в Игарке, с поголовьем до 1500 оленей. Всего к концу текущего года поголовье в опытных стадах достигнет 8000 голов. В этих стадах должна проводиться экспериментальная работа по образцовому и показательному ведению оленеводческого хозяйства на основе последних достижений науки.

Но как на практике ведутся хозяйства?

Достаточно, хотя бы, указать на вопиющий, граничащий с вредительством факт потери за прошлый год более четверти поголовья оленей в Мурманском опытном хозяйстве (МЗОС), где, помимо того, из рук вон плохо поставлено и снабжение хозяйства производственным оборудованием, плохо проведена инвентаризация и т. д. Скверно обстоит дело и с выполнением тематического плана. Делами этого хозяйства следовало бы заинтересоваться следственным органам (бывш. директор Петров, технический директор Савускан).

Основная причина таких явлений заключается не только в недостаточном контроле и руководстве хозяйствами со стороны института. В этих условиях хозяйства в лучших случаях перенимали новые способы хозяйства у совхозов и колхозов, вместо того чтобы быть проводниками технической реконструкции оленеводческого хозяйства.

Институт полярного земледелия должен оперативно руководить опытными хозяйствами своей системы и осуществлять четкий контроль. Мы считаем, что институту необходимо включить в штат планового сектора квалифицированного зоотехника-олeneвода, с подчинением директору, который бы осуществлял эту важную производственную работу, имеющую большое практическое значение для производства и для науки.

III

Если из тематики в настоящее время усилиями и настоящим низовых научных работников исключен вопрос «обоснования» убоя молодняка, то на практике это еще проводится в довольно широких размерах, причем забой молодняка производится в возрасте от 4 до 4,5-месячного возраста. Массовый убой телят-оленей в этом возрасте приводит оленеводческие хозяйства к тому, что они ежегодно недополучают большое количество мяса; с другой стороны, это лишает их возможности иметь резервы мясных и транспортных оленей.

Нужно заранее предвидеть, что на Крайнем Севере необходимо будет иметь хорошо организованный транспорт и значительные резервы мяса. Одним из основных видов транспорта несомненно является транспорт оленей, наиболее приспособленный для условий Севера. Для этого нужно создать резервы транспортных животных и рационализировать этот вид транспорта. При существующем же направлении оленеводческие хозяйства не только не имеют в резерве транспортных оленей, но их даже не хватает для внутривозрастных нужд.

Недостаток транспортных оленей в оленеводческих хозяйствах объясняется отсутствием резервов быков, которые убиваются еще в 4—4,5-месячном возрасте, и неправильной организацией транспорта.

В настоящее время во всех оленеводческих совхозах (за исключением Будунского и частично восточных совхозов) единственным видом оленьего транспорта является транспорт санный. Этот транспорт применяется как в зимнее, так и в летнее время. Применение санного транспорта для всех видов работ приводит к тому, что эффективность работы ездовых оленей, особенно летом, очень сильно снижается.

Для иллюстрации приведем такие примеры.

В окарауливании каждого стада ежедневно применяются две сядры (упряжки) быков. В каждую сядру в летнее время запрягают в среднем пять ездовых оленей, т. е. каждый день при окарауливании одного стада необходимы десять ездовых быков. В то же время известно, что эвенки при окарауливании стада применяют верховых оленей и их требуется только по одному оленю на каждого пастуха в сутки, т. е. эффективность в данном случае повышается в пять раз.

При перевозке грузов летом в каждые грузовые санки запрягают три быка, которые с трудом перевозят в среднем 90—100 килограммов груза. Эвенки же свои грузы перевозят вьючно, что увеличивает эффективность почти в два раза. Ездовые быки под верхом и под вьюком меньше изнуряются, чем в запряжке. Наконец, вьючный транспорт летом более подвижен, чем санный.

Все это, вместе взятое, совершенно ясно говорит о необходимости внедрения на Крайнем Севере вьючного вида транспорта, ибо перенос опыта эвенков имеет большое хозяйственное и оборонное значение. Отметим, что как применяемый санный транспорт, так и вьючный требуют целого ряда усовершенствований. Этими вопросами следовало бы по-серьезному заняться нашей научно-исследовательской системе.

Из всего сказанного сам по себе напрашивается вывод, что «установка» Сельхозотдела Главсевморпути по проведению ежегодного в первых числах октября «промышленного» забоя всех «лишних» телят (а по примеру совхозов это делают и колхозы, и единоличники) по существу являлась «мероприятием», идущим вразрез с коренными интересами оленеводства.

В организации выпаса оленьих стад до сих пор также ничего существенно нового не сделано. Спущенная на места в 1936 году Сельхозотделом Главсевморпути инструкция о раздельном выпасе

стада в течение круглого года на практике не применялась, так как она имеет целый ряд крупных недостатков, не позволяющих провести ее в жизнь. Но Сельхозотдел не хотел видеть эти недостатки и не считал нужным внести изменения в эту инструкцию, чтобы сделать ее жизненной и ценной для производства. Отдельные предложения работников о рационализации выпаса были похоронены в архиве.

Землеустройство оленеводческих хозяйств на Крайнем Севере имеет также ряд крупных недостатков: 1) неправильное распределение сезонных пастбищ и 2) неправильное установление границ отведенных территорий. На почве этих недостатков ежегодно возникает ряд недоразумений, имеющих часто крайне нежелательные последствия.

Общеизвестно, что одним из основных тормозов в развитии оленеводства является так называемая копытная болезнь (копытница) оленей, отходы от которой в некоторые годы составляют до 60%.

Институт полярного земледелия в этом году организовал на Ямале, в Ныде, специальную станцию по изучению «копытки». Само собой разумеется, что на новом месте работ должны быть прежде всего созданы для исследователей соответствующие рабочие условия. Основное условие — это выделение экспериментального стада, приблизительно в 350 голов оленей, с соответствующим обслуживающим персоналом, транспортом и инвентарем.

Кадры институту были подобраны и в июне уже выехали на место полевых работ (два профессора, один доцент, четыре врача — старших научных сотрудников, три лаборанта; всего десять человек). Оборудование тоже отправлено, но... опытного стада не было и в конце июля. На все запросы Сельхозотдел Главсевморпути не реагировал, действительной помощи от него институт не получал.

Вот характерный документ:

«I VII 1938 № 868 Молния .

Москва Главсевморпуть Васильевой

Несмотря неоднократные ходатайства выделения копытных работ 350 оленей удовлетворение разными предложениями отклоняется тчк Это безусловно сорвет работу тчк Проводить тематику целом стаде как ветсанитарном отношении зпт так технически нельзя тчк Настаиваем выделить 350 оленей тчк Ваше распоряжение сообщите тчк Ляхов»

В ответ на это Сельхозотдел проявляет «сверхоперативность» и присылает в копии Институту полярного земледелия для сведения нижеследующий документ:

«Телеграмма Ныда Оленсовхоз

4 VII 1938

Выделение оленей копытное стадо необходимо произвести к концу года зпт количестве быков времени передачи договоритесь станцией тчк Васильева»

Видите: указывается, что «выделение оленей... необходимо произвести к концу года» (?!), а между тем срок полевых работ вышеупомянутой группы исследователей определялся максимум тремя месяцами, начиная с половины июля. Как это квалифицировать?

Нельзя не отметить тревожного положения, в котором находится исследовательская работа на Крайнем Севере по ветеринарии.

Вот что записал в своем постановлении в марте 1938 года пленум Комиссии Крайнего Севера ВАСХНИЛ:

«Ветеринарная научно-исследовательская работа на Севере до настоящего времени проводилась... непланово. Между отдельными ведомствами, ветеринарные организации которых работали и работают на Севере, нет надлежащей увязки в работе. Вследствие этого в настоящее время не только не имеется ясного представления о ветеринарно-санитарном состоянии Крайнего Севера, но даже по отдельным изучаемым заболеваниям не имеется достаточных данных, чтобы, основываясь на них, построить рациональные мероприятия...».

Если к приведенному добавить, что в последнее время в некоторых районах Крайнего Севера зарегистрированы случаи наличия бруцеллеза среди завезенного туда рогатого скота, то надо прямо сказать, что этот факт представляет непосредственную угрозу для оленеводства.

Наркомзему надо принять самые срочные и решительные меры для ограждения районов оленеводства от заноса указанных инфекций. Для этого, согласно совершенно правильному решению V пленума Комиссии Крайнего Севера ВАСХНИЛ, необходимо:

«...организовать на путях продвижения скота на Север, вне оленеводческой зоны, ветеринарные карантинные пункты; хозяйства Крайнего Севера комплектовать животными, вывозимыми только из благополучных хозяйств, расположенных в благополучных районах». «Выявить и ликвидировать в кратчайший срок очаги бруцеллеза, для чего провести поголовное исследование всех видов сельскохозяйственных животных в районах, неблагополучных по бруцеллезу, как расположенных в оленеводческой зоне, так и граничащих с ней».

Вокруг этих вопросов, поставленных пленумом ВАСХНИЛа, должна работать и научно-исследовательская мысль в стенах Института полярного земледелия.

Враги народа, орудовавшие в системе Главсевморпути и Наркомзема, видимо, немало сделали для того, чтобы затормозить научную и производственную работу в области оленеводства.

Казалось бы, что после разоблачения вредителей вся общественность нашего института должна была по-настоящему взяться за ликвидацию последствий вредительства. Однако от этой важнейшей задачи институт самоустранился.

Характерно, что б. оргбюро Института полярного земледелия (председатель Плукс) под давлением общественности взялось было за анализ деятельности института в прошлом, но все материалы случайно или неслучайно... оказались под судом, и никаких реальных мер принято не было. Больше того, видимо, не без участия (вольное оно было или невольное — безразлично) Сельхозотдела Главсевморпути Института в последнее время был доведен до тяжелого состояния.

В Среднеколымске существовала до организации Института полярного земледелия сельскохозяйственная станция НКЗ. Станция, судя по материалам, достигла неплохих результатов. Местные организации возлагали на нее большие надежды по внедрению огородничества, а следовательно и витаминного питания в районе. Эта станция из НКЗ была передана новому Институту полярного земледелия, который вместе с Богомолкиным, не смотря на протесты местных организаций — райкома и райисполкома, закрыл ее и имущество роздал местным организациям, т. е. полностью ликвидировал станцию и тем самым лишил этот район внедрения витаминного питания.

Саранпаульский оленеводческий совхоз имел подсобное хозяйство, где выращивали огородные культуры. Это являлось хорошим примером для местного населения. Оргбюро возбудило ходатайство перед бывшим Омским теруправлением передать это хозяйство Саранпаульскому пункту института. Теруправление удовлетворило это ходатайство. Приняв подсобное хозяйство, оргбюро не выделило нужных средств для пункта, и пункт вынужден был подсобное хозяйство закрыть.

После оргкомитета, оставившего, кстати сказать, тяжелое наследство, Сельхозотделом Главсевморпути был прислан на руководство институтом неизвестный Богомолкину и Васильевой — Шишин. Этого «руководителя», по требованию общественности института, через пять месяцев приказом по Главсевморпути не только сняли с работы, но и вообще уволили из системы Главсевморпути.

Жульничество, подлоги и др. злоупотребления ключом били в стенах инсти-

тута, о чем свидетельствует ряд материалов по отделу снабжения и т. д. Для ищущих легкой наживы «хлестаковых» и «халтурщиков» институт являлся «обетованным» местом.

Некоему престарелому Николаю Ивановичу Полевицкому дозарезу нужны деньги. Он идет к Шишину с заготовленным «договором», по которому за 4000 руб. обуславливается написание «труда», удовлетворяющего следующей программе:

«Значение дикорастущих ягод в пищевом и диетическом отношении. Сбор и обработка дикорастущих ягод. Сушка, мочение ягод, заготовка жидкого пюре, ягодных варений и начинок, производство сгущенных соков, ягодных концентратов и ягодных вин. Заготовка и переработка клюквы, брусники, морошки, черники, голубики, смородины, облепихи, можжевельника, рябины, черемухи, шиповника».

Под эту работу был получен задаток 3000 руб. Но кому нужна эта халтура? Это имеется в каждой поваренной книжке.

Компетенция автора по данному вопросу видна хотя бы из того, что он, подписав договор, стал спрашивать сотрудников института о том, где и какая на Севере растет ягода.

Система «авансов» нашла широкое распространение в институте. Директор Шишин и главный бухгалтер Никитин незаконно выдают на руки большие суммы. Так, в начале апреля с. г. некий Александров, не имевший прямого отношения по работе к институту, получает 4500 руб. на покупку пишущей машинки. В его заявлении буквально написано следующее:

«Прошу о выплате 4500 руб., необходимых на приобретение пишущей машинки системы «Ундервуд», которая мне крайне необходима для издания трудов по арктическому овощеводству».

И на этом заявлении халтурщика Александрова красуется резолюция руководителя института и главного бухгалтера о немедленной выдаче денег. Получив на руки 4500 руб. еще 7 апреля, Александров отбыл в Москву. И до сих пор нет ни слуху, ни духу от Александрова. Не возвращал ни денег, ни машинки...

Перечисленные факты и примеры далеко не исчерпывают всех безобразий по институту.

* * *

Для успешного выполнения поставленных задач в области науки и производства по оленеводству и устранению имеющихся недостатков необходимо:

1) Обеспечить должным руководством Институт полярного земледелия, а виновных в развале работы привлечь к стро-

жайшей ответственности. Необходимо самым решительным образом очистить сельскохозяйственные кадры от враждебных элементов и всех сомнительных людей.

2) Коренным образом изменить систему и порядок руководства опытной сетью, для чего установить систему отчетности для отдельных точек (в зависимости от условий связи), кроме годовой отчетности, — полугодовую и поквартальную, разработав соответствующую схему этой отчетности.

3) Для обобщения производственного опыта установить непосредственную связь с производством, а также с отдельными стахановцами и передовиками-оленоводами, для чего разработать конкретные мероприятия и дать указания на места зональным станциям.

4) Проверить весь состав работников по оленеводству как в самом институте, так и по опытной сети, приняв меры к укреплению их квалифицированными научными кадрами. Разработать систему повышения квалификации научных работников в институте и опытной сети и возможности защиты диссертаций. Создать должную материальную базу для работы института и опытной сети (жилые помещения, лаборатории, оборудование).

5) Надо немедленно решить вопрос о сосредоточении научно-исследовательских работ в области ветеринарии в одном месте, с учетом охвата полного комплекса ветработ на Севере. То же самое — и в отношении мероприятий по ограждению и ликвидации инфекционных болезней северного оленя (бруцеллез, туберкулез и т. д.). Для увеличения доходности оленеводческих хозяйств и быстрого воспроизводства оленей — форсировать изучение так называемой копытной болезни оленей с тем, чтобы в ближайшие годы получить возможность вести успешную борьбу с ней. В целях улучшения качества шкур оленей обеспечить мероприятия по борьбе с кожным оводом оленей, для чего провести научно-хозяйственный опыт по поголовному очищению от личинок кожного овода всего стада оленей в отдельно взятом изолированном районе.

6) Поставить массовые научно-хозяйственные опыты подкормки оленей в зимнее и весеннее время, связанные с систематическим голоданием оленей, а также подкормки производителей в пе-

риод гона. Развернуть массовую селекционно-племенную работу на всех станциях и совхозах, превратить их в очаги развертывания племенного дела в окружающих колхозах и единоличных хозяйствах.

7) Заняться институту разработкой вопроса организации и оплаты труда в оленеводческих совхозах и колхозах, обеспечить обмен опытом лучших стахановцев — мастеров оленеводства.

8) Необходимо серьезно заняться рационализацией пастбищного хозяйства, что должно повести к обеспечению нормальной эксплуатации их и повышению продуктивности. Форсировать создание искусственной кормовой базы с тем, чтобы полностью обеспечивать растущие потребности социалистического оленеводства.

9) Надо немедленно пересмотреть вопрос массового забоя молодняка оленей, как не отвечающего современным запросам рационального ведения оленеводческого хозяйства, с перенесением забоя на более поздний возраст оленей. Это значительно повысит сырьевые и транспортные ресурсы оленеводческого хозяйства.

10) При оленеводческих хозяйствах рекомендовать организацию двух типов стад, а именно: плодовые, служащие для воспроизводства оленей, и товарные. Товарные стада оленей, в зависимости от экономических и территориальных условий, могут быть чисто транспортные, чисто мясные или смешанные. В районах расположения товарных стад мясного направления необходимо построить холодные помещения для длительного хранения свежего мяса. А при товарных стадах транспортного направления организовать специальную подготовку оленей для различных видов транспорта. Селекционно-племенную работу в плодовых стадах необходимо подчинить требованиям, вытекающим из направления товарных стад.

11) Необходимо перенести опыт применения вьючного транспорта в те районы, где этот вид транспорта еще не применяется.

Данные мероприятия (а они далеко еще неисчерпаны) мы рекомендуем, исходя из необходимости подчинить деятельность института разрешению насущнейших запросов оленеводства, вытекающих из задач Третьей Сталинской пятилетки на Крайнем Севере.

ВОЗГЛАВИТЬ ИНИЦИАТИВУ ПОЛЯРНИКОВ

Энтузиасты-полярники не ограничиваются только формальным выполнением порученной им программ работ в области метеорологии, актинометрии и т. д. Они присматриваются к особенностям северной природы, пополняют наблюдения своими заметками, изыскивают способы лучшего измерения и регистрации исследуемых объектов, конструируют приборы, предлагают свои методы наблюдений и т. д. Новые конструкции изготавливаются и испытываются на этих же полярных станциях.

Полярники стремятся освоить и применить в своей области методы Стаханова. Нередко то или иное предложение включается в станционное сообразительство и объединяет вокруг его выполнения весь коллектив станции, а через межстанционное сообразительство это начинание привлекает к себе внимание общественности других станций, воодушевляя товарищей на новые работы.

Таким образом, например, ледовый футшток оказался известным всем полярным точкам. Сведения об изобретении постоянной рядовой рейки также обошло постепенно все станции, и теперь она всюду применяется. То же можно сказать и о ледовом мареографе.

К сожалению, инициатива полярников не получает должной поддержки. Ежегодно, по возвращении зимовщиков, в Главсевморпути возникают разговоры о необходимости обмена опытом, но дальше разговоров пока дело не идет. Обмен опытом ни в каком виде не был организован, если не считать «научной конференции», созванной Управлением полярных станций в 1937 году,¹ на которой выступали гидро-метеорологи, случайно находившиеся в это время в стенах Главсевморпути.

По-настоящему никто не знает, что сделано полярниками за истекшую зимовку, что новое ввели они в свою работу.

Бюро изобретений Главсевморпути, организованное в 1937 году, не может охватить все стороны творческой инициативы зимовщиков, так как последние создают не только конструкции, но применяют новые методы наблюдений, включают в круг своих исследований новые объекты наблюдений и т. д.

Необходимо создать специальную ячейку, которая выявляла бы все новые достижения и предложения за истекший год, объединяла бы их и доводила до сведения всех полярников. До сих пор

эта область работы находится в беспорядочном положении.

Единственный след о проделанной работе остается в отчетах за зимовку, причем упоминания о нововведениях зачастую занимают 1—2 строчки. Полярники не приучены к подробному изложению своих рационализаторских достижений, да и в центре они принимаются в «общем порядке».

Просматривая отчетный материал, хранящийся в делах Управления полярных станций, мы смогли выбрать и несколько систематизировать имеющиеся там указания на проявления творчества и инициативы полярников за последние 3—4 года.

Даже краткое перечисление примеров этой творческой инициативы на зимовках сможет послужить первой попыткой широкого обмена опытом и привлечь внимание нашей общественности к этому важному участку работы.

* * *

Метеорологи полярных станций, борясь за бесперебойную работу самописцев во время пурги, изыскивают различные способы защиты приборов от заносов: например, на многих станциях снимаются защитные сетки у приемников. На полярной станции мыс Шмидта в 1934/35 году прибежали к покрытию будок на время метелей мешковиной; на станции Ванкарем в 1936/37 году стремились создать герметичность футляров самописцев. На мысе Желания в 1936/37 году нашли, что самописцы не заносятся снегом, если их поставить на дно будки и расположить под углом направления метелевых ветров.

Чтобы облегчить мучительную зиму процедуру смены лент самописца, на острове Белом в 1934/35 году поставили вращающуюся на столбе небольшую будку, в которой и производили смену лент; на мысе Шмидта в 1936/37 году изготовили специальный ящик, в котором приносили барабаны с уже наложенными лентами. Таким образом, смена ленты сводилась к смене барабанов. На острове Белом в 1935/36 году смену лент производили в свободный промежуток времени, именно в 14 часов, сопровождая эту операцию дополнительными наблюдениями.

Анеморумбограф, оказавшийся прибором, не пригодным к работе в условиях Арктики, вызвал целый ряд попыток частичного улучшения его системы. Так, в 1934/35 году на мысе Желания были сделаны некоторые конструктивные изменения, которые оказались удачными.

¹ См. «Советскую Арктику» № 1 за 1938 г., стр. 84.

Чтобы предохранять напочвенные термометры от нагревания их солнцем, зивовщики употребляли легкий экран.

В 1934/35 году на мысе Шмидта был сконструирован почвенный испаритель, а в 1936/37 — дополнительная защита к нормальному дождемеру. На мысе Челюскина в 1934/35 году сконструирован и испытан максимальный флюгер. На мысе Шмидта в 1936/37 году был изготовлен и установлен самописец, регистрирующий порывы ветра. На острове Уединения в 1936/37 году были изготовлены термометры для определения температуры снежного покрова. На мысе Шмидта в 1934/35 году проведено определение величины максимальной нагрузки, выдерживаемой снежной поверхностью, для чего сконструировали снежный динамометр. Там же проводились исследования снегозащитного забора. В 1936/37 году делались опыты по ускорению схода снега с помощью шлака.

На острове Белом в 1936/37 году проведена большая работа по составлению дневника погоды, согласно синоптическим явлениям.

На мысе Шмидта в 1934/35 и 1936/37 годах проводились измерения величины гололеда и изморози с помощью специальной линейки.

Глубина оттаивания почвы промерялась на мысе Шмидта в 1934/35 году, на острове Белом в том же году, на острове Котельном в 1936/37 году. В бухте Тихой в 1933/34 году составлен альбом различных форм снежинок. Фотографирование снежинок производилось также в 1934/35 году на острове Белом.

Метеорологи заботились и о расширении сети станций и стремились шире поставить исследование атмосферы близ своей станции. Например, в бухте Тихой в 1931 году организовали временный метеопункт на вершине ледникового купола. В 1934/35 году мыс Шелагский организовал метеопункты Тамбей и Дровяной. Уэлен в 1936/37 году поставил временный метеопункт на вершине мыса Дежнева. В 1933/34 году мыс Шмидта выдвинул проект организации новой станции — Перевальная (этот проект осуществлен в 1936 году).

* * *

Стремясь обеспечить исследование наиболее высоких слоев атмосферы с помощью шара-пилота и радиозондов, аэрологи изыскивали лучшие способы обработки оболочек шаров. В 1935/36 году на мысе Шмидта применяли смачивание оболочек смесью глицерина со спиртом. Этот опыт передали на остров Врангеля, где он получил одобрение.

Чтобы предотвратить преждевременный разрыв шаров на высоте, на мысе Желания в 1936/37 году устраивали специальные клапаны, выпускавшие излишек

газа. Высота их подъемов после этого возросла до 21—23 тыс. метров. В бухте Тихой заметили, что надувание шаров теплым водородом обеспечивает большие высоты, чем при употреблении холодного водорода из баллонов. В 1936/37 году на мысе Шмидта проведены опыты со специальной конструкцией шаропилотных фонариков. В бухте Тихой переконструирован газогенератор для добычи водорода, а на мысе Челюскина в 1935/36 году выработали запасной способ добычи водорода при помощи баллонов.

Чтобы обеспечить работу радиозондов, на мысе Шмидта в 1936/37 году исправляли окислившиеся элементы: колпачок заменяли обмоткой из медной проволоки, покрытой льном; стаканчики покрывали парафином; для борьбы с так называемым явлением «замерзания» батарей употребляли раствор нашатыря, вымороженный при температуре -10° . Результат был положительный.

В бухте Тихой нашли, что прокладка конденсатора парафинированной бумагой обеспечивает устойчивость работы передатчика. Обнаружили, что сигналы радиозонда сохраняют волну, если контур передатчика поставить в наклонное положение, но без соприкосновения со стойкой. Там же определили, что для анодного питания достаточно 40 вольт, при условии применения твердого диэлектрика в конденсаторе и включения в анодную цепь высокочастотного дросселя. Прибор облегчили до 850—900 г.

На острове Белом в 1936/37 году устроили механизированную лебедку для подъема змеевок. Ручная лебедка требовала для работы шестерых, а механизированная только двух человек. На мысе Желания также устроили такую лебедку, и высоты в 1500 м стали получаться в семь раз чаще. На мысе Шмидта, чтобы участить подъемы метеорографа, сконструировали парусную тележку, которая поднимала прибор по проволоке вверх и затем спускала вниз.

* * *

Гидрологи полярных станций оказались в особенно трудных условиях. Это заставило их много поработать над приспособлением методики своей работы к арктическим условиям. Но в делах Гидрометслужбы сведений об их рационализаторской работе найдено немного, так как отчеты гидрологов направлялись в Гидрологический отдел ВАИ.

Прежде всего гидрологи озаботились рационализацией методов футшточных наблюдений, проводившихся ежечасными отсчетами футштока в течение 16 или 32 суток. В результате появились упоминаемый выше ледовый футшток.

Стремление механизировать определения уровня моря вызвало к жизни ле-

довые мареографы, изготавливаемые, зачастую, на станциях по чертежам самих гидрологов (мыс Шмидта, 1933/34; 1934/35; 1936/37; остров Врангеля, 1936/37).

Так же идет работа по изысканию способа установки мареографа в летний период, что в условиях многих станций представляется делом весьма сложным. Например, на мысе Шмидта в 1936/37 гсду устроили подъемный мареограф. Лебедка, поднимающая установку вверх, стояла на вершине берега. Установка летнего мареографа осуществлена на острове Диксона. На мысе Челюскина в 1935/36 году работал мареограф, поплавок которого плавал в керосине.

Для удобства измерения толщины льда в любой момент на мысе Шмидта в 1934/35 и 1935—1937 годах действовала постоянная рейка; был сконструирован поплавковый ледемер с приспособлениями для удержания его на месте при появлении сквозной промоины; специальное приспособление определяло величины поверхностного стаивания льда, одновременно с определением положения нижней поверхности льда.

На острове Уединения в 1935/36 году сконструирован прибор для определения прочности льда, а также маятниковый прибор для предупреждения о начинающейся подвижке льда.

Для обеспечения сохранности приборов и проб воды при перевозке их по торосистому льду гидрологи конструируют специальные ящики. На мысе Шмидта в 1936/37 году был устроен удобный ящик и к нему специальные нарты. Там же была изготовлена портативная складная гидрологическая лебедка.

Гидрологи изыскивали лучшие способы определения дрейфа льда. В 1933/34 году на мысе Шмидта следили за перемещением щитов, поставленных на льду на различных расстояниях от берега. В 1935/36 году для этой цели употребляли теодолит на острове Врангеля. В 1936/37 году на мысе Шмидта провели опыты по ускорению стаивания стамух и протаивания морского льда.

* * *

Большая работа была проведена и по актинометрии. В бухте Тихой в 1935/36 гсду определялись альbedo и прозрачность снега. На острове Уединения в 1936/37 году сконструирован специальный кольцевой экран для определения рассеянной радиации, определялась альbedo снега, воды, льда, определялась величина проникающей радиации в снеге и льде. На мысе Шмидта в 1936/37 году определялась альbedo чистых и загрязненных поверхностей снега и льда; испытывалась конструкция солнечной снеготаялки; сделан выезд на прибрежные гсыры для сравнительных определений солнечной радиации.

В качестве развития плановых работ можно отметить предложение бухты Тихой определять высоту северных сияний по одновременным наблюдениям в бухте Тихой и на острове Рудольфа. В 1934/35 году мыс Шмидта организовал одновременные определения начала и конца сумерек в полярную ночь на мысе Шмидта, острове Врангеля и на Уэлене. В 1936/37 году организованы одновременные пуски шаров-пилотов в полярную ночь на всех аэрологических пунктах восточного сектора.

Из приведенного неполного перечня примеров мы видим, что на полярных станциях ведется большая инициативная работа. Нет только учета, руководства и поддержки полезных начинаний и проектов.

Необходимо положить конец безразличному отношению к внепрограммным работам, их нужно возглавить и результаты их не держать в отчетных папках, а доводить до сведения полярников — например, путем опубликования в специальном сборнике. Такой сборник, являясь ежегодным органом по обмену опытом, мог бы помещать предварительные выводы за истекшую зимовку. Возможность публикации в печати способствовала бы выявлению изобретателей и рационализаторов среди полярников.

ПО МОСКОВСКИМ МУЗЕЯМ

В Музее народов СССР

Впервые за время своего существования Музей народов СССР в Москве организовал Отдел народов Крайнего Севера.

Перед нами разворачивается яркая самотытная жизнь Крайнего Севера — его люди со своими национальными чертами и бытом, земля и недра, природа, птицы и звери. Поднята большая полярная целина, которую свирепая колониальная политика царизма обрекала на разграбление. И на далеком Севере восторжествовала ленинско-сталинская национальная политика партии. В то время как фашизм идет все дальше и дальше по пути своей каннибальской расистской теории, признавая право на существование только за чистокровными арийцами, у нас в Союзе Советских Социалистических Республик, объединенных Сталинской Конституцией, расцветают все народы, сохраняя свои национальные особенности.

Музей посвятил специальный раздел годам пребывания в ссылке на Севере товарищей Сталина, Орджоникидзе, Свердлова, Ярославского и других. Север был тюрьмой народов, местом ссылки лучшей, передовой части пролетариата России.

Знаменитая картина Левитана «Владимирка». Раз взглянув на нее — не забудешь бесконечно унылую серую дорожку, размытую дождями и поросшую чахлыми травами. По ней прошла история нескольких поколений, и здесь звучали дерзновенные пушкинские слова:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье.

Репродукция с картины Левитана «Владимирка» висит в центре раздела. Рядом другая — мало известного художника, но не менее выразительная: «Стан ссыльных». Ночь на этапе. Конвойный фонарем освещает умирающего ссыльного...

Под стеклом копия с письма товарища Сталина из Курейки, адресованного Владимиру Ильичу Ленину. Обложка «дела» Якутского областного жандармского управления на политссыльного Орджоникидзе. Фото — общий вид станка Курейка и домик на берегу Енисея, где томился в ссылке товарищ Сталин.

Народы Крайнего Севера на протяжении всей своей истории вели непримиримую борьбу с самодержавием. Есть и среди них выдвинутые стихийно вожди. В первой половине XIX века выступал всегда ненецких повстанцев Вауль. Его отряд бродил по тундре, отбирал оленей

у кулаков и раздавал бедноте. Царское правительство, изловив Вауля, заточило его в один из острогов. Ненцы помогли ему бежать. И вот Вауль во главе нового отряда в 400 человек появляется у стен Обдорска. Власти, чувствуя свое бессилие, пошли на хитрость. Они заманили его в Обдорск якобы для переговоров и там умертвили.

Большая картина показывает момент переговоров Вауля с обдорскими властями. Рядом — карта восстаний народов Севера против царизма с XVI по XIX век. В другом разделе собраны документы партизанского движения на Севере в годы гражданской войны. Фото знаменитого партизана Щетишкина. Редкий снимок отряда юнгов (эскимосы), который уничтожил белогвардейскую банду Бочкарева. Следовало бы как эти документы, так и те, что относятся к отдельным годам, объединить под одним лозунгом и в одном разделе: борьба народов Севера за свое освобождение от поработителей. Эти материалы и композиционно «просятся» к ярко оформленному макету «Сбор ясака». Урядник с тойоном сидят в чуме в беспощадной выжидательной позе. Данник-якут несет шкурку песца и лисы, больше он ничего не может отдать сборщикам ясака. Макет немногословен, но очень характерен для эпохи господства ясака в тундре. Здесь же приведен список ценной тушинины, выкаченной из Якутии. Только за четыре года, с 1641 по 1644, царская казна взяла из Якутии ясака на 850 000 рублей золотом, — гласит документ из архива Сибирского приказа.

Северный морской путь явился тем звеном, который помог быстрее поднять производительные силы Крайнего Севера. Музей это показал на ряде экспонатов.

Несколько диаграмм показывают развитие морского и речного транспорта на Севере. Рост авиации. Грузоперевозки. Внутрирайонное материковое транспортное освоение. Хорошо выполнена карта транспортного строительства в Якутии.

Известное место в героике завоевания Арктики отведено челюскинской эпопее, роли товарища Куйбышева в организации работ по спасению челюскинцев.

На отлично выполненном макете земного шара, показывающем великие советские арктические перелеты, к сожалению допущено искажение: написано, что полет на Северный полюс был осуществлен в 1936 году (?). Непростительная ошибка!

Хотелось бы видеть в разделе по освоению Севера такое мощное и цели-

ком наше советское техническое средство как ледокол. В музее его нет — даже на картине, и в этом слабость некоторых экспозиций.

Или такой, например, ляпус. Экспонирован шаман-гольд в полном облачении, со всеми шаманскими атрибутами. И ни одной строчки пояснения вообще о шаманстве как одном из тягчайших пережитков прошлого, с которым трудящиеся Севера ведут успешную борьбу.

Этнография — наиболее сильная часть музея. Вот перед нами стоит нанаец. Охотник-алеут плывет в байдаре. Коряк в национальном костюме. Хант. Ненец едет на нарте. Многочисленные картины художников раскрывают величавую природу Севера. Беспорядочная тундра. Всполохи полярного сияния. Бурные снега и скромные цветы — зима и лето. Показано, чем занимаются народы Севера.

Уже одно то, что музей сумел собрать довольно большое количество экспонатов, говорит о его вкусе и умении работать и над такой трудной задачей как Север. Остается выправить методологическую часть его, устранить ошибки. И мы обогатимся тогда еще одним учреждением большой агитационной силы и научной ценности.

Художественные ремесла народов Севера

В 1937 году Всесоюзный комитет по делам искусств организовал постоянную выставку народных художественных ремесел при Музее изящных искусств. В основу деятельности этого музея были положены стремления Горького — не только собрать редчайшие произведения народных художников, но и пробудить интерес к ним среди широких слоев населения, привить любовь к немеркнущему искусству отдаленной старины, богатому самобытностью. Фонды этой выставки намечено положить в основу будущего Музея народных художественных ремесел.

До организации выставки народными художественными ремеслами «занималась» потребительская кооперация. При-

своив совершенно несвойственную функцию, она, естественно, не могла преуспеть в этой области. Некоторые музеи, тоже занимавшиеся народными художественными ремеслами, искали в них только этнографические ценности, и очень часто подлинные образцы народного творчества проходили мимо их внимания.

Выставка народных художественных ремесел уже сделала большое дело. Мы отмечаем здесь только ту работу, которая проведена на Севере.

Во-первых, сейчас имеется около тысячи экземпляров собранных воедино ценнейших образцов художественных ремесел народов Севера.

Выставка располагает богатейшей в СССР коллекцией произведений чукотских костерезов. Она имеет художественные изделия хантэ, манси, удеге, кивхов, янагайцев и других народностей.

Сбору экспонатов предшествовала углубленная научно-исследовательская работа. Надо было не только собрать типичные для Севера образцы художественных ремесел, но и убедить мастеров, чтобы они дальше совершенствовали свое искусство, помочь им в выборе тем. Надо было разбудить инициативу, изучить методологию того или иного вида художественного ремесла. Все это работники выставки с успехом осуществляют.

Проделана большая работа для привлечения наиболее одаренных мастеров к созданию крупных архитектурно-декоративных произведений, имеющих общегосударственную ценность. Для одной из таких работ был использован известный чукотский мастер-костерез Вуквол. Он научился разделять художественными национальными орнаментами порталы и панно.

Всяческого поощрения заслуживают работники выставки. Уже одно то, что они всерьез занялись исследованием этого искусства — факт большой политической значимости.

Мы можем отметить как положительное явление и то, что выставка уже частично приступает к демонстрации своих богатейших экспонатов. Первая выставка народных художественных ремесел, на которой представлены ремесла и народов Севера, открылась в Ялте.

Адрес редакции:

Москва, улица Коминтерна, 4/7. Тел. 4-35-95

Редакционная коллегия

Технический редактор Ю. А. Таубер

Сдано в набор 19 августа 1938 г.

Подписано к печати 26 октября 1938 г.

Бум. 70 × 108 см. 9½ печ. л. + 3 вклейки 5 бум. л.

16 уч.-авт. л. 120000 тип. зн. в бум. л.

Уполн. Главлита Я Б—39225.

Зак. 2581

Изд. № 63.

Тираж 10000 экз.

Типография «Коминтерн». Ленинград, Красная ул., 1.